
ISSN 2227-1171 (Print)

Том 8, № 4. 2017

Сквозной номер - 30

ISSN 2542-1247 (Online)

Vol. 8, no. 4. 2017

Continuous issue - 30

ВЕСТНИК

Казанского юридического института МВД России

Bulletin of the Kasan Law Institute of MIA of Russia

Научно-теоретический журнал

Учредитель и издатель:

Казанский юридический институт
Министерства внутренних дел
Российской Федерации
420108, Россия, Республика Татарстан,
г. Казань, ул. Магистральная, 35

Редакционно-издательское отделение:
420059, г. Казань,
ул. Оренбургский тракт, 128

Выходит с 2010 года ежеквартально

Наш индекс в журнале «Газеты. Журналы»
ОАО «Агентство Роспечать» - 84683

Журнал зарегистрирован в Федеральной
службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых
коммуникаций 29 июня 2012 г.
Регистрационный номер ПИ № ФС 77-50418

Журнал включен в Перечень ведущих
рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы основные
научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней
доктора и кандидата наук

Журнал включен в систему Российского
индекса научного цитирования (e-library)
Журнал включен в Ulrich's Periodicals Directory
Журнал распространяется только по подписке

Scientific-theoretical Journal

Founder and publisher:

Kasan Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs
of the Russian Federation
35, Magistralnaya, Kazan
420108, The Republic of Tatarstan, Russia

Editorial-and-publishing office:
128, Orenburgskii trakt
420059, Kazan

The Journal is being published since 2010 each
quarter

Our index in the Journal "Gazety i jurnaly"
OAO "Agenstvo Rospechat" - 84683

The Journal is registered in Federal Service for
Supervision of Communications, Information
Technology and Mass Communications July, 29,
2012.

Identification Number PI No. FS 77-50418

The Journal is included in the Catalogue of the
leading peer-reviewed journals, in which should
be published basic scientific results of degree
dissertations

The Journal is included in the Russian Science
Citation System (e-library)

The Journal is included in the Ulrich's Periodicals
Directory

The Journal is available only on a subscription basis

e-mail: vestnikkui@mail.ru

<http://www.vestnikkui.ru>

Редакционный совет

Гилинский Яков Ильич - доктор юридических наук, профессор (СПб., РГПУ им. Герцена)
Готчина Лариса Владимировна - доктор юридических наук, доцент (СПб., Санкт-Петербургский университет МВД России)
Позднякова Маргарита Ефимовна - кандидат философских наук (Москва, Институт социологии РАН)
Егорышев Сергей Васильевич - доктор социологических наук, профессор (Уфа, ВЭГУ), ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0930-7482>
Невирко Дмитрий Дмитриевич - доктор социологических наук, профессор (Красноярск, Сибирский федеральный университет)
Нигматуллин Ришат Вахидович - доктор юридических наук, профессор (Уфа, УЮИ МВД России)
Коробов Виктор Борисович - доктор социологических наук, профессор (Москва, ГУСБ МВД России)
Дубровин Сергей Викторович - доктор юридических наук, профессор (Москва, Московский университет МВД России)
Малков Виктор Павлович - доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ и ТАССР (Казань, КЮИ МВД России)
Безверхов Артур Геннадьевич - доктор юридических наук, профессор (Самара, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева)
Балахонский Виталий Витальевич - доктор социологических наук, профессор (СПб., Санкт-Петербургский университет МВД России)
Варыгин Александр Николаевич - доктор юридических наук, профессор (Саратов, СГЮА)
Павличенко Николай Владимирович - доктор юридических наук, профессор (Москва, Академия управления МВД России)

Редакционная коллегия

Председатель – доктор педагогических наук, доцент **Зиннуров Фоат Канафиевич**, начальник Казанского юридического института МВД России
Заместитель председателя – кандидат исторических наук, доцент **Миронов Сергей Николаевич**, заместитель начальника КЮИ МВД России (по научной работе)
Члены редакционной коллегии:
Алиулов Рашид Рахимулович - доктор юридических наук, начальник кафедры административного права, административной деятельности и управления ОВД
Андреев Максим Валентинович - доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин
Гарафутдинов Марат Рафикович - кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника КЮИ МВД России (по учебной работе)
Казанцев Сергей Яковлевич - доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики
Комлев Юрий Юрьевич - доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры философии, политологии, социологии и психологии
Фаткуллин Феликс Фидиевич - кандидат философских наук, доцент, начальник кафедры государственно-правовых дисциплин
Хрусталева Ольга Николаевна - кандидат педагогических наук, доцент, начальник редакционно-издательского отделения
Шалагин Антон Евгеньевич - кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права

Это произведение доступно по лицензии
Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная.
Чтобы увидеть копию этой лицензии, посетите
<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>.

Editorial Board

Yakov Il'ich Gilinskiy, Doctor in Laws (higher doctorate), Professor (St. Petersburg, Herzen State Pedagogical University of Russia)

Larisa Vladimirovna Gotchina, Doctor in Laws (higher doctorate), Associate Professor (St. Petersburg, Saint-Petersburg University of MIA of Russia)

Margarita Efimovna Pozdnyakova, Candidate of Philosophical Sciences (Moscow, Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences)

Sergey Vladimirovich Egorychev, Doctor in Sociology (higher doctorate), Professor (Ufa, Eastern Law and Economics Humanitarian Academy)

Dmitrii Dmitrievich Nevirko, Doctor in Sociology (higher doctorate), Professor, (Krasnoyarsk, Siberian Federal University)

Rishat Vahidovich Nigmatullin, Doctor in Laws (higher doctorate), Professor (Ufa, Ufa Law Institute of MIA of Russia)

Victor Borisovich Korobov, Doctor in Sociology (higher doctorate), Professor (Moscow, Academy of the Interior Ministry of Russia)

Sergey Victorovich Dubrovin, Doctor in Law (higher doctorate), Professor (Moscow, Moscow University of the MIA of Russia)

Victor Pavlovich Malkov, Doctor in Laws (higher doctorate), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation and the Republic of Tatarstan (Kazan, KJI of MIA of Russia)

Artur Genad'evich Bezverhov, Doctor in Law (higher doctorate) Professor (Samara, Samara State Aerospace University named after S.P. Korol'ov)

Vitalii Vital'evich Balahonsky, Doctor in Sociology (higher doctorate), Professor (St. Petersburg, Saint-Petersburg University of MIA of Russia)

Aleksandr Nikolaevich Varyigin, Doctor in Law (higher doctorate), Professor (Saratov, Saratov State Justice Academy)

Nikolai Vladimirovich Pavlichenko, Doctor in Law (higher doctorate), Professor (Moscow, Administration Academy of MIA of Russia)

Editorial Council

Chairperson:

Foat Kanafievich Zinnurov, Doctor of Pedagogical Sciences (higher doctorate), Associate Professor, Chief of Kazan Law Institute of MIA of Russia

Vice Chairman:

Sergey Nikolaevich Mironov, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Deputy Head of KLI of MIA of Russia for scientific work.

Editorial Board:

Rashid Rahimullovich Aliullov, Doctor in Laws (higher doctorate), Head of Administrative Law, Administrative Activities and Management of Internal Affairs

Maksim Valentinovich Andreev, Doctor in Laws (higher doctorate), Associate Professor, Professor of State and Legal Disciplines

Marat Rafikovich Garafutdinov, Candidate in Laws (higher doctorate), Associate Professor, Deputy Head of KLI of MIA of Russia for Educational Work

Sergei Yakovlevich Kazantsev, Doctor of Education, Candidate in Laws (higher doctorate), Professor of Criminalistics

Yurii Yur'evich Komlev, Doctor in Sociology (higher doctorate), Professor of Philosophy, Political Science, Sociology and Psychology

Feliks Fidaievich Fatkullin, Candidate of Philosophical Sciences (higher doctorate), Associate Professor, Head of the Department of State and Legal Disciplines

Ol'ga Nikolaevna Hrustal'jova, Candidate of Pedagogical Sciences (higher doctorate), Associate Professor, Head of the Editorial Department of the Editorial-and-Publishing Office

Anton Evgen'evich Shalagin, Doctor in Laws (higher doctorate), Associate Professor, Head of the Department of Criminology and Penitentiary Law

СОДЕРЖАНИЕ

<i>CONTENTS</i>	4
 <u>К 300-ЛЕТИЮ РОССИЙСКОЙ ПОЛИЦИИ</u>	
Гребенкин М.Ю., Бикташева А.Н. Создание казанской полиции и первые годы ее деятельности.....	8
Ермолаев Т.С. Образование и деятельность Якутского окружного полицейского управления (1868–1917 гг.).....	14
 <u>ГОСУДАРСТВЕННОЕ, ГРАЖДАНСКОЕ, АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО</u>	
Скоробогатов А.В. Человек в правовом пространстве.....	20
Ступина С.А., Шерстяных А.С. Правовые формы восстановления гражданских прав, нарушенных преступлением: некоторые аспекты теории и современной правоприменительной практики.....	26
Аксенович О.А. О необходимости расширения компетенции Конституционного Суда Российской Федерации (в контексте развития института делегированного законодательства).....	34
 <u>УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ</u>	
Юзиханова Э.Г. Тенденции современной преступности.....	41
Шалагин А.Е., Хрусталева О.Н. Тюремный фольклор в контексте криминальной субкультуры.....	46
Валуев М.В. Основные криминологические показатели групповой преступности, стимулируемой идеями социальной справедливости.....	54
Миллер В.Ю. Особенности возбуждения уголовных дел о преступлениях против собственности, совершенных в сфере предпринимательской деятельности.....	59
Скребец Е.С. Международное сотрудничество по вопросам противодействия экстремизму в правоохранительной сфере.....	64
Нефедова К.А. Корысть как мотивирующий фактор лиц, добровольно оказывающих содействие в информировании о правонарушениях.....	70
 <u>УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, ОРД и КРИМИНАЛИСТИКА</u>	
Комаров И.М. К вопросу о распознавании криминалистических причинных связей в преступлении.....	75
Сахарова Е.Г. Значение личности потерпевшего как объекта криминалистического исследования при расследовании причинения вреда здоровью.....	83
Горелик А.В. Возможности экспертного сопровождения дел об административных правонарушениях, связанных с применением пневматического оружия.....	89

Багаутдинов К.Ф.	
Актуальные вопросы досудебного соглашения о сотрудничестве.....	95
Кудряшова Е.С.	
Стандарт качества доследственной проверки, осуществляемой органами дознания.....	99
<u>К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ</u>	105

CONTENTS

<u>CONTENTS</u>	4
 <u>TO THE 300-TH ANNIVERSARY OF THE RUSSIAN POLICE</u>	
Grebenkin M.Y., Biktasheva A.N. Creation of Kazan Police and the Early Years of its Activity.....	8
Ermolaev T.S. The Formation and Development of the Yakut Regional Police Department.....	14
 <u>STATE, CIVIL, ADMINISTRATIVE LAW</u>	
Skorobogatov A.V. Human in the Legal Space.....	20
Stupina S.A., SHerstyanykh A.S. Legal Forms for Restoration of Civil Rights, Violated by Crime: Some Aspects of the Theory and Modern Law Enforcement.....	26
Axenovich O. A. About the Need to Expand the Competence of the Constitutional Court of the Russian Federation (in the Context of the Development of the Institute of Delegated Legislation in Russia).....	34
 <u>CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY</u>	
YUzihanova E.H.G. Trends of the Modern Criminal Activity.....	41
SHalagin A.E., Hrustaleva O.N. Prison Folklore in the Context of Criminal Subculture.....	46
Valuev M.V. Main Criminological Indicators of the Criminal Group Driven by Ideas of Social Justice.....	54
Miller V.Y. Peculiarities of Institution of Criminal Proceedings on Crimes Against Property Committed in Entrepreneurship.....	59
Skrebets E.S. International Cooperation in the Sphere of Counteraction to Extremism in Law Enforcement.....	64
Nefedova K.A. Self-interest as a Motivating Factor of the Persons who Voluntarily Assist in Informing about Offenses.....	70
 <u>A CRIMINAL TRIAL, INVESTIGATIVE ACTIVITIES AND CRIMINALISTICS</u>	
Komarov I.M. The Issue of Recognition of Forensic Causality in the Crime.....	75
Sakharova E.G. The Value of the Identity of the Victim as an Object of Forensic Investigation in the Investigation of Personal Injury.....	83
Gorelik A.V. Possibilities of Expert Support of Administrative Offences, Involving the Use of Airguns.....	89

Bagautdinov K.F.	
Current Issues of Pre-trial Agreement on Cooperation.....	95
Kudryashova E.S.	
Quality Standard of Initial Verification by Institution Organs.....	99
<u>NOTICE TO AUTHORS</u>	105

М.Ю. Гребенкин, А.Н. Бикташева

СОЗДАНИЕ КАЗАНСКОЙ ПОЛИЦИИ И ПЕРВЫЕ ГОДЫ ЕЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

CREATION OF KAZAN POLICE AND THE EARLY YEARS OF ITS ACTIVITY

Введение: целью отраженного в статье исследования на основе анализа комплекса законодательных и делопроизводственных материалов XVIII – начала XIX вв. является реконструкция возникновения полицейского аппарата в Казанской губернии.

Материалы и методы: источниками данной работы стали правовые акты из Полного собрания законов Российской империи (XIX в); документы Российского государственного исторического архива, Национального архива Республики Татарстан. Методология исследования базируется на общенаучных принципах историзма и системности. Использовались историко-генетический, историко-сравнительный, историко-типологический методы и источниковедческие методы проверки достоверности и репрезентативности источников.

Результаты исследования: анализ нормативных и архивных источников позволил предложить считать датой создания казанской полиции 23 апреля 1733 г., проследить процесс ее развития в XVIII – начале XIX вв., определить сферы взаимодействия казанской полиции с центральными органами власти.

Обсуждение и заключения: в XVIII – начале XIX вв. была заложена основа организации казанской полиции и определены ее функции, компетенция и положение в системе государственных органов. Была создана городская и сельская полиция, полицейская служба стала гражданской, выявились основные проблемы ее развития. Основные вопросы организации губернской полиции Казани решали лично императоры.

Ключевые слова: органы губернской полиции, Российская империя, Казанская губерния, Министерство внутренних дел, губернаторы

Для цитирования: Гребенкин М.Ю., Бикташева А.Н. Создание казанской полиции и первые годы ее деятельности // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2017. Т. 8, № 4. С. 8 - 13. DOI: 10.24420/KUI.2017.4(30).8535.

Introduction: the goal of the research basing on the analysis of the range of legislative and documents of management and record keeping materials of the XVIII – beginning of the XIX centuries is reconstruction of the police apparatus appearance in Kazan Governorate.

Materials and Methods: the sources of the work are legal acts of Complete Collection of Laws of the Russian Empire of the XIX century, documents of the Russian State Historical Archive, the National Archives of the Republic of Tatarstan.

Methodology of the study is based on the general scientific principles of historism and systematic nature. Historical and genetic, comparative-historical, typologic- historical methods and methods of research of the sources of validation and representativeness of the sources are used.

Results: the analysis of regulatory and archive sources allows to suggest that April, 23 1733 is the creation date of Kazan police, trace the historical of its development in XVIII – beginning of the XIX centuries, determine the spheres of interaction of Kazan police and central authorities.

Discussion and Conclusions: basis of the organization of Kazan police in XVIII – beginning of the XIX centuries was laid, its functions, competence and position within the Government were determined. Urban and rural police were created, Police Service transformed into civic, the main challenges of its development became apparent. The Emperors particularly decided the main issues of organization of the County Police.

Key words: the authorities of the provincial police, the Russian Empire, Kazan province, the Ministry of internal Affairs, governors

For citation: Grebenkin M.YU., Biktasheva A.N. Creation of Kazan Police and the Early Years of its Activity// Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2017. V. 8, № 4. P. 8-13. DOI: 10.24420/KUI.2017.4(30).8535

Введение

История органов государственного управления является одной из самых востребованных в проблематике историко-правовой науки. Особое место в изучении государственного аппарата занимают исследования структуры и деятельности полицейских органов. Закон «О полиции» положил начало реформированию органов внутренних дел Российской Федерации. Изменения, которые сегодня происходят в системе правоохранительных органов, требуют детального изучения предшествующего опыта их функционирования.

Казанская губерния являлась достаточно типичным регионом в плане отображения основных черт состояния и развития полицейских органов. По показателям, характеризующим вопросы полицейской службы в Казанской губернии, можно судить о местной полиции Российской империи в целом. Изучение историографии темы показало сходство процессов, протекавших в период становления полиции в Казани и в других регионах.

Хронологические рамки исследования ограничиваются XVIII – XIX вв. Именно в этот период происходило становление и развитие полицейских органов в России, были заложены основные направления их деятельности.

Целью исследования является реконструкция становления и развития полицейского аппарата Казанской губернии на основе анализа комплекса законодательных и делопроизводственных материалов XVIII – начала XIX вв.

Обзор литературы

История полиции на местах долгое время не являлась объектом изучения. Некоторые сведения о деятельности казанской полиции можно было найти у местных краеведов. Так, М. Пинегин рассматривал деятельность губернатора А.П. Волынского, при котором была предпринята первая попытка учреждения полиции в Казани [1].

На современном этапе важным новшеством стало изучение истории правоохранительных органов на местах. В основном история казанской полиции представлена в научных статьях, посвященных юбилеям МВД, в тезисах научных конференций и исторических очерках, которые носят обобщающий характер. Среди них можно выделить работу Л. В. Расческовой,

написавшей общую картину полицейской системы Казанской губернии [2]. Краткие очерки по истории казанской полиции можно обнаружить в таких юбилейных изданиях, как «На страже порядка» [3], «Уголовный розыск Республики Татарстан. Страницы истории» [4]; в работе Л. Г. Халиулиной «Летопись следствия» [5]. Становление, развитие, структура и функции полиции Казанской губернии были рассмотрены в историческом очерке «Страницы истории казанской полиции» [6]. Несмотря на многообразие публикаций, развитие и функционирование полицейских органов в Казанской губернии пока не получили должного отражения в исторической науке.

Материалы и методы

Источниками данной работы являются нормативные правовые акты, опубликованные в Полном собрании законов Российской империи (в трех собраниях)¹, касающиеся провинциального аппарата полиции. Нами были рассмотрены «высочайшие указы и повеления» утвержденные императором, Государственным советом, Комитетом министров и Правительствующим сенатом, связанные с полицейскими органами, их деятельностью, кадровым и материальным обеспечением. Выявление этой группы источников было осуществлено фронтальным методом просмотра Полного собрания законов Российской империи. Особенно интересны документы, хранящиеся в Российском государственном историческом архиве в Санкт-Петербурге (выявлены и проанализированы фонды Министерства внутренних дел) и в Национальном архиве Республики Татарстан.

Методология исследования базируется на общенаучных принципах развития, взаимосвязи, историзма и системности. Из числа общеисторических методов нашли применение историко-генетический, историко-сравнительный, историко-типологический, а также специальные источниковедческие методы проверки достоверности и репрезентативности источников.

Результаты исследования

25 мая 1718 г. указом Петра I в г. Санкт-Петербурге была введена должность генерал - полицмейстера². Первоначально полицейские органы были учреждены в столицах – в Петербурге в 1718 г. и в Москве в 1722 г.

Первые упоминания о деятельности казанской полиции гласят, что в начале XVIII века в городе убий-

¹ Полное собрание законов Российской империи. В 45 т. (далее - ПСЗ РИ). СПб., 1830.

² ПСЗ РИ. Собр. I. Т. V. № 3203.

ства были настолько часты, а грабежи так обычны и наглы, что после заката солнца обыватели боялись выходить из домов; уличного освещения не было; по городу стаями бродили собаки, которые бросались на прохожих; в пригородных слободах скрывались любители чужой собственности, по ночам совершавшие настоящие набеги на город.

По императорскому «Наказу» от 1728 года губернаторы совмещали высшие исполнительные, судебные и полицейские должности. Деятельность казанского губернатора (в 1725-1731 гг.) Артемия Петровича Волынского выразилась именно в самостоятельной попытке организации полиции¹. Он в 1728 году закрыл кабаки и дома терпимости, назначил караулы и устроил на улицах «рогатки» (ночные заграждения) – ловили воров, разбойников, беглых и беспаспортных. Всех бродячих собак было велено истребить. Караулы забирали подозрительных людей в полицию, там производилось предварительное дознание – «подлых людей», виновных в тяжких преступлениях, отсылали для следствия и суда в губернскую канцелярию, а попавшиеся в «малых винах» немедленно в полицию получали наказание, часто жестокое: били «кошками» (многохвостыми плетью) и батогами (тонкими палками)².

Полиция самостоятельно определяла меры наказания за малозначительные правонарушения: хождение в кабак и по улице в «неуказанные часы»; пьянство; продажу испорченного продовольствия; держание в доме не имевших паспортов людей; топление печей летом. Профессиональной полиции еще не было: ее обязанности исполняли прикомандированные военные – воинская команда во главе с офицером-полицмейстером.

Непосредственно создание казанской полиции относится к 23 апреля 1733 г., когда был утвержден указ Анны Иоанновны о формировании полиции в 23 городах, в том числе и в Казани. Была учреждена должность полицмейстера с подчиненной ему полицейской канцелярией; он назначался из офицеров местного гарнизона в чине капитана. Полицмейстеру подчинялась команда из унтер-офицеров, капрала и 8 рядовых солдат. В указе Императрицы говорилось, что в городах Поволжья, в т.ч. в Казани, «летом из-за великой теплоты и нечистоты наблюдается в воздухе вредительный и язвительный смрад», и главной задачей полиции является борьба с антисанитарией, «чтоб от того жителям бедства не учинилось»³.

Император Павел I продолжил реформирование полиции, которое касалось и Казанской губернии. Он

удовлетворил просьбу об увеличении численности казанской полиции. Указом от 19 декабря 1797 г. «Об учреждении полиции в городе Казани» был учрежден институт квартальных надзирателей⁴, а 28 апреля 1798 г. Павел I утвердил доклад Сената «О разделении полиции Казани на две части и о жаловании чинам и служителям», согласно которому город делился на два полицейских участка во главе с частными приставами. В штат полиции города вводились уголовные и гражданские приставы, которые подчинялись непосредственно полицмейстеру⁵.

Формирование штата полиции требовало и обеспечения его содержания. Так, 14 мая 1799 г. был учрежден «Примерный штат по губерниям градским полициям». Согласно данному документу начальником полиции был военный комендант или городничий с жалованием 360 руб. в год, в помощь которому назначался полицмейстер с жалованием в 300 руб. В каждой части утверждались частный пристав с жалованием в 200 руб. в год и квартальный надзиратель (120 руб.). На содержание и покупку лошадей выделялось 400 руб. в год и на другие необходимые нужды 1000 рублей в год.

Казанская полиция, по решению Сената от 21 августа 1798 года, была разбита на 3 «полицейские части», состоящие из 3 «съезжих палат» и 12 кварталов. В кадровом отношении она состояла из полицмейстера, 3 частных приставов, 12 квартальных надзирателей, 10 канцелярских служителей, 1 прапорщика, 1 брандмейстера, 6 унтер-офицеров (3 конных, 3 пехотных), 48 рядовых (по 24 конных и пехотных) – всего 82 человека. Средствами передвижения для них являлись 27 драгунских лошадей под седлами. В разных частях города располагались 29 полицейских «будок» (своеобразные опорные пункты). Здесь круглосуточные караулы несли привлеченные к этой службе горожане: 23 сотских, 21 пятидесятский, 99 десятских, 110 караульчиков и 10 трубочистов. Казанский губернатор просил добавить 70 человек в качестве постовых полицейских к «будкам» и пожарный инвентарь [7].

Особую ценность представляет «Список именной о чинах, состоящих в штате Казанской градской полиции на 12 февраля 1800 г.», сохранивший фамилии и ранги полицейских служащих Казани. Согласно ему должность полицмейстера исполнял тогда коллежский асессор Бышковский, частными приставами значились: в 1-й части – коллежский асессор Фишер, во 2-й части – коллежский асессор Суров, в 3-й части – титулярный советник Столбовский. Квартальными надзирателями служили титулярный советник Зеле-

¹ Пинегин М. Казань в ее прошлом и настоящем. С-Пб, 1890. С. 50

² Там же. С. 226.

³ ПСЗ РИ. Собр. I. Т. IX. № 6378.

⁴ ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXIV. № 18285.

⁵ ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXIV. № 18506.

новский, коллежский секретарь Иванов, губернский секретарь Логинов, городской секретарь Петров, губернский секретарь Федерман, провинциальный секретарь Иванов, городской секретарь Козьмодемьянцов, коллежский секретарь Мордвинов, городские секретари Мисников и Крахоткин, коллежский регистратор Семенов.

Ревизоры из Сената М.Г. Спиридов и И.В. Лопухин сделали заключение: «Осмотрев казанскую полицию во всех ее видах, и все, относящееся к тишине, спокойствию и зависящему от нее порядку в городе, что составляет главное ее достоинство, нашли в хорошем весьма состоянии... Похваляем также добрые труды и усердное расположение к наилучшему управлению своей должности господина полицмейстера; надеемся, что и все чиновники полицейские всегда будут соответствовать важности звания своего и прилежностью к делу и честностью, которых всякое частное нарушение наносит вред целому доброй полиции». Отмечая заслуги казанского губернатора по поддержанию порядка в городе, ревизоры присоединялись к его просьбе расширить штат полиции¹.

В истории создания МВД и реформировании местных органов власти заметную роль сыграл так называемый «казанский инцидент», связанный с полицией под управлением казанского военного губернатора П.П. Пущина. Попытки в России были формально отменены по указу 27 сентября 1801 г. после скандального дела в Казани, которое стало для императорской власти одним из поводов всерьез, на деле, заняться введением министерской системы управления страной. В 1801 году Александру I доложили, что казанская полиция в подчинении П.П. Пущина прибегает к истязаниям и жестоким пыткам в ходе следствия с целью получения признаний вины от обвиняемых в преступлениях. Для расследования дела в Казань был отправлен флигель-адъютант барон Альбедиль, который удостоверился в справедливости жалоб. П.П. Пущин был отдан под суд по делу мещанина Яковлева, взятого по подозрению в поджогах и под пытками вынужденного признать свою несуществующую вину, следствием чего был приговор его к смертной казни, уже приведенный в исполнение.

О событиях писали С.М. Шпилевский [8], Н.П. Загоскин [9], Н.Ф. Дубровин [10], они получили отражение на страницах многотомного издания по истории военного министерства [11]. Сенатское дело – «О суждении бывших в Казани губернаторов: военного – Пущина и гражданского – Муханова, губернского прокурора Княжевича и присутственных тамашней Уголовной Палаты, Городского Магистрата и Полиции за бесчеловечные к подсу-

димым пытки» – представляет собой фолиант объемом в 584 листа².

Эти события в Казанской губернии стали причиной издания императором Александром I указа Сенату от 27 сентября 1801 г., который запрещал употребление полицией при дознании и следствии каких бы то ни было истязаний, «допросов с пристрастием», под страхом кары. В нем говорилось: «Император изъявляет желание, чтобы само наименование «пытка», стыд и укоризну человечеству наносящее, изглажено было навсегда из памяти народной»³. Не случайно эти события совпали с принятием Александром I окончательного решения о создании в России министерской системы, при которой деятельность губернаторов и полиции должна была попасть под строгий контроль МВД.

Другим, хотя и несколько юмористическим, поводом, подтолкнувшим нерешительного императора к ответственным практическим шагам, стал эпизод с назначением казанским гражданским губернатором (1801 – начало 1802 гг.) и руководителем полиции Александра Александровича Аплечева, бывшего Санкт-Петербургского обер-полицмейстера, который был снят со своей должности в столице за увлечение карточной игрой. В.П. Кочубей и П.А. Строганов, входившие в «кружок молодых друзей Александра I», давно подталкивали императора к реформе исполнительной власти, к передаче части функций императора особым органам, построенным по принципу единоначалия и личной ответственности руководителя (министра) перед монархом. Шутки ради они подали на подпись царю бумаги, согласно одной из которых Аплечев снимался с должности обер-полицмейстера за свои проступки, а по другой – назначался казанским губернатором. Самодержец физически не мог даже просто просматривать все поступавшие к нему официальные бумаги и подписывал их не читая. Когда же после официальной публикации указов он с удивлением узнал о том, что Аплечеву «за вину – награда», «молодые друзья» объяснили свою шутку стремлением продемонстрировать царю, что он не может более отвечать за все в стране сам, должен разделить часть своих обязанностей с министрами, чьи обязанности и ответственность должны быть четко определены.

8 сентября 1802 года Манифестом императора Александра I было образовано 8 министерств, самым большим и многофункциональным стало Министерство внутренних дел. В Манифесте подчеркивалась личная ответственность министра за состояние дел во вверенном ему ведомстве. Во главе губерний стояли губернаторы, под их руководством действовал аппарат полиции. Губернато-

¹ Российский государственный исторический архив (далее - РГИА), Ф. 1537. Оп. 1. Д. 44. Л. 53, Л. 57.

² РГИА. Ф. 1345. Оп. 98. Д. 755.

³ ПСЗ РИ. Собрание I, № 20022.

ры попали в подчинение Министерству внутренних дел.

10 марта 1803 г. Александром I был лично утвержден подготовленный за подписями В.П. Кочубея и министра юстиции, нашего земляка-казанца Г.Р. Державина первый после создания МВД «Штат казанской полиции по общему примерному составлению»¹. Начальником казанской полиции являлся военный комендант, а в помощь ему назначался полицмейстер. Город в административно-полицейском отношении разделялся на три части. Полицией должны были управлять полицмейстер, три частных пристава, определенные в части города; и по два ратмана (выборные от ремесленников и купцов) от Городового Магистрата на каждую часть. Каждая полицейская часть делилась на два «квартала», куда назначались квартальные надзиратели. Таким образом, руководящий штат полиции составлял всего 17 человек, без учета канцелярских служащих, численность которых не определялась, но ограничивалась суммой «на канцелярские расходы» в размере 580 руб. на город в год.

Полицейстер получал жалованье 600 рублей в год, частный пристав – 300, квартальный надзиратель – 200. Ратманы, как выборные от горожан, казенного жалованья не получали. Все расходы на полицию были определены в 3.280 рублей в год (губернатор в то время получал 3000 рублей в год)².

Для полицейской службы при губернской роте дополнительно создавалась воинская команда из 12 драгун при одном унтер-офицере, с жалованьем и содержанием в амуниции и провианте из городских доходов на уровне других чинов, состоящих в губернской роте. Возможно, первым казанским полицмейстером в период после создания МВД следует считать бывшего служащего Санкт-Петербургской полиции Низякова, о назначении которого на эту должность «как человека, ему по полиции Санкт-Петербурга известного» с января по декабрь 1802 г. просил министра казанский губернатор А.А. Аплечеев³.

С 19 сентября 1802 г. начинается постоянная деловая переписка между министром внутренних дел и казанскими губернаторами, которая касалась самых разных сторон жизни Казанской губернии. В сведениях

«по полиции» требовалось сообщать о «скопищах и собраниях» в городах, где «примечено было тайное противозаконное намерение, непозволенная связь или предмет политический», о запрещенных играх, развратных сборищах, о появлении «возмутительных и безбожных книг», о подозрительных людях.

Немало внимания уделялось в переписке МВД и губернатора работе казанской полиции. Указывалось, что «государь император нашел, что во многих городах полиция не имеет должного наблюдения за опрятностью и чистотой, посему градской полиции за чистотой и опрятностью строжайше наблюдать» и осуществить для этого семь мероприятий⁴.

Первый министр юстиции Г.Р. Державин выступал против нарушений законности, когда полицейский исправник Назаров в Казанской губернии «чинил с крестьян противозаконные сборы и лихоимства». Министр требовал от губернатора: «Удадите тотчас с должности и предайте строжайшему по закону осуждению, поступите по точной силе закона»⁵.

Обсуждение и заключения

Анализ нормативных и архивных делопроизводственных источников позволил определить дату создания казанской полиции, проследить процесс ее развития в условиях XVIII – начала XIX вв. после создания Министерства внутренних дел в 1802 г., определить сферы взаимодействия местной полиции с центральными органами власти, выявить основные проблемы, которые были характерны для развития губернской полиции Казани.

Процесс становления полиции Казанской губернии продолжался почти сто лет. В XVIII веке была заложена основа организации полиции и определены ее функции, уточнены ее компетенция и правовое положение в системе государственных органов. Была создана городская и сельская полиция, принявшая характерные для России черты.

В начале XIX века на смену Управе благочиния в губернский центр приходит полицмейстер со штатом полицейских служащих. Происходит разделение армии и полиции по указу от 1 августа 1800 года: полиция теперь подчинялась гражданскому ведомству⁶, а все вопросы по реорганизации полиции в губерниях контролировал лично император.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пинегин М. Казань в ее прошлом и настоящем. С-Пб., 1890; репринтное издание. Казань, 2005.
2. Расческова Л.В. Два века на страже порядка: из истории полиции Казани и Казанской губернии // Kazan-Kazan. 2002. № 6. С. 15

¹ Национальный архив Республики Татарстан (далее - НАРТ), Ф. 2, Оп. 1, Д. 5, Л. 114.

² НАРТ, Ф. 2, Оп. 1, Д. 5, Л. 117.

³ НАРТ, Ф. 2, Оп. 1, Д. 3; Ф. 1, Оп. 1, Д. 3, Л. 328.

⁴ НАРТ, Ф. 1, Оп. 1, Д. 3 А, Т. 2, Л. 16.

⁵ НАРТ, Ф. 1, Оп. 1, Д. 3, Л. 109.

⁶ ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXVI. № 19502.

3. На страже порядка: кн. 1. Казань, 1997.
4. Уголовный розыск республики Татарстан. Страницы истории. Казань, 1998.
5. Халиуллина Л.Г. Летопись следствия. Казань, 1998.
6. Бикташева А.Н., Гребенкин М.Ю., Миронов С.Н. Страницы истории казанской полиции: исторический очерк. Казань, 2017.
7. Бойкеева С.Е. Кадровое обеспечение полицейских органов в Российской империи (историко-правовой аспект) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук, 2001.
8. Шпилевский С.М. Заботы императора Александра I о Казани // Ученые записки Казан. ун-та. 1878. Т. 14, №. 1. С. 3–7.
9. Спутник по Казани / под ред. Н.П.Загоскина. Казань, 1895. С. 169 – 176.
10. Дубровин Н.Ф. Русская жизнь в начале XIX века // Русская старина. 1899. Т. 99, № 8. С. 242 – 244.
11. Столетие военного министерства, 1802-1902. СПб., 1904. Т. 2, кн. 2. С. 399 – 404.

REFERENCES

1. Pinegin M. Kazan' v ee proshlom i nastoyashchem. S-Pb., 1890; reprintnoe izdanie. Kazan', 2005.
2. Rascheskova L.V. Dva veka na strazhe poryadka: iz istorii policii Kazani i Kazanskoj gubernii // Kazan-Kazan'. 2002. № 6. S. 15
3. Na strazhe poryadka: kn. 1. Kazan', 1997.
4. Ugolovnyj rozysek respubliky Tatarstan. Stranicy istorii. Kazan', 1998.
5. Haliullina L.G. Letopis' sledstviya. Kazan', 1998.
6. Biktasheva A.N., Grebenkin M.YU., Mironov S.N. Stranicy istorii kazanskoj policii: istoricheskij ocherk. Kazan', 2017.
7. Bojkeeva S.E. Kadrovoe obespechenie policejskih organov v Rossijskoj imperii (istoriko-pravovoj aspekt) : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk, 2001.
8. SHpilevskij S.M. Zaboty imperatora Aleksandra I o Kazani // Uchenye zapiski Kazan. un-ta. 1878. Т. 14, №. 1. S. 3–7.
9. Sputnik po Kazani / pod red. N.P.Zagoskina. Kazan', 1895. S. 169 – 176.
10. Dubrovin N.F. Russkaya zhizn' v nachale XIX veka // Russkaya starina. 1899. Т. 99, № 8. S. 242 – 244.
11. Stoletie voennogo ministerstva, 1802-1902. SPb., 1904. Т. 2, кн. 2. S. 399 – 404.

Об авторах: Гребенкин Михаил Юрьевич, старший преподаватель кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Казанского юридического института МВД России
e-mail: mikegreben@mail.ru

Бикташева Алсу Назимовна, доктор исторических наук, профессор Школы исторических наук факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
e-mail: abiktasheva@hse.ru

© Бикташева А.Н., 2017

© Гребенкин М.Ю., 2017

About the authors: Grebenkin Mihail YU., Senior Lecturer of the Department of Criminology and Penal Enforcement Law of Kazan Law Institute of MIA of Russia

Biktasheva Alsu N., Doctor of Historical Sciences (Higher Doctorate), Professor of the School of History of the Faculty of Humanities of National Research University Higher School of Economics

Статья получена: 15.12.2017. Статья принята к публикации: 18.12.2017.

Статья опубликована онлайн: 20.12.2017.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

Заявленный вклад авторов

Гребенкин Михаил Юрьевич – архивные изыскания в Национальном архиве Республики Татарстан (г. Казань); обзор состояния изученности темы (историографический анализ), написание основного текста статьи с итоговым редактированием; формулирование основных выводов.

Бикташева Алсу Назимовна – архивные изыскания в Российском государственном историческом архиве (г. Санкт-Петербург); источниковедческий анализ документов текущего делопроизводства Министерства внутренних дел Российской Федерации; написание основного текста статьи с итоговым редактированием; оформление справочно-библиографического аппарата.

УДК 351.74 (571.56) (091)

DOI: 10.24420/KUI.2017.4(30).8608

Т.С. Ермолаев

**ОБРАЗОВАНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЯКУТСКОГО
ОКРУЖНОГО ПОЛИЦЕЙСКОГО УПРАВЛЕНИЯ
(1868 – 1917 ГГ.)**

**THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE YAKUT
REGIONAL POLICE DEPARTMENT**

Введение: в статье на основе архивных материалов рассматривается образование и деятельность полицейского управления Якутии в досоветский период.

Результаты исследования: выделены региональные особенности и многообразные функции полицейских структур, порой подменяющих и контролирующих органы власти на местах. Показано тесное взаимодействие окружного полицейского управления с региональной властью для проведения политики самодержавия в национальной окраине.

Обсуждение и заключения: документы делопроизводства Якутского окружного полицейского управления обладают солидным информационным потенциалом и при более тщательном изучении способны воссоздать целостную картину жизни северного социума во второй половине XIX – начале XX веков.

Ключевые слова: Якутия, «инородцы», государственное и местное управление, полицейские функции, политическая и уголовная ссылка, полицейский надзор

Для цитирования: Ермолаев Т.С. Образование и деятельность Якутского окружного полицейского управления (1868 – 1917 гг.) // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2017. Т. 8, № 4. С. 14 - 19. DOI:10.24420/KUI.2017.4(30).8608.

Introduction: basing on the archive materials the paper describes the formation and development of the police board of Yakutia of presoviet period.

Results: regional characteristics and various functions of police structures occasionally substituting and controlling local governments. Close cooperation of district Police Authority and state government for politics of autocracy in the domestic outskirts is shown.

Discussion and Conclusions: business correspondence of district police offices of Yakutia have substantial informational potential and are able to recreate an aggregate picture of the life of the northern society of the second half of XIX beginning of XX century.

Key words: Yakutia, “foreigners”, state and local government, policing role, political and criminal exile, police surveillance

For citation: Yermolaev K.A. The Formation and Development of the YAKUT Regional Police Department (1868-1917) // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2017. V. 8, № 4. P. 14 - 19. DOI:10.24420/KUI.2017.4(30).8608.

Введение

Полиция в царской России обладала огромным влиянием и силой. Она не только обеспечивала порядок и безопасность, но и являлась органом, контролирующим умы и сознание людей. В XIX веке происходило становление и развитие как регулярной, так и земской выборной полиции, возникла политическая ссылка и Якутия превратилась в локальную «тюрьму народов», где отбывали свой срок представители практически всех оппозиционных течений.

Предметом исследования в данной статье является становление и развитие полиции в Якут-

ском крае, определение ее места и роли в системе местных органов управления. На основе изучения и обобщения документальных источников и научной литературы автор пытается раскрыть процесс образования и организации деятельности российской полиции в Якутском крае, показать ее место и роль в формировавшейся системе органов местного управления.

Материалы и методы

При подготовке статьи использованы системный, ретроспективный, сравнительный и функциональный методы исследования, а также принцип историзма и социального подхода.

Обзор литературы

Дореволюционная историография представлена исследованиями историков государственной школы, работами государствоведческого характера. Отдельных изданий, посвященных изучаемой проблеме, фактически нет, но есть научные труды, благодаря которым становится возможным отследить развитие полиции через обзор административного устройства окраин. Систематическое изучение истории государственных учреждений России началось в 60-70 гг. XIX в. Значительное наследие оставил крупнейший исследователь, историк, публицист, профессор права Петербургского университета А.Д. Градовский [1, 2]. По истории губернского управления XVIII-XIX вв. была издана работа И.А. Блинова [3]. Внимательно рассмотрев правовую основу деятельности губернаторов, автор пришел к выводу, что эта должность стала ключевым звеном местной администрации в изучаемый период. Подробному исследованию подвергнута выявленная автором статьи научная литература по истории российской полиции, в частности труды М.И. Сизикова [4], Р.С. Мулукаева [5], И.А. Исаева [6], А.В. Борисова, А.Н. Дугина [7], В.М. Курицына [8], К.Ф. Гуценко, М.С. Ковалева [9], А.Н. Бикташевой, М.Ю. Гребенкина, С.Н. Миронова [10] и др. Региональная историография представлена трудами якутских историков, затрагивающих отдельные аспекты изучаемой проблемы в контексте административной структуры и политической ссылки [11, 12, 13, 14]. Основной массив документальных источников содержится в хранилищах Национального архива Республики Саха (Якутия). Прежде всего, это фонд № 15 «Якутское окружное полицейское управление», в котором сосредоточена основная масса документов органов полиции: циркуляры, инструкции, постановления, предписания и т.д. Документы охватывают период с 1868 по 1917 годы. Представляют интерес фонды окружных полицейских управлений, в частности фонд № 168 «Якутское городское полицейское управление». В нем содержатся указы Иркутского наместнического правления и Якутского областного правления. При более внимательном изучении можно проследить определенную тенденцию в накоплении архивных материалов: чем ближе к 1917 году, тем объемнее и точнее информация разнопланового характера, касающегося всех сфер жизнедеятельности северного социума, что подчеркивает тревогу правящего режима по поводу общественного самочувствия и социальных потрясений.

Уровень научной разработанности проблемы свидетельствует, что изучение деятельности Якутского окружного полицейского управления (ЯОПУ) не стало предметом специального исследования и затрагивалось лишь в контексте обобщения истории политической ссылки и социально-политических трансформаций в начале XX века. Тема полиции в системе местных органов управления рассматривалась как сопутствующая, и архивные документы ЯОПУ использовались прежде всего в трудах, посвященных истории политической ссылки в Якутии.

Результаты исследования

М.М. Сперанский, один из крупнейших российских реформаторов, назначенный в 1819 г. генерал-губернатором Сибири, организовал подготовку законодательной реформы под общим названием «Сибирское учреждение». В него вошло 10 законов, в том числе «Устав об управлении инородцев», принятый 22 июля 1822 г., который, по мнению составителей, устранял основные «неудобства» в сфере полицейского, судебного и хозяйственного управления «инородцами» [15]. Для управления ими учреждались инородческие управы, избиравшиеся из числа местной родоплеменной знати. На эти органы возлагалось также осуществление полицейских функций, а для контроля за их деятельностью в составе земской полиции губернатором назначался «смотритель за инородческим населением». Он должен был следить, чтобы «знатные инородцы», не входящие в состав инородческих управ и не состоящие на службе, не вмешивались в дела полиции и управления. В Положении подчеркивалось, что местная полиция и суды должны уважать «туземные обычаи и не вмешиваться без нужды в повседневную жизнь туземного населения»¹. Это свидетельствует о том, что в Российской империи учитывались специфика местного управления, а также исторически сложившиеся особенности национального быта, уровни социально-экономического и политического развития различных регионов [16].

Официальной датой образования специальных полицейских органов в Якутской области в виде окружного полицейского управления является 29 января 1868 г.² До этого времени полицейские функции в качестве одного из приоритетных направлений деятельности осуществляло Якутское областное правление, созданное в 1805 году³. По полицейской части ведению областного правления подлежал надзор за исполнением админи-

¹ Полное собрание законов Российской империи (далее - ПСЗРИ). СПб., 1830-1884. Собр.1. Т. 28. № 29126. С. 245.

² ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 43. № 502. С. 74.

³ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 5. № 321. С. 402 - 403.

стративных и уголовных дел, непосредственное исполнение которых возлагалось на городскую управу Якутска и земские полицейские управления в Олекминском, Вилуйском, Верхоянском и Колымском округах. Здесь находилось всего лишь по 1 исправнику, 3 участковых заседателя, 1 секретарю, 2 столоначальника, 1 переводчику [17]. В 1822 году для оптимизации полицейского, судебного и финансового управления «инородцами» созданы Инородные управы в округах. Они находились в ведении земской полиции, получали от нее предписания или устные поручения, после выполнения которых докладывали об исполнении. После реформы 1861 г. существенно возросло значение Министерства внутренних дел в политической жизни страны. Административно-хозяйственные функции вытесняются административно-политическими задачами. Именно с этого времени значительно возрастает приток политических ссыльных в Якутскую область и она становится излюбленным местом самодержавия для изоляции государственных преступников по политическим мотивам. Возможно, с этим связано создание Якутского окружного полицейского управления. 8 августа 1878 г. Александр III подписал специальное положение, узаконившее миссию административной ссылки в Восточную Сибирь¹. 12 марта 1882 г. императором утверждено положение «О гласном полицейском надзоре» и сделано распоряжение о высылке лиц, отбывающих каторжные работы, на поселение в Якутскую область². Следует отметить, что общая численность полицейских служащих Якутии с середины XIX в. до 1917 г. выросла с 43 до 69 человек, или примерно на 44 %³. Рост численного состава обусловлен прежде всего существенным увеличением контингента ссыльных в Якутскую область и необходимостью обеспечения надлежащего контроля за их поведением. Согласно обнаруженным в архивах ЯОПУ циркулярам и предписаниям в компетенцию Якутского городского полицейского управления входило наблюдение за порядком и соблюдением законов, проведение решений губернского правления и судов, пресечение нарушений, задержание преступников, осуществление дознания и розыска. Кроме прямых функциональных обязанностей, в ведении городской полиции находились пожарная команда и медицинская часть, а также осуществление надзора за строительством частных домов, состоянием дорог и обеспечением продовольствием⁴.

В компетенцию Якутского окружного полицейского управления входил более широкий круг вопросов. В качестве примера можно назвать обнаружение указов императора и правительственных документов, руководство по устройству дорог на территории округа, надзор за почтой и почтовыми домами, организация квартирования расположенных в округе войск и обеспечение их всем необходимым, составление и анализ происшествий⁵, а также принятие мер при массовых заболеваниях и эпидемиях, наблюдение за действиями полиции в селениях, надзор за нищенством и бродяжничеством, взыскание недоимок [18]. Особая статья предписывала Окружному полицейскому управлению надзор за препровождением и водворением ссыльных. Кроме этого, окружное полицейское управление обязано было составлять ежегодные ведомости «о посевах и урожаях хлеба и трав»⁶ и «исполнять судебные приговоры по делам уголовным»⁷. Полицейскую службу в области несли и казаки, которые по «Уставу о сибирских городских казаках» 1822 г. выполняли обязанности полицейской охраны [19]. Однако для полиции их ценность была незначительной, так как каждый якутский казак был больше озабочен своим хозяйством, нежели службой. Профессиональная подготовленность казаков также не шла в сравнение с подготовкой рядовых полицейских, набравшихся чаще всего из числа бывших унтер-офицеров. Однако казаки были полезны тем, что хорошо знали местные условия и язык коренных жителей. В Якутске базировался пеший казачий полк, в состав которого входили якутская, олекминская, вилуйская, верхоянская, среднеколымская, охотская и удская команды. Две последние решением министра внутренних дел в 1882 г. передаются в ведение Охотского окружного исправника. К 1884 г. казачий полк состоял из 9 обер-офицеров и 374 нижних чинов. Сословие казаков было представлено обер-офицерами (12), нижними чинами (501) и членами их семейств (963) – всего 1477 чел. [20]. В полицейские обязанности казаков входили ночные разъезды, охрана казенной клади, надзор за ссыльными, охрана и препровождение ссыльных до мест назначения, обеспечение взимания с населения недоимок и т.д. Другой силовой структурой, используемой в чрезвычайных ситуациях, являлась местная военная команда. В сентябре 1892 г. в ней на территории области состояли 2 обер-офицера, 1 фельдфебель,

¹ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 30. № 1221. С. 174.

² ПСЗРИ. Собр. 3. Т. 3. № 239. С. 432.

³ Подсчитано автором.

⁴ Национальный архив Республики Саха (Якутия) (далее НА РС(Я)).Ф. 15.Оп.4.Д. 470.Л. 1-24.

⁵ НА РС(Я).Ф. 15.Оп. 4. Д. 470. Л. 1-10.

⁶ НА РС(Я).Ф. 15.Оп. 4. Д. 617. Л. 22-33.

⁷ Там же. Оп. 1. Д. 7311. Л. 37 - 39.

9 унтер-офицеров, 15 ефрейторов, 118 рядовых, 1 барабанщик – всего 152 человека [16]. Ввиду отсутствия в Якутии подразделений жандармерии полиция должна была пресекать инакомыслие и производить конфискацию запрещенной литературы. Численность личного состава якутской полиции всегда была незначительной. В городах на каждые 500 жителей полагался всего один городской, но у полиции имелось множество внештатных помощников, обязанных беспрекословно и безвозмездно помогать ей во всех делах. В городах ими были многочисленные дворники и сторожа, обязательно имевшие свистки для звуковой связи с городскими. В сельской местности полиции помогали уже все представители деревенских и улусных властей – старосты, улусные головы, старшины, сотские и десятские. Так называемые сотские и десятские официально именовались полицейскими агентами, хотя и не получали никакой зарплаты. Благодаря помощи сельских и городских властей расходы на полицию в стране не составляли значительной суммы. Е.В. Копылов сравнивая содержание полиции, отмечает, что в среднем каждый подданный России в конце XIX в. платил в виде налогов на содержание полиции ежегодно всего сумму, эквивалентную 2 германским маркам. В то же время каждый германский подданный тратил на полицию 7 марок 81 пфенниг в год, а англичанин – 12 марок 66 пфеннигов [21]. Русская казна выдавала жалование только полицейским, служившим в сельской местности. Городская же полиция получала зарплату исключительно из городского бюджета. Несмотря на малочисленность населения Якутии, работа у местной полиции находилась всегда. Наиболее криминогенными пунктами были Якутск и Бодайбинские золотые прииски, через которые ежегодно проходило около 200-300 ссыльных, и более половины преступлений совершалось именно ими. К наиболее распространенным видам преступлений относились кража и «оскорбление чести» (нанесение побоев, нецензурные оскорбления и клевета). Совершались также «преступления по должности» – растрата денег, злоупотребление властью, коррупция. Зарегистрированы отдельные случаи вымогательства. На этом поприще «отличились» и сами служащие полиции. Например, в июле 1912 г. перед судом предстали исполняющий дела городского пристава Бородин и полицейский надзиратель Терский, обвиняемые в вымогательстве 10 тыс. рублей у богатого скопца. Большая часть преступлений, совершенных низшими чинами власти, происходила по вине казаков [21]. В ходе подготовки статьи автор надеялся обнаружить све-

дения биографического характера для освещения деятельности конкретных людей, работавших в системе ЯОПУ. К сожалению, в имеющейся исторической литературе и в архивных документах не удалось обнаружить полноценных данных о личностях полицейских служащих Якутской области. Имеются лишь отрывочные данные о некоторых из них.

Первым окружным исправником ЯОПУ стал бывший полицмейстер Якутской городской управы Иван Федорович Ворожейкин. Происходил из дворян, родом из Санкт-Петербурга. Исполнял данную должность до 1879 г., дальнейшую судьбу этого человека проследить не удалось¹. Подъесаул А.И. Попов, являясь в 1900 г. окружным исправником, собственноручно составил проект нового положения об «инородцах» Якутской области, который при ближайшем участии сотрудника Якутского областного статистического комитета Э.К. Пекарского представлен на рассмотрение в Якутское областное управление. Оно, в свою очередь, при деятельном участии А.К. Миллера и некоторых образованных «инородцев» выработало альтернативный проект положения об «инородцах» области, который и был представлен 5 апреля 1900 г. иркутскому генерал-губернатору. Но, к сожалению, дальнейшая судьба данного документа неизвестна. Что касается дальнейшей судьбы А.И. Попова, то он сумел сделать блестящую карьеру. В 1902 г. окружной исправник становится по совместительству председателем Якутского сельскохозяйственного общества, в 1908 г. получает чин статского советника областного управления, с 1914 г. назначается вице-губернатором Якутской области [19]. Последним полицмейстером Якутской области был Рубцов Илья Александрович, до 1909 г. служивший сотником Олекминской казачьей команды. Несмотря на то, что он имел денежный долг (более 200 рублей) перед артельной суммой казачьей команд, был переведен на должность земского заседателя Якутского округа по распоряжению губернатора. Спустя некоторое время Рубцов занял должность пристава г. Якутска. За энергичную и умелую деятельность по раскрытию убийства ссыльно-поселенца Зубарева якутский губернатор своим распоряжением от 7 октября 1911 г. объявил ему благодарность. Вместе с тем следует отметить, что денежный долг И.А. Рубцова перед государством к этому времени превысил 1000 рублей, в связи с чем фискальным органам было предписано удерживать из жалования будущего областного полицмейстера ежемесячно 111 руб. 19 коп. до окончательной уплаты долга. Но и это не помешало стремительному ка-

¹ НА РС(Я). Ф. 15. Оп. 10. Т. 8. Д. 3443. Л. 101-102.

рьерному росту И.А. Рубцова: 3 сентября 1912 г. он был назначен на должность якутского областного полицмейстера¹. В ночь с 4 на 5 марта 1917 г. делегация Якутского комитета общественной безопасности явилась на экстренное совещание областной администрации и в ультимативной форме потребовала от вице-губернатора Д.О. Тизенгаузена сложения полномочий и предупредила, что в случае отказа представители областного правления будут арестованы. На следующий день вице-губернатор в сопровождении главного полицейского Рубцова явился в народное собрание Якутска и заявил о передаче власти ЯКОБ [19]. Таким образом Якутское областное полицейское управление было ликвидировано Временным правительством в марте 1917 г., которое своей Декларацией провозгласило замену полиции «народной» милицией. Служащие полиции были оставлены временно до учреждения в законодательном порядке окружной или уездной милиции². Для приема дел упраздненного ЯОПУ была создана комиссия из представителей новой власти – комиссара Якутского округа, членов финансовой комиссии и служащих при канцелярии Временной земской управы³. 30 апреля 1917 г. состоялась передача канцелярских дел, а 11 мая архив ЯОПУ был передан представителям новой власти⁴.

Обсуждение и заключения

Система полицейского управления – важная и неотъемлемая часть российской государственности, получившая особое развитие в период проведения в Российской империи широкомасштабных социально-политических реформ. Самодержавие стремилось не к организации полновластия местных органов управления, а к созданию исполнительных органов центральной власти на местах, что было

естественным в условиях абсолютной монархии. Именно на этом пути возникла потребность в создании полиции как административно-исполнительного органа государства в проведении всех преобразований. Условия быта и традиции российской глубинки позволили найти решение, освобождавшее государство от ресурсных и финансовых затрат при реформировании местных органов управления и наделении их полицейскими функциями. Якутия, находясь на периферии огромной империи, гораздо позже включилась в процесс создания системы государственного управления, в том числе организации местной полиции. Образование ЯОПУ совпало во временном плане с кардинальными изменениями траектории эволюции самодержавия и связано прежде всего с увеличением численности ссыльных, для которых Якутская область стала своего рода «второй родиной». Региональные особенности (огромная территория и низкая плотность населения, отсутствие надежных коммуникаций и путей сообщения, специфика социально-бытовых и национально-культурных условий) наложили определенный отпечаток на деятельность полицейских органов. С самого начала своей деятельности ЯОПУ тесно взаимодействовало с региональной властью, выступая в качестве основного инструмента проведения политики метрополии в национальной окраине. В недрах полицейского управления аккумулировалась значительная информация практически обо всех сферах жизни северного социума дореволюционного периода. Являясь надежным оплотом российской государственности на северо-восточной окраине, Якутское областное полицейское управление вплоть до упразднения добросовестно выполняло возложенные на него задачи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Градовский А.Д. Политика, история и администрация. СПб., 1871.
2. Градовский А.Д. Высшая администрация XVIII в и генерал-прокуроры. СПб., 1904.
3. Блинов И.А. Губернаторы: историко-юридический очерк. СПб., 1905.
4. Сизиков М.И. История полиции России. Вып.1 Становление и развитие общей регулярной полиции в России XVIII в. М., 1992.
5. Мулукаев Р.С. Полиция в России (IX-XX вв.). Н.Новгород, 1993.
6. Исаев И.А. История государства и права России. М., 1994.
7. Борисов А.В., Дугин А.Н. Полиция и милиция России: страницы истории. М., 1995.
8. Курицын В.М. История полиции России: краткий очерк и основные документы. М., 1998.
9. Гуценко К.Ф., Ковалев М.С. Правоохранительные органы. М., 2000.
10. Бикташева А.Н., Гребенкин М.Ю., Миронов С.Н. Страницы истории казанской полиции: исторический очерк. Казань, 2017.
11. Сафронов Ф.Г. Ссылка в Восточную Сибирь в XVIII в. Якутск, 1967.

¹ НА РС(Я).Ф. 15. Оп. 17. Д. 23. Л. 12-13

² НА РС(Я).Ф. 15. Оп. 10. Д. 4735. Л. 367.

³ Там же. Ф. 168. Оп. 1. Д. 32. Л. 1-5.

⁴ Там же. Д. 55. Л. 31.

12. Охлопков В.Е. История политической ссылки в Якутии. Якутск, 1982.
13. Казарян П.Л. Якутия в системе политической ссылки России 1826-1918 гг. Якутск, 1998.
14. Калашников А.А. Якутия. Хроника, Факты. События 1632-1917 гг. Якутск, 2002 .
15. Ермолаев Т.С. Становление и развитие государственности Республики Саха (Якутия). Якутск, 1999. С. 23.
16. Чибиряев С.А. История государства и права России. М., 1998. С. 295.
17. Макаров И.Г. Уголовная, религиозная и политическая ссылка в Якутии: вторая пол. XIX в. Новосибирск, 2005. С. 89.
18. Крафт И.И. Опыт якутского губернатора за время управления областью (1907-1908 гг.). СПб., 1908. С. 27.
19. Казарян П.Л. Якутия в системе политической ссылки России 1826-1918 гг. Якутск, 1998. С. 89.
20. Калашников А.А. Якутия. Хроника. Факты. События. 1632-1917 гг. Якутск, 2002. С. 325.
21. Копылов Е.В. Якутская полиция: штрихи к портрету // Советы Якутии. 1993. № 8. С. 6.

REFERENCES

1. Gradovskij A.D. Politika, istoriya i administraciya. SPb., 1871.
2. Gradovskij A.D. Vysshaya administraciya XVIII v i general-prokurory. SPb., 1904.
3. Blinov I.A. Gubernatory: istoriko-yuridicheskij ocherk. SPb., 1905.
4. Sizikov M.I. Istoriya policii Rossii. Vyp.1 Stanovlenie i razvitie obshchej reguljarnoj policii v Rossii XVIII v. M., 1992.
5. Mulukaev R.S. Policiya v Rossii (IX-XX vv.). N.Novgorod, 1993.
6. Isaev I.A. Istoriya gosudarstva i prava Rossii. M., 1994.
7. Borisov A.V., Dugin A.N. Policiya i miliciya Rossii: stranicy istorii – M., 1995.
8. Kuricyn V.M. Istoriya policii Rossii: kratkij ocherk i osnovnye dokumenty. M., 1998.
9. Gucenko K.F., Kovalev M.S. Pravoohranitel'nye organy. M., 2000.
10. Biktasheva A.N., Grebenkin M.YU., Mironov S.N. Stranicy istorii kazanskoj policii: istoricheskij ocherk. Kazan', 2017.
11. Safronov F.G. Ssylka v Vostochnuyu Sibir' v XVIII v. YAkutsk, 1967.
12. Ohlopkov V.E. Istoriya politicheskoy ssylki v YAkutii. YAkutsk, 1982.
13. Kazaryan P.L. YAkutiya v sisteme politicheskoy ssylki Rossii 1826-1918 gg. YAkutsk, 1998.
14. Kalashnikov A.A. YAkutiya. Hronika, Fakty. Sobytiya 1632-1917 gg. YAkutsk, 2002 .
15. Ermolaev T.S. Stanovlenie i razvitie gosudarstvennosti Respubliki Saha (YAkutiya). YAkutsk, 1999. S. 23.
16. CHibiryayev S.A. Istoriya gosudarstva i prava Rossii. M., 1998. S. 295.
17. Makarov I.G. Ugolovnaya, religioznaya i politicheskaya ssylka v YAkutii: vtoraya pol. XIX v. Novosibirsk, 2005. S. 89.
18. Kraft I.I. Opyt yakutskogo gubernatora za vremya upravleniya oblast'yu (1907-1908 gg.). SPb., 1908. S. 27.
19. Kazaryan P.L. YAkutiya v sisteme politicheskoy ssylki Rossii 1826-1918 gg. – YAkutsk, 1998. S. 89.
20. Kalashnikov A.A. YAkutiya. Hronika. Fakty. Sobytiya. 1632-1917 gg. YAkutsk, 2002. S. 325.
21. Kopylov E.V. YAkutskaya policiya: shtrihi k portretu // Sovety YAkutii. 1993. № 8. S. 6.

Об авторе: Ермолаев Терентий Степанович, кандидат исторических наук, научный сотрудник сектора этносоциологии ИГиПМНС СО РАН

e-mail: tererm@mail.ru

© Ермолаев Т.С., 2017

Статья получена: 05.09.2017. Статья принята к публикации: 12.12.2017.

Статья опубликована онлайн: 20.12.2017.

About the author: Ermolaev Terentiy S., PhD in Historical Sciences, Researcher Institute for Humanitarian Research and the North Indigenous Peoples Problems of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

e-mail: tererm@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final version of the manuscript.

УДК 340.111:141.3

DOI: 10.24420/KUI.2017.4(30).8609

А.В. Скоробогатов

ЧЕЛОВЕК В ПРАВОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

A HUMAN IN THE LEGAL SPACE

Введение: статья посвящена исследованию правового пространства как одного из компонентов правовой реальности. Целью статьи является онтологическое исследование правового пространства, определение его сущности, содержания и значимых характеристик, позволяющих выявить его роль в организации правового поведения человека и правовой реальности в целом.

Материалы и методы: методологическую основу исследования составляет синтез классических и постклассических мировоззренческих парадигм, которые определили выбор конкретных методов исследования: антропологического, формально-юридического, компаративного, метода правового моделирования, дискурсивного.

Результаты исследования: правовое пространство представляет собой многоуровневое правовое явление, которое существует не только географически (территориально), но и социокультурно и исторически. По своей онтологической природе правовое пространство есть проявление активной преобразовательной деятельности субъектов (человек, локальная группа, общество, государство) на основе начал справедливости, разумности и целесообразности. Аксиологически правовое пространство характеризует протяженность правовых действий субъекта по реализации своих интересов и притязаний в конкретный момент времени, определяя границы бытия человека в правовой реальности.

Ключевые слова: правовое пространство, человек в праве, правовая реальность, правовое действие, правовая деятельность, субъект права, правотворчество, правореализация, правовое поведение

Для цитирования: Скоробогатов А.В. Человек в правовом пространстве // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2017. Т. 8, № 4. С. 20 - 25. DOI: 10.24420/KUI.2017.4(30).8609.

Introduction: the purpose of the paper is the ontology research of law environment, determination of its essence, content and significant characteristics allowing to reveal its role in the organization of law behavior of the person and law reality in general.

Materials and Methods: the methodological basis of this research is the synthesis of classical and post-classical paradigms that determine the choice of specific methods of research: anthropological, formal-legal, comparative, legal modeling method, hermeneutic, discursive methods.

Results: the conclusion is drawn to the fact that the law environment represents multilevel category which exists not only geographically (territorially), but also social culturally and historically. By the ontologic nature the law environment is manifestation of vigorous converting activity of subjects (the person, local group, society, the state) on the basis of the beginnings of justice, rationality and expediency. The law environment axiologically characterizes the extent of subject's law actions for realization of the interests and claims in concrete time point, defining borders of life of the person in law reality.

Key words: law environment, law reality, law action, law activity, law subject, law-making, realization of law, law behavior

For citation: Skorobogatov A.V. A Human in the Legal Space // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2017. V. 8, № 4. P. 20 - 25. DOI: 10.24420/KUI.2017.4(30).8609.

Введение

Современные научные представления о пространственных характеристиках правовой реальности определяются идеей о том, что правовая деятельность субъекта (человек, локальная группа, общество) осуществляется в определенных гра-

ницах и опосредована их восприятием. Правовая реальность привязана к определенному пространству, которое можно проследить на всех трех онтологических уровнях: правотворчества, правореализации, правового поведения [1]. Пространственное существование правовой реальности проявляется

не только в территориальном определении действия нормы права, но и в сформированных в правосознании человека представлениях о границах правового (дозволенного и запрещенного) поведения.

Обзор литературы

Хотя дефиниция «правовое пространство» используется и в науке, и в правовом регулировании, единообразного ее понимания не сложилось как на нормативном, так и на доктринальном уровне. Можно выделить несколько основных трактовок данного понятия: (1) географическое понимание правового пространства как территории, на которую распространяется юрисдикция определенного правотворческого органа [2]; (2) философская интерпретация правового пространства как «формы социального пространства, в которой с помощью норм права устанавливаются стабильность в обществе, правопорядок и законность» [3, с. 23, 58]; (3) социологическая трактовка правового пространства как «области, в пределах которой действуют люди и структуры (акторы), определяющие понимание юридических норм и юридическую практику» [4]; (4) интегративная оценка правового пространства как предельно широкой, многоуровневой юридической категории, объединяющей всю совокупность цивилизационных, географических, социальных и психологических характеристик правовой системы [5]. В контексте нашего исследования наиболее интересной представляется точка зрения Е.Г. Зинкова, который отмечает наличие в правовом пространстве как объективных, так и субъективных аспектов: «Правовое пространство есть не что иное, как взаимосвязи и взаимоотношения, возникающие между субъектами и объектами правоотношений, правоприменения и правотворчества, взаимоувязывающие в единое целое все многообразие социальной жизнедеятельности общества и государства» [6, с. 19].

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составляет синтез классических и постклассических мировоззренческих парадигм, которые определили выбор конкретных методов исследования: антропологического, формально-юридического, компаративного, метода правового моделирования, дискурсивного.

Результаты исследования

Отражая дискретность и непрерывность правовой материи и различных форм ее движения [7], правовое пространство является формой бытия правовой реальности. Правовое пространство носит конструируемый характер. Субъекты права (правового взаимодействия) используют его для достижения определенных целей, удовлетворения интересов и потребностей или реализации при-

тязаний в определенных пределах (границах) [8]. Эти пределы отражают его целостность и самостоятельное значение, хотя и не являются неизменными, заданными изначально. С одной стороны, правовое пространство обладает способностью к содержательному расширению как по отдельным направлениям, так и во все стороны сразу. С другой – может когнитивно свернуться до отдельной точки, отражающей потенциальный минимум правового бытия субъекта.

Человек может действовать в правовом пространстве в рамках своего правового статуса, соблюдая интересы определенной социальной группы (реальной и номинальной), с которой он себя идентифицирует. Однако это не значит, что данные действия должны ограничиваться лишь правовым пространством группы. Стремясь к изменению своего статуса (формального и реального) как в рамках группы, так и путем перехода в иную группу, человек тем самым изменяет индивидуальное правовое пространство. Поскольку групповое и социальное правовое пространства в значительной степени представляют собой сумму индивидуальных пространств, то изменение правового пространства, хотя бы одного члена группы (общества) влечет за собой изменение и социального правового пространства.

Осуществляя определенные правовые действия в рамках реализации нормативно определенных прав и обязанностей, человек не столько интересуется содержанием правового пространства, сколько его установленными пределами и возможностью трансформации границ правового пространства. Для человека важно, насколько его правовые действия способствуют поддержанию и воспроизводству правового пространства группы [9]. Однако одновременно он выясняет потенциальную возможность изменения пределов этого пространства, если он будет действовать в качестве актора. Для обозначения этой ситуации воспользуемся термином, предложенным В.И. Павловым, – «практики правовой субъективации», под которыми он понимает «определенные правоповеденческие паттерны самообращения, в которых и через которые конкретный человек измеряет правовую жизнь в целом, свой правовой статус и правовое положение в частности, в том числе и конкретную юридически значимую ситуацию, в которой он оказывается» [10].

При определении границ правового пространства необходимо учитывать не только бытийные, но и когнитивные аспекты, прежде всего, лингвокультурные антонимичные ряды «я vs он», «свой vs чужой», «правильный vs неправильный», «справедливый vs несправедливый», «сакральный vs профанный» и т.д. [11]. Первая оппозиция в этих рядах

всегда воспринимается как позитивная, реально и потенциально влекущая к положительным последствиям. В традиционном обществе это позитивное начало получало сакральную санкцию, связанную с авторитетом богов или предков. В государственно организованном обществе позитивный эффект, как правило, достигается благодаря точному следованию установленным правилам. Однако эти правила не обязательно связаны с государством. Их создание и реализация могут обеспечиваться социумом [12]. Исходя из этого, «свой» человек всегда является хорошим и действует в границах социального правового пространства, в то время как действия «чужого» не только не соответствуют пределам правового пространства, но и могут повлечь за собой его разрушение. При этом правовая жизнь индивида исключительно на основании законодательно установленных норм или нормативных предписаний [13] будет восприниматься как проявление «чужого», поскольку для «своего» более важны пределы поведения, сформированные в результате социального взаимодействия и обеспечивающие бесконфликтное сосуществование определенной социальной группы, с которой себя идентифицирует человек, чем внешне установленные правила. Следовательно, правовое пространство можно определить как пределы правового поведения человека в определенных для него обществом правилах. Правотворчество и правоприменение могут влиять на границы этого пространства только в случае их соответствия национальной правовой традиции, учета правовых архетипов как процессуально и материально, так и когнитивно.

Определяя пределы правовой деятельности субъектов в системе социально значимых координат, правовое пространство не только является частью социального пространства, но и выполняет интегрирующую функцию. Благодаря ему иные виды социального пространства приобретают правовое значение и могут влиять на существование и развитие человека в правовой реальности. Степень корреляции нормативно закреплённого социального пространства и социального правового пространства определяет, насколько непротиворечивой является правовая реальность.

Правовое пространство включает в себя пределы интерпретации, сохранения, воспроизводства и передачи правовой информации, а также иные правовые действия, которые необходимы для осуществления целей, интересов и притязаний человека в правовой реальности. Правовые действия человека опираются на ценностные ориентиры (индивидуальные и социальные). В ходе этих действий человеком реализуются только те нормы права, которые соответствуют его правовым ценностям. Поэтому

законодатель при определении и совершенствовании правового пространства должен формулировать юридические нормы таким образом, чтобы они одновременно соответствовали индивидуальным и социальным правовым ценностям. В этом случае можно будет говорить и об их соответствии интересам максимально большого числа номинальных социальных групп.

Однако данная идеальная теоретически конструкция слабо реализуема на практике, ибо невозможно создать правило, которое бы полностью удовлетворяло целям и притязаниям каждого человека и соответствовало его индивидуальным ценностям. Следовательно, сформировать идеальную нормативистскую модель правового регулирования, при которой деятельность правоприменителя ограничивается лишь соотношением поведения человека с юридической нормой, выступающей в качестве эталона, невозможно. Поэтому более эффективной является система, в которой правоприменитель максимально приближен к правовому пространству человека. Чем в большей степени правоприменитель учитывает при разрешении социального конфликта правовые ценности конкретного человека, тем выше будет степень добровольности (отсутствия принуждения) при реализации этого решения. Ярким примером такой системы является суд присяжных. В этом случае можно говорить о сближении правового поведения и правовой реализации как уровней правовой реальности и гармонизации правовой реальности в целом.

Аксиологически правовое пространство отражает осуществление человеком (в соответствии со своим реальным и номинальным групповым правовым статусом) правил поведения, которые признаются ценными, важными и полезными для группы или общества и коррелируют с индивидуальным правом субъекта. Специально изучавшая аксиологическую составляющую правового пространства, В.Т. Азизова выделила следующие ее аспекты:

- правовые ценности структурируют правовое пространство как горизонтально, так и вертикально;
- будучи структурированным, правовое пространство императивно закрепляет систему преимущественно диспозитивных правовых ценностей и правил;
- правовое пространство закрепляет общеобязательную модель поведения, не соответствующую индивидуальной модели субъекта (здесь можно не согласиться с автором: правовое пространство включает не только правовые ценности общества, но также ценности и человека, и локальных групп, закрепляя возможность сосуществования различных моделей поведения, как находящихся в гармонии, так и противоречащих друг другу);

- правовое пространство и правовая ценность при определенных условиях соотносятся как форма и содержание [14].

Правовое пространство определяет пределы реализации интересов и притязаний человека в правовой реальности. Поэтому его можно рассматривать как своеобразную «протяженность» правовой реальности, позволяющую не только конкретизировать факторы, средства и условия правовой деятельности, но и оценить масштаб освоения человеком пределов правового регулирования [15], его восприятие правовой реальности и своего места в ней.

По объему и содержанию правового пространства можно классифицировать на пространство человека, групповое (общества или сообщества) пространство и пространство государства [16]. Первичным в этой классификации является правовое пространство человека, выступающее как одна из форм его экзистенции. Будучи чувствительной к его правовому поведению, она определяет не только внешние, но и ментальные пределы реализации его прав и обязанностей, интересов и притязаний. Внешним выражением бытия человека в правовом пространстве можно считать концептосферу права [17].

Правовое пространство человека основано на трех ключевых идеях, которые определяют направления его активности и его место в правовом пространстве общества и государства.

Во-первых, субъект, стремясь к самореализации, определяет потенциальный объем и содержание возможных условий и средств, необходимых для реализации его интересов и притязаний, устанавливает пределы собственной правовой деятельности по отношению к другому и формирует систему координат, в рамках которых данная деятельность будет носить правомерный характер.

Во-вторых, осваивая правовую информацию, субъект пытается определить пределы ее реализации для себя и тем самым «включиться» в правовую реальность. Формирование основного объема притязаний человека в правовом пространстве происходит под влиянием как внешних, так и внутренних факторов, прежде всего правосознания. Адаптируя социальный правовой опыт к условиям своего существования и развития, человек выстраивает вокруг себя определенное позитивное пространство, позволяющее ему идентифицировать себя и адаптироваться в различных социальных правовых пространствах и правовой реальности.

В-третьих, будучи способным к творческому преобразованию правового пространства, субъект выступает в качестве правового существа, открытого для внешнего воздействия и способного к транс-

формации не только себя, но и окружающей реальности. Выступая как правовое существо, человек наполняет конструируемое правовое пространство правовым содержанием, включающим в себя весь правовой потенциал человека, весь набор институтов, которые воплощают свободу индивида (демократию, парламентаризм, конституционный строй, институт прав человека, гражданское общество, правовое государство и т.п.).

Взаимосвязь этих идей в правосознании и правовой деятельности человека очевидна, хотя и не однозначна. Доминирование той или иной интенции у конкретного субъекта может быть вызвано определенным типом личности и господствующими способами поведения. В зависимости от приоритета одной из идей сконструированное человеком личное правовое пространство может быть либо направлено на его адаптацию в социальное и государственное правовое пространство, либо, напротив, ориентировано на реализацию на основании неправовых практик. В первом случае можно говорить об ориентации правового пространства человека на правомерное поведение, во втором – на правовой инфантилизм или нигилизм по отношению к государственно установленным нормам позитивного права.

В свою очередь, правовое пространство локальной группы или общества организует и координирует множество индивидуальных правовых пространств. При этом человек может существовать в нескольких групповых правовых пространствах, взаимопересекающих друг друга. В зависимости от идентификации субъекта в конкретный момент времени он может принадлежать к одному или нескольким групповым правовым пространствам, определяющим его правовое положение, групповую и социальную правовую идентификацию.

Правовое пространство государства (государственного образования, административно-территориальной единицы, регионального или международного объединения государств) можно обозначить не только как территорию, на которую распространяются его юрисдикция, но и как формальное пространство существования национальной правовой реальности.

Хотя правовое пространство государства тесно связано с государственным пространством, эти понятия не являются синонимичными или тождественными. Правовое пространство государства обладает собственными признаками, среди которых можно назвать: 1) правотворческий суверенитет; 2) непрерывность, однородность и целостность правового пространства; 3) территориальную ограниченность; 4) системно-структурный характер; 5) внутреннее единство; 6) внешнее единство;

7) преемственность [18]. Эти признаки определяют не только сущность правового пространства государства, но и характер его воздействия на индивидуальное правовое пространство человека. Именно государство определяет пространственные пределы правомерности поведения человека и его формальный правовой статус, а также нормативные основы его правовой идентификации, обеспечивает защиту его прав, свобод и интересов [19], т.е. устанавливает объективные границы индивидуального правового пространства.

Обсуждение и заключения

Таким образом, правовое пространство можно определить как многоуровневое правовое явление, которое существует не только географически (территориально), но и социокультурно и исторически.

По своей онтологической природе правовое пространство есть проявление активной преобразовательной деятельности субъектов (человек, локальная группа, общество, государство) на основе начал справедливости, разумности и целесообразности. Правовое пространство аксиологически характеризует протяженность правовых действий субъекта по реализации своих интересов и притязаний в конкретный момент времени, определяя границы бытия человека в правовой реальности. Синтезируя субъективную и объективную плоскость правового бытия человека, правовое пространство определяет содержание и функционирование правовой жизни как отдельного человека, так и общества в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Скоробогатов А.В., Краснов А.В. Правовая реальность России: понятие и структура // История государства и права. 2017. № 7. С. 54-58.
2. Барциц И.Н. Правовое пространство России: понятие, ресурсы, признаки // Политическая наука. 2003. № 3. С. 40-62.
3. Ганцева Л.М. Правовое пространство: социально – философский анализ на примере Российской Федерации : дис. ... канд. фил. наук : 09.00.11. Уфа, 2001. 191 с.
4. Поздняков М.Л. Юридическое пространство России – постановка проблемы. URL: <http://www.iuaj.net/node/512> (дата обращения: 01.05.2017).
5. Михайлов Н.Ф. Правовое пространство в цивилизационном измерении: социально-философская постановка проблемы // Философия права. 2012. № 6(55). С. 85-88.
6. Зинков Е.Г. Термин «пространство» в теории права // Общество и право. 2011. № 4(36). С. 14-19.
7. Терентьев И.А. Правовое пространство как форма социальной реальности: к постановке проблемы // Общество: философия, история, культура. 2015. № 6. С. 30-32.
8. Березовская Е.В. Субъекты права: теоретико-методологический анализ // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2014. Т. 1. № 1(15). С. 23-28.
9. Кравчук В.М. Філософська площина осягнення правового простору // Актуальні проблеми держави і права. 2011. Вып. 58. С. 63-69.
10. Павлов В.И. Личность в праве в постклассической перспективе. URL: http://synergia-isa.ru/wp-content/uploads/2012/05/pavlov_lichnost_v_prave.pdf (дата обращения: 01.05.2017).
11. Слепухин С.Н. Лингвокультурные предпосылки осмысления правовой реальности в индоевропейской культуре: демаркация концептуальной границы в оппозиции «свой vs чужой» // Сибирский филологический журнал. 2013. № 4. С. 235-240.
12. Краснов А.В., Скоробогатов А.В. Источники и формы права в контексте правовой реальности // Балтийский гуманитарный журнал. 2016. Т. 5. № 2(15). С. 221-227.
13. Фаткуллин Ф.Ф. К вопросу об изложении нормы права в нормативном правовом акте // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2012. № 8. С. 71-75.
14. Азизова В.Т. Правовое пространство как объект аксиологического исследования // Евразийский юридический журнал. 2015. № 10 (89). С. 92-94.
15. Глазкова М.Е. Человек в правовых пространствах М.Е. Глазкова, М.А. Мещерякова, Е.В. Пуляева, Н.И. Хлуденева, Е.В. Черепанова // Журнал российского права. 2012. № 5. С. 5-14.
16. Кравчук В.М. Поняття правового простору: філософсько-правова інтерпретація // Актуальні проблеми держави і права. 2014. Вып. 74. С. 26-31.
17. Гаврилова Ю.А. Смысловое поле права: философско-правовой аспект. Волгоград: Волгоградский гос. ун-т, 2011. 153 с.
18. Барциц И.Н. Правовое пространство России: понятие, ресурсы, признаки // Политическая наука. 2003. № 3. С. 50-62.

19. Алиуллов Р.Р. О механизме защиты прав и свобод человека и гражданина (проблемы теории и правового регулирования) // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2013. № 3(13). С. 4-9.

REFERENCES

1. Skorobogatov A.V., Krasnov A.V. Pravovaya real'nost' Rossii: ponyatie i struktura // Istoriya gosudarstva i prava. 2017. № 7. S. 54-58.
2. Barcic I.N. Pravovoe prostranstvo Rossii: ponyatie, resursy, priznaki // Politicheskaya nauka. 2003. № 3. S. 40-62.
3. Ganceva L.M. Pravovoe prostranstvo: social'no – filosofskij analiz na primere Rossijskoj Federacii : dis. ... kand. fil. nauk : 09.00.11. Ufa, 2001. 191 s.
4. Pozdnyakov M.L. YUridicheskoe prostranstvo Rossii – postanovka problemy. URL: <http://www.iaaj.net/node/512> (data obrashcheniya: 01.05.2017).
5. Mihajlov N.F. Pravovoe prostranstvo v civilizacionnom izmerenii: social'no-filosofskaya postanovka problemy // Filosofiya prava. 2012. № 6(55). S. 85-88.
6. Zinkov E.G. Termin «prostranstvo» v teorii prava // Obshchestvo i pravo. 2011. № 4(36). S. 14-19.
7. Terent'ev I.A. Pravovoe prostranstvo kak forma social'noj real'nosti: k postanovke problemy // Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura. 2015. № 6. S. 30-32.
8. Berezovskaya E.V. Sub'ekty prava: teoretiko-metodologicheskij analiz // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2014. T. 1. № 1(15). S. 23-28.
9. Kravchuk V.M. Filosofsk'ka ploshchina osyagnennyya pravovogo prostoru // Aktual'ni problemi derzhavi i prava. 2011. Vyp. 58. S. 63-69.
10. Pavlov V.I. Lichnost' v prave v postklassicheskoy perspektive. URL: http://synergia-isa.ru/wp-content/uploads/2012/05/pavlov_lichnost_v_prave.pdf (data obrashcheniya: 01.05.2017).
11. Slepukhin S.N. Lingvokul'turnye predposylki osmysleniya pravovoj real'nosti v indoevropejskoj kul'ture: demarkaciya konceptual'noj granicy v oppozicii «svoj vs chuzhoj» // Sibirskij filologicheskij zhurnal. 2013. № 4. S. 235-240.
12. Krasnov A.V., Skorobogatov A.V. Istochniki i formy prava v kontekste pravovoj real'nosti // Baltijskij gumanitarnyj zhurnal. 2016. T. 5. № 2(15). S. 221-227.
13. Fatkullin F.F. K voprosu ob izlozhenii normy prava v normativnom pravovom akte // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2012. № 8. S. 71-75.
14. Azizova V.T. Pravovoe prostranstvo kak ob'ekt aksiologicheskogo issledovaniya // Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. 2015. № 10 (89). S. 92-94.
15. Glazkova M.E. CHelovek v pravovyh prostranstvakh M.E. Glazkova, M.A. Meshcheryakova, E.V. Pulyaeva, N.I. Hludeneva, E.V. CHerepanova // ZHurnal rossijskogo prava. 2012. № 5. S.5-14.
16. Kravchuk V.M. Ponyattya pravovogo prostoru: filosofsk'ko-pravova interpretaciya // Aktual'ni problemi derzhavi i prava. 2014. Vyp. 74. S. 26-31.
17. Gavrilova YU.A. Smyslovoe pole prava: filosofsko-pravovoj aspekt. Volgograd: Volgogradskij gos. un-t, 2011. 153 s.
18. Barcic I.N. Pravovoe prostranstvo Rossii: ponyatie, resursy, priznaki // Politicheskaya nauka. 2003. № 3. S. 50-62.
19. Aliullov R.R. O mekhanizme zashchity prav i svobod cheloveka i grazhdanina (problemy teorii i pravovogo regulirovaniya) // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2013. № 3(13). S. 4-9.

Об авторе: Скоробогатов Андрей Валерьевич, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права и публично-правовых дисциплин Казанского инновационного университета им. В.Г. Тимирязова (ИЭУП) ORCID.org/0000-0001-9139-5367 ResearcherID: J-4391-2016

e-mail: skorobogatov@ieml.ru

©Скоробогатов А.В., 2017

Статья получена: 03.05.2017. Статья принята к публикации: 12.12.2017.

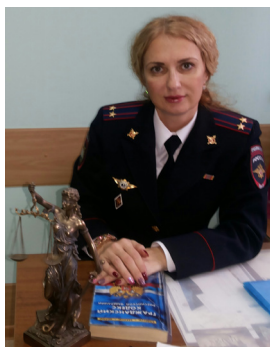
Статья опубликована онлайн: 20.12.2017.

About the author: Skorobogatov Andrey V., Doctor of History, Professor, Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov (IEML) ORCID.org/0000-0001-9139-5367 ResearcherID: J-4391-2016

e-mail: skorobogatov@ieml.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

С.А. Ступина, А.С. Шерстяных

**ПРАВОВЫЕ ФОРМЫ ВОССТАНОВЛЕНИЯ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ,
НАРУШЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЕМ: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ТЕОРИИ
И СОВРЕМЕННОЙ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ**

**LEGAL FORMS FOR RESTORATION OF CIVIL RIGHTS, VIOLATED BY CRIME:
SOME ASPECTS OF THE THEORY AND MODERN LAW ENFORCEMENT**

Введение: в статье на основе комплексного изучения, оценки и обобщения уголовно-процессуального, гражданского, гражданско-процессуального законодательства рассмотрены правовые формы восстановления гражданских прав, нарушенных преступлением, а также дан анализ современного состояния правоприменительной практики по реализации возмещения вреда, причиненного потерпевшему преступлением, и приведены некоторые рекомендации по совершенствованию положений, обеспечивающих имущественную защиту прав потерпевшего.

Исследование в первую очередь направлено на определение оптимальных форм восстановления гражданских прав, нарушенных преступлением, что способно оказать влияние на повышение эффективности деятельности правоохранительных органов по защите законных прав и интересов лиц.

Материалы и методы: эмпирической базой исследования явились обзоры деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей; официальные статистические сведения Министерства внутренних дел РФ, а также данные, полученные в результате социологического опроса различных групп респондентов, определенных путем квотной репрезентативной выборки. Использовались общенаучные методы познания объективной действительности (анализ, синтез, индукция, дедукция), частнонаучные методы (анкетирование, интервьюирование) и специально-юридические методы (сравнительно-правовой).

Результаты исследования: авторы приходят к выводу о необходимости более жесткого контроля со стороны руководителей подразделений и курирующих органов за лицами, производящими дознание и предварительное следствие, в отношении соблюдения ими положений, обеспечивающих имущественную защиту прав потерпевшего от преступления, предусмотренную Конституцией РФ и нормами гражданского законодательства. В статье представлены рекомендации по повышению эффективности организационно-правовых форм реализации деликтных обязательств в деятельности органов внутренних дел.

Обсуждение и заключения: анализ современного состояния законодательства свидетельствует о необходимости четкого определения в УПК РФ возможных форм (способов) возмещения причиненного преступлением вреда.

Ключевые слова: защита субъективных прав, формы восстановления гражданских прав, юридическая ответственность, гражданско-правовая ответственность, возмещение вреда (ущерба), уголовный процесс

Для цитирования: Ступина С.А., Шерстяных А.С. Правовые формы восстановления гражданских прав, нарушенных преступлением; некоторые аспекты теории и современной правоприменительной практики // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2017. Т. 8, № 4. С. 26 - 33. DOI: 10.24420/KUI.2017.4(30).8610

Introduction: the paper considers the legal forms of the restoration of civil rights violated by the crime on the basis of a comprehensive study, assessment and generalization of the criminal procedural, civil and civil procedural legislation. Also on the basis of the study conducted by the authors and summarizing the law enforcement practice on the realization of compensation for harm caused to the victim by the crime, the analysis of its current state is given and some recommendations for improving the provisions ensuring the property protection of victim's rights are made.

Primarily the study is aimed at determining the optimal forms of restoration of civil rights violated by the crime, which can influence the improvement of the effectiveness of law enforcement agencies in protecting the legal rights and interests of individuals.

Materials and Methods: the empirical basis of the study was the reviews of the activities of federal courts of general jurisdiction and magistrates; official statistics of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, as well as data obtained as a result of a sociological survey of different groups of respondents determined by a quota representative sample. General scientific methods of expertise of objective reality (analysis, synthesis, induction, deduction), private-science methods (questioning, interviewing) and special-legal methods (comparative law) were used.

Results: as a result of the analysis, the authors concluded that there is a need for more strict control by both heads of departments and supervisory bodies of persons holding inquests and preliminary investigations regarding compliance with provisions ensuring the property protection of the victim's rights from crime provided for both by the Constitution of the Russian Federation and by the norms of civil legislation. On the basis of the data obtained, the authors presented recommendations on improving the effectiveness of organizational and legal forms for the implementation of tort liabilities in the activities of law enforcement bodies.

Discussion and Conclusions: an analysis of the current state of legislation shows the need for a clear definition of possible forms (ways) for compensation for harm caused by crime in the Russian Federation Code of Criminal Procedure.

Key words: protection of legal rights, forms for restoration of civil rights, legal responsibility, civil liability, compensation for harm (damage), criminal proceedings

For citation: Stupina S.A., SHERSTYANYH A.S. Legal Forms for Restoration of Civil Rights, Violated by Crime: Some Aspects of the Theory and Modern Law Enforcement // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2017. V. 8, № 4. P. 26 - 33. DOI: 10.24420/KUI.2017.4(30).8610

Введение

Современное состояние преступности свидетельствует о необходимости принятия новых мер по ее снижению, которые должны комплексно сочетать не только криминологически обоснованные

и иные, в рамках уголовной политики понимания, меры, но и положения гражданско-правового характера, поскольку основной задачей предупреждения преступности является охрана личности, ее прав и свобод, интересов общества и государства.

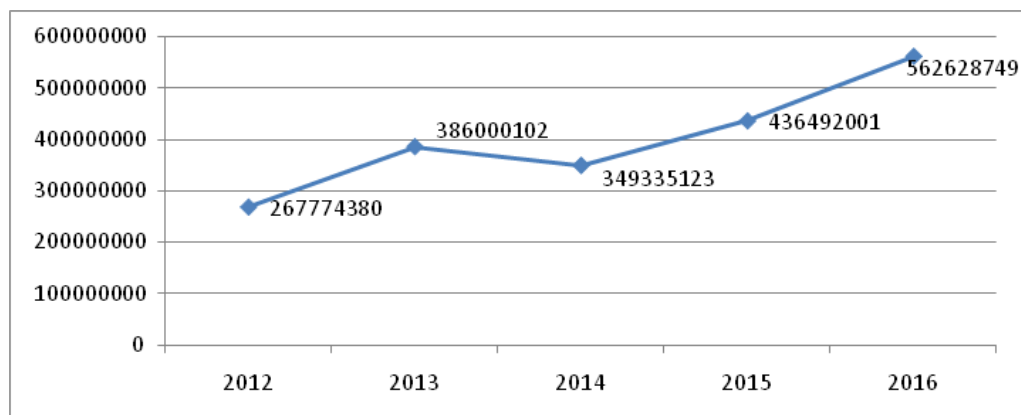

Рис. 1. Динамика причиняемого совершенными преступлениями материального ущерба (тыс. руб.)

Pic. 1. Dynamics of material damage caused by committed crimes (rub, in thousands)

Согласно официальным данным МВД России, за последние пять лет в РФ отмечается практически постоянный рост материального ущерба, причиненного в результате совершения преступлений (рис. 1).

Таким образом, принимаемые государством меры по снижению ущерба от совершаемых преступлений не являются в полной мере эффективными, что не способствует всесторонней защите прав и законных интересов граждан.

Такое положение заслуживает пристального внимания со стороны научной общественности. При этом эффективность разработки необходимых для улучшения сложившейся ситуации мер определяется как научным анализом имеющихся нормативно-правовых источников, регламентирующих порядок и способы возмещения вреда, причиненного преступлением, так и всесторонним анализом данных официальной статистики и данных, полученных в результате специальных социологических исследований. Именно последние в полной мере при соблюдении квотной репрезентативной выборки позволяют определить реальное состояние правоприменительной практики и определить направления формирования эффективных организационно-правовых форм реализации деликтных обязательств в деятельности органов внутренних дел, а также обоснованных управленческих решений.

Исходя из сказанного, разработка материала, использование которого может способствовать повышению эффективности применения законодательства, регулирующего гражданско-правовую ответственность за вред, причиненный совершившими преступления, представляется актуальной, а его практическое значение способно оказать влияние как на деятельность органов внутренних дел по защите гарантированных Конституцией РФ прав потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью, так и на компенсацию причиненного ущерба.

Обзор литературы

Правовую основу исследования составили международные нормы и принципы, нормативные акты Российской Федерации.

В настоящее время вопросы правовых форм восстановления гражданских прав, нарушенных преступлением, в последнее время нашли отражение в работах таких ученых-правоведов, как С.Г. Варданян [1, с. 118-119], Е.Н. Карабанов [2, с. 87-92], В.Э. Козацкая [3], И. Оськин [4, с. 4-5], О.Н. Селедников [5, с. 109-115], С.В. Супрун [6, с. 22-26] и С.В. Юношев [7, с. 920-927].

Материалы и методы

Исследовались нормы отраслевого законодательства, регламентирующие гражданско-пра-

вовую ответственность за вред, причиненный преступлением, практика реализации этих норм сотрудниками правоохранительных органов.

Эмпирической базой исследования явились обзоры деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей; официальные статистические сведения Министерства внутренних дел РФ; согласно квотной репрезентативной выборке получено 100 анкет, заполненных сотрудниками правоохранительных органов, 120 анкет, заполненных населением Красноярского края, 120 анкет, заполненных лицами, осуществляющими юридическую помощь населению.

Использовались общенаучные методы познания объективной действительности (анализ, синтез, индукция, дедукция), частнонаучные методы (анкетирование, интервьюирование) и специально-юридические методы (сравнительно-правовой).

Результаты исследования

В ходе изучения законодательства и правоприменительной практики деятельности сотрудников ОВД установлено, что ими накоплен опыт, позволяющий правильно осуществлять действия, направленные на возмещение потерпевшим вреда, причиненного преступлением, что обеспечивает реализацию гражданско-правовой ответственности. Вместе с тем некоторые вопросы применения такой ответственности в рамках уголовного процесса не нашли однозначного ответа в законодательстве, актах судебного толкования и правоприменительной практике органов внутренних дел, что делает необходимым их научную проработку.

Отметим, что российское законодательство содержит ряд норм, касающихся возмещения потерпевшим вреда, причиненного преступлением.

Нормы, касающиеся возмещения потерпевшим вреда, причиненного преступлением, можно найти не только в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее – ГК РФ), но и в Гражданско-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – ГПК РФ), Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) и Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ).

Так, например, в ст. 43 УК РФ содержится положение о том, что одной из целей наказания является восстановление социальной справедливости. Кроме этого, в ст. 75 УК РФ указано на возмещение причиненного ущерба или иное заглаживание причиненного вреда как на условие освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием. В ст. 76 УК РФ содержится указание на заглаживание вреда, причиненного потерпевшему. Можно привести

аналогичные положения и по другим уголовно-правовым нормам.

В УПК РФ зафиксировано достаточно норм, в которых отражена указанная проблематика. Это ст. 25, 28.1, 29 УПК РФ.

Используемые в теории уголовного процесса виды способов возмещения вреда обоснованно следует именовать формами реализации гражданско-правовых способов.

В соответствии с концепцией С.В. Супруна к формам реализации гражданско-правовых способов в уголовном процессе следует относить: формы реализации возмещения вреда в натуре (уголовно-процессуальная реституция; заглаживание вреда, причиненного потерпевшему несовершеннолетним обвиняемым; добровольное возмещение вреда) и формы реализации возмещения убытков (гражданский иск; добровольное возмещение убытков) [6, с. 22-26].

В уголовно-процессуальном праве термин «реституция» используется давно, но в отличие от традиционного цивилистического понимания, согласно которому это способ восстановления в прежнем имущественном (материальном) положении, в уголовно-процессуальном праве реституция фактически обозначает самостоятельную, достаточно специфическую и довольно распространенную в практике форму возмещения имущественного вреда, причиненного преступлением [5, с. 110, 111, 115], [1, 118-119].

При этом вполне обоснованы предложения современных ученых о целесообразности законодательного закрепления самостоятельной статьи УПК РФ, посвященной уголовно-процессуальной реституции [3, с. 119, 5, с. 93], поскольку институт реституции позволяет в ряде случаев быстрее восстановить нарушенное преступлением имущественное положение пострадавших физических и юридических лиц. Поэтому при должном законодательном закреплении реституция будет способствовать быстрому и полному восстановлению материального положения потерпевшего.

Понятие заглаживания вреда подразумевает под собой возмещение вреда: морального, физического и имущественного.

Соответственно, понятие «вред» по отношению к понятиям «убытки» и «ущерб» является более широким.

Если обратиться к позиции Верховного Суда РФ, изложенной в постановлении Пленума от 27.06.2013 № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и

порядок освобождения от уголовной ответственности» (в редакции постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 № 56 «О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности»), то, согласно п. 2.1, «в части 1 статьи 75 и в статье 76.2 УК РФ под ущербом следует понимать имущественный вред, который может быть возмещен в натуре (в частности, путем предоставления имущества взамен утраченного, ремонта или исправления поврежденного имущества), в денежной форме (например, возмещение стоимости утраченного или поврежденного имущества, расходов на лечение) и т.д.

Под заглаживанием вреда (часть 1 статьи 75, статья 76.2 УК РФ) понимается имущественная, в том числе денежная, компенсация морального вреда, оказание какой-либо помощи потерпевшему, принесение ему извинений, а также принятие иных мер, направленных на восстановление нарушенных в результате преступления прав потерпевшего, законных интересов личности, общества и государства.

Способы возмещения ущерба и заглаживания вреда должны носить законный характер и не ущемлять права третьих лиц»¹.

Согласно п. 3 указанного постановления, «возмещение ущерба и (или) заглаживание вреда (статьи 75-76.2 УК РФ) могут быть произведены не только лицом, совершившим преступление, но и по его просьбе (с его согласия) другими лицами. В случае совершения преступлений, предусмотренных статьями 199 и 199.1 УК РФ, возмещение ущерба допускается и организацией, уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с которой вменяется лицу»¹.

Кроме того, следует отметить, что обязанность загладить вред применяется судом в отношении лиц, условно осужденных в соответствии с ч. 5 ст. 73 УК РФ. В соответствии с п. 17 постановления Пленума Верховного Суда России от 29.10.2009 № 20 (ред. от 23.12.2010) «О некоторых вопросах судебной практики назначения и исполнения уголовного наказания», «обязанности по заглаживанию вреда возлагаются на условно осужденного для достижения целей исправления условно осужденного и предупреждения совершения им новых преступлений в течение испытательного срока. Действительно, по усмотрению суда в ряде приго-

¹ О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 (ред. от 29.11.2016) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 8. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

воров находят свое отражение дополнительные обязанности по заглаживанию вреда»¹.

Суд также вправе возложить на осужденного исполнение как обязанностей, предусмотренных ч. 5 ст. 73 УК РФ, так и других обязанностей, например, обязанности в установленный судом срок загладить вред, причиненный преступлением.

Согласно ст. 74 УК РФ в отношении осужденного, уклоняющегося от исполнения обязанности, возложенной на него судом, срок условного осуждения может быть продлен, или, как следует из ч. 3 ст. 74 УК РФ, суд может вынести решение об отмене условного осуждения и исполнении наказания, назначенного приговором суда.

Согласно ч. 1 ст. 90 УК РФ правовым основанием для применения специального вида освобождения несовершеннолетних от уголовной ответственности является возможность исправления несовершеннолетнего в результате применения принудительных мер воспитательного воздействия.

Данная мера возлагается на несовершеннолетнего только в тех случаях, когда он имеет возможность выполнить эту обязанность собственными силами или средствами.

Что касается добровольного возмещения вреда, то, как уже нами отмечалось, уголовный закон предусматривает поощрительные нормы, применяемые к лицу, добровольно возместившему ущерб или иным образом загладившему вред, причиненный преступлением. Примером выступают положения уголовно-правовых норм ст. 75, 76, 76.1, 76.2 УК РФ.

В рамках гражданского судопроизводства правовую основу добровольного возмещения вреда составляют нормы, содержащиеся в ст. 8, 15, 1064, 1082 ГК РФ.

Из содержания УПК РФ не ясно, каким образом следователю необходимо процессуально фиксировать факт добровольного возмещения вреда и убытков потерпевшему при производстве по уголовному делу.

Показательны результаты социологического исследования, проведенного авторами настоящей статьи, по изучению мнения сотрудников правоохранительных органов об эффективности гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный преступлением.

Так, на вопрос: «Насколько часто имеет место добровольное возмещение ущерба, причиненного преступлением?» 43 % сотрудников правоохранительных органов ответили, что в своей практике

достаточно часто сталкивались с добровольностью возмещения ущерба со стороны виновных, т.е. более чем в половине случаев.

Согласно результатам социологического исследования по изучению мнения населения об эффективности гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный преступлением, почти 30 % лиц, кому был причинен вред преступлением, указали, что материальный ущерб со стороны виновных был добровольно возмещен им полностью, и около 6% отметили, что такой ущерб им возместили частично.

Однако 43 % опрошенных пришлось прибегнуть к принудительному взысканию для возмещения ущерба, причиненного преступлением.

В то же время более 80 % указали, что виновные отказались добровольно возмещать моральный вред.

Показательно и то, что около 40 % опрошенных отметили, что сотрудники правоохранительных органов, в производстве которых находились уголовные дела, оказали содействие для добровольного возмещения ущерба, причиненного преступлением, а более 50 % указали, что такого содействия не было. 67 % полагают, что сотрудниками органов следствия и дознания на стадии предварительного расследования принимается недостаточное количество мер по возмещению ущерба (как в добровольном, так и принудительном порядке), причиненного преступлением.

По результатам опроса лиц, которые совершили преступление и причинили вред другим лицам, установлено, что они почти во всех случаях добровольно его возместили, что позволило прибегнуть к процедуре примирения в порядке ст. 25 УПК РФ. Согласно ответам указанных лиц, моральный вред они возместили только в половине случаев. При этом было указано, что только в каждом втором случае сотрудники правоохранительных органов, в производстве которых находились уголовные дела, оказали содействие для добровольного возмещения причиненного преступлением ущерба/морального вреда.

В обязанности следователя (дознателя) при наличии достаточных данных о причинении преступлением вреда входит производство необходимых процессуальных действий, направленных на возмещение потерпевшему причиненного ущерба.

Так, согласно данным опроса сотрудников правоохранительных органов об эффективности гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный преступлением, установлено, что

¹ О некоторых вопросах судебной практики назначения и исполнения уголовного наказания: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.10.2009 № 20 (ред. от 23.12.2010) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. № 1 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ими были предприняты следующие меры для возмещения ущерба, причиненного преступлением, при производстве по уголовному делу: в 68 % случаев – установление материального положения лица, обязанного возместить причиненный ущерб (направление соответствующих запросов в органы Регистрационной палаты, ГИБДД, банки и проч.); в 73 % – наложение ареста на имущество лица, обязанного возместить причиненный ущерб, и в 8 % – иные меры. При этом было отмечено, что все указанные меры в 67 % случаев оказались эффективными.

Соответственно, можно констатировать, что почти треть таких предпринимаемых мер не достигает своего предназначения, что является показателем недостаточной их эффективности и, полагаем, связано не столько с законодательным регламентированием, сколько с организационным способом их реализации.

Показательно и то, что половина указанных респондентов считают, что существующие в законодательстве меры по возмещению ущерба, причиненного преступлением, являются недостаточными.

При этом почти половина опрошенных предложила введение такой меры для повышения эффективности возмещения вреда, причиненного преступлением, как наложение ареста на имущество близких лиц виновного (44 %).

Что касается официальных данных, то, например, по итогам 2016 г. в Красноярском крае возмещен ущерб от совершения преступлений путем наложения ареста в сумме 260 532 336 руб., что составило 48 % от всего возмещенного ущерба; добровольно погашено – 147 041 684 руб. (27 % от возмещенного), всего изъято имущества на сумму 133 484 819 руб. Из этого следует, что ущерб возмещается в основном путем наложения ареста на имущество.

Отдельного внимания заслуживает такая форма возмещения вреда, причиненного преступлением, как государственная компенсация, особенно в отношении вреда, причиненного насильственными преступлениями и преступлениями террористической направленности, при этом стоит принять во внимание, что последние крайне актуальны в свете последних общественных событий и современной структуры преступности.

В настоящее время государство оказывает помощь в виде выплаты компенсации за различные жизненные риски.

Указанное предусмотрено в ст. 18, 19 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ (ред.

от 06.07.2016) «О противодействии терроризму», в Федеральном законе от 12 января 1996 № 8-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О погребении и похоронном деле», в постановлении Правительства РФ от 12.01.2007 № 6 (ред. от 25.03.2013) «Об утверждении Правил осуществления социальной реабилитации лиц, пострадавших в результате террористического акта, а также лиц, участвующих в борьбе с терроризмом».

Несомненно, позитивные изменения были внесены Федеральным законом от 02.11.2013 № 302-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», согласно которым введен п. 1.1 ст. 18, определяющий, что «возмещение вреда, включая моральный вред, причиненного в результате террористического акта, осуществляется в порядке, установленном законодательством Российской Федерации о гражданском судопроизводстве, за счет средств лица, совершившего террористический акт, а также за счет средств его близких родственников, родственников и близких лиц при наличии достаточных оснований полагать, что деньги, ценности и иное имущество получены ими в результате террористической деятельности и (или) являются доходом от такого имущества. На требование о возмещении вреда, причиненного в результате террористического акта жизни или здоровью граждан, исковая давность не распространяется. Срок исковой давности по требованиям о возмещении вреда, причиненного имуществу в результате террористического акта, устанавливается в пределах сроков давности привлечения к уголовной ответственности за совершение указанного преступления»¹.

Таким образом, государственная компенсация установлена в случаях, предусмотренных законом, а таким случаем, как мы уже отметили, пока является террористический акт.

Актуально указать, что в ряде зарубежных стран вред, причиненный жизни и здоровью граждан в результате совершения насильственных преступлений, компенсируется из государственных фондов. Остальные виды ущерба компенсируются за счет системы обязательного страхования.

Компенсация ущерба со стороны государства содержит в себе действенный потенциал эффективной защиты жертв преступных посягательств.

На необходимость создания государством фонда помощи жертвам преступлений давно уже

¹ О противодействии терроризму: Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ (ред. от 06.07.2016) // Собрание законодательства РФ. 13.03.2006. № 11. Ст. 1146 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

указывается учеными [3, с. 116-117]. Мы полностью поддерживаем такую инициативу.

Важно, что Комитет министров Совета Европы принял «Руководство по предоставлению поддержки, информации и компенсации жертвам терактов» с рекомендациями мер, которые должны принимать национальные власти. В этом документе особо подчеркнута обязанность государств «неукоснительно» следовать решениям Европейского суда по правам человека.

Возмещения причиненного ущерба в рамках конфискации имущества осуществляется положениями ст. 104.3 УК РФ, согласно которым в рамках рассмотрения дел о конфискации имущества в соответствии со статьями 104.1 и 104.2 УК РФ в первую очередь должен быть решен вопрос о возмещении вреда, причиненного законному владельцу.

При отсутствии у виновного иного имущества, на которое может быть обращено взыскание, кроме указанного в частях первой и второй статьи 104.1 УК РФ, из его стоимости возмещается вред, причиненный законному владельцу, а оставшаяся часть обращается в доход государства.

Обсуждение и заключения

Отметим, что выполненный анализ статистических данных и результатов исследований других авторов, проведенного нами социологического опроса сотрудников органов внутренних дел и населения свидетельствует о необходимости более жесткого контроля со стороны как руководителей подразделений, так и надзорных органов за лицами, производящими дознание и предварительное следствие. Этот контроль должен быть направлен на ужесточение требований по соблюдению ими положений, обеспечивающих имущественную защиту прав потерпевшего от преступления, предусмотренную Конституцией РФ и нормами гражданского законодательства, на стадии предварительного разбирательства.

Существуют следующие эффективные организационно-правовые формы реализации деликтных обязательств в деятельности органов внутренних дел: оказание органами внутренних дел содействия потерпевшим в реализации своего права на возмещение причиненного вреда; осуществление следователем, дознавателем всех необходимых процессуальных действий, направленных на возмещение потерпевшему причиненного ущерба; активное инициирование и совершение следователем действий, направленных на обеспечение реального восстановления нарушенных преступлением прав потерпевшего; грамотное стимулирование виновных в совершении преступления к добровольному возмещению вреда (как материального, так и морального); постоянный мониторинг эффективности возмещения вреда, причиненного преступлением, что обеспечит адекватное и своевременное принятие мер по обеспечению максимально полного возмещения указанного вреда и, соответственно, реализацию конституционных положений по обеспечению потерпевшим со стороны государства компенсации причиненного ущерба.

Всестороннее и четкое закрепление и формулирование в УПК РФ задач уголовного судопроизводства, а также возможных форм (способов) возмещения причиненного преступлением вреда, несомненно, способствовало бы более эффективной защите прав и интересов потерпевших от преступлений лиц и организаций.

В целом только в результате деятельности по обобщению существующего опыта в области гражданско-правовой защиты прав потерпевшего от преступления и внедрения его в практику, а также усовершенствования механизмов реализации этих прав можно достичь максимально эффективного результата в соблюдении конституционных интересов граждан, касающихся защиты их личных неимущественных и имущественных прав.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Варданян С.Г. Определение сути реституции в уголовном процессе России // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2017. № 1. Т. 2. С. 118 - 119.
2. Карабанова Е.Н., Парфенова М.В. Право потерпевшего на возмещение вреда, причиненного преступлением // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2014. № 2 (40). С. 87 - 92.
3. Козацкая В.Э. Гражданско-правовая ответственность за вред, причиненный преступлением: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 235 с.
4. Оськина И., Луау А. Гражданский иск в уголовном процессе // ЭЖ-Юрист. 2014. № 11. С. 4 - 5.
5. Селедникова О.Н. Реституция как форма реализации конституционного права граждан на возмещение имущественного вреда, причиненного преступлением // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 10. С. 109 - 115.
6. Супрун С.В. Способы возмещения вреда, причиненного преступлением // Мировой судья. 2009. № 12. С. 22-26.

7. Юношев С.В. Отраслевая принадлежность института возмещения вреда, причиненного преступлением // LexRussica. 2014. Т. XCVI. № 8. С. 920-927.

REFERENCES

1. Vardanyan S.G. Opredelenie suti restitucii v ugovnom processe Rossii // Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva. 2017. Т. № 1. Т. 2. С. 118-119.
2. Karabanova E.N., Parfenova M.V. Pravo poterpevshego na vozmeshchenie vreda, prichinennogo prestupleniem // Vestnik Akademii General'noj prokuratury Rossijskoj Federacii. 2014. № 2 (40). С. 87 – 92.
3. Kozackaya V.EH. Grazhdansko-pravovaya otvetstvennost' za vred, prichinennyj prestupleniem :dis. ... kand. yurid. nauk. Moskva, 2011. 235 s.
4. Os'kina I., Luau A. Grazhdanskij isk v ugovnom processe // EHZH-YUrist. 2014. № 11. С. 4 - 5.
5. Selednikova O.N. Restituciya kak forma realizacii konstitucionnogo prava grazhdan na vozmeshchenie imushchestvennogo vreda, prichinyonnogo prestupleniem // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2014. № 10. С. 109-115.
6. Suprun S.V. Sposoby vozmeshcheniya vreda, prichinennogo prestupleniem // Mirovoj sud'ya. 2009. № 12. С. 22-26.
7. Ynoshev S.V. Otraselevaya prinadlezhnost' instituta vozmeshcheniya vreda, prichinennogo prestupleniem // LexRussica. 2014. Т. XCVI. № 8. С. 920-927.

Об авторах: Ступина Светлана Александровна, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Сибирского юридического института МВД России
e-mail: sstupina@mail.ru

Шерстяных Александра Сергеевна, кандидат технических наук, доцент кафедры информационно-правовых дисциплин и специальной техники Сибирского юридического института МВД России
e-mail: sher_as@bk.ru

©Ступина С.А., 2017

©Шерстяных А.С., 2017

Статья получена: 17.07.2017. Статья принята к публикации: 12.12.2017.

Статья опубликована онлайн: 20.12.2017.

About the authors: Stupina Svetlana A., Candidate of Law Sciences, Ass. Professor of the Department of Civil Law and Proceeding of Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

e-mail: sstupina@mail.ru

SHerstyanykh Alexandra S., Candidate of Technical Sciences, Ass. Professor of the Department of Information and Legal Disciplines and Special Techniques of Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

e-mail: sher_as@bk.ru

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The authors have read and approved the final manuscript.

Заявленный вклад авторов

Ступина Светлана Александровна – определены научная проблема, цель и задачи исследования, сформулирована основная научная концепция исследования, проанализирована и обобщена нормативно-правовая и специальная литература по рассматриваемой тематике, предложена авторская аргументация отдельных положений исследования, проведены обобщение полученных результатов исследования и их научный анализ, подготовлен проект статьи.

Шерстяных Александра Сергеевна – осуществлены сбор эмпирического материала, его обработка и обобщение.

УДК 342.413

DOI: 10.24420/KUI.2017.4(30).8611

О.А. Аксенович

**О НЕОБХОДИМОСТИ РАСШИРЕНИЯ КОМПЕТЕНЦИИ
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
(В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА
ДЕЛЕГИРОВАННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА)**

**ABOUT THE NEED TO EXPAND THE COMPETENCE OF THE
CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION
(IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPMENT OF THE
INSTITUTE OF DELEGATED LEGISLATION IN RUSSIA)**

Введение: в статье рассматривается проблематика перераспределения правотворческих полномочий между РФ и ее субъектами.

Материалы и методы: посредством логического, формально-юридического и сравнительно-правового методов исследуются материалы судебной практики Конституционного Суда РФ.

Результаты исследования: в статье представлена концепция поправок в законодательство и обоснована необходимость расширения компетенции Конституционного Суда РФ.

Обсуждение и заключения: представлена расширенная трактовка компетенции Конституционного Суда Российской Федерации.

Ключевые слова: делегированные полномочия, делегированное законодательство, конституционная юстиция, конституционный суд, конституция, компетенция, федерация, закон

Для цитирования: Аксенович О.А. О необходимости расширения компетенции Конституционного Суда Российской Федерации (в контексте развития института делегированного законодательства) // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2017. Т. 8, № 4. С. 34 - 40. DOI: 10.24420/KUI.2017.4(30).8611.

Introduction: the paper considers the issues of redistribution of powers between the Russian Federation and its subjects.

Materials and Methods: the author assesses the role of the Constitutional Court of the Russian Federation in building federal relations.

Results: the author presented the concept of amendments to the legislation and the necessity of extending the competence of the Constitutional Court.

Discussion and Conclusions: the author presented an extended interpretation of the competence of the Constitutional Court of the Russian Federation.

Key words: delegated powers, delegated legislation, constitutional justice, Constitutional Court, Constitution, jurisdiction, federation, law

For citation: Aksenovich O.A. About the Need to Expand the Competence of the Constitutional Court of the Russian Federation (in the Context of the Development of the Institute of Delegated Legislation in Russia) // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2017. V. 8, № 4. P. 34 - 40. DOI: 10.24420/KUI.2017.4(30).8611.

Введение

Делегированное законодательство в отечественной юридической литературе советского периода не получило положительной оценки, ассоциировалось с недостатками западного права. Президиум Верховного Совета СССР Конституцией наделялся полномочиями по принятию в период между сессиями указов, имеющих силу закона, которые требовалось утвердить на ближайшей сессии. А.С.

Автономов, исследовавший проблему делегации полномочий, отмечает, что «законодательная деятельность превратилась в обычную практику, когда законодательствовал Президиум, а Верховный Совет утверждал список указов, не вникая в их суть» [1, с. 9].

Обзор литературы

Делегированное законодательство рассматривается в юридической науке в контексте вопросов

конституционного права, государственного управления, при этом формально-юридические, конфликтологические, медиативные и сравнительно-правовые аспекты института не освещены [1, с. 9].

Материалы и методы

Исследование построено на комплексном использовании общетеоретических, частнонаучных и специальных методов изучения делегированного законодательства.

Результаты исследования

Конституция РФ не различает законодательную передачу полномочий на основе акта с силой закона и поручение в административном порядке. Понятие «делегированное законодательство» трактуется широко на законотворческом и правоприменительном уровнях, включает делегацию законодательных полномочий и поручений административного характера. Термин «делегирование полномочий» в Конституции РФ не употребляется, хотя в ч. 2 ст. 78 Конституции РФ¹ закреплена возможность передачи федеральными органами исполнительной власти осуществления части своих полномочий органам исполнительной власти субъектов РФ путем заключения соглашений. В связи с этим возникает вопрос: каким образом правительство приобретает соответствующие полномочия? Пропущено целое звено – порядок и основания, по которым парламент наделяет правительство полномочиями.

Отсутствие конституционной регламентации делегированного законодательства, по нашему мнению, приводит к негативным последствиям:

1. Конституция РФ не содержит полного разграничения полномочий между законодательной и исполнительной ветвями власти, федерацией и субъектами, государственными органами различных уровней власти, что способствует злоупотреблению полномочиями со стороны должностных лиц.

2. В связи с отсутствием норм о делегированном законодательстве в правотворческой деятельности возрастает риск распространения коррупционных схем в государстве. Россия на высшем уровне осуществляет мероприятия по противодействию коррупции, которые не дают желаемого эффекта, уровень коррупции остается достаточно высоким. По нашему мнению, антикоррупционная политика носит поверхностный характер, направлена на противодействие не причинам коррупции, а ее последствиям и внешним проявлениям. Не учитывается потенциал делегированного

законодательства: открытая процедура передачи законодательных полномочий в случае ее закрепления в Конституции РФ способна эффективно противодействовать коррупции.

3. Отставание законодательства от развития общественных отношений. По мнению автора статьи, финансовые и социальные программы, образовательные и производственные стандарты часто отстают от развития общественных отношений.

4. Осложнения в процессе мировой интеграции. Россия несвоевременно осуществляет имплементацию актов международного права в национальную правовую систему, что подтверждается практикой Европейского суда по правам человека в решениях по делам против РФ². Создание эффективного механизма делегации полномочий позволит своевременно отражать изменения международного права в национальном законодательстве, положительно скажется на отношениях с мировым сообществом.

5. Низкий уровень законодательной техники и систематизации законодательства. Отсутствие адекватного механизма перераспределения законодательной компетенции на конституционном уровне приводит к тому, что в условиях дефицита времени и длительности законодательной процедуры парламентские комитеты не всегда успевают провести подготовку законопроекта к слушаниям. Нормативные инициативы правительства и Президента не оцениваются объективно.

6. Усиление позиций административных органов. Если в Конституции РФ не закреплён механизм делегированного законодательства, то это вовсе не означает, что фактическое перераспределение законотворческой компетенции не осуществляется. Для нормального функционирования исполнительной власти необходима нормативная мобильность. В отсутствие общефедеральных норм о делегированном законодательстве делегация полномочий осуществляется хаотично на всех уровнях власти.

7. Вмешательство Президента в законодательную сферу. Используя административный ресурс, глава государства издает акты, не только тематически сопоставимые с законом, но и равные ему по юридической силе. Вследствие отсутствия законодательной регламентации делегированного законодательства акты президента и правительства многочисленны, обширны по содержанию, трудно контролируемы.

Для решения указанных проблем мы предлагаем:

1. Дополнить ст. 78 Конституции РФ п. 5 в следующей редакции: «Федеральное Собрание

¹ Конституция Российской Федерации. 12.12.1993 (в ред. от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.08.2017).

² Российская хроника Европейского суда. 2016. № 2. С. 10.

РФ делегирует Правительству РФ, федеральным органам исполнительной власти, а также органам законодательной и исполнительной власти субъектов РФ принадлежащие ему законодательные полномочия. Передача полномочий осуществляется в порядке, предусмотренном федеральным законом».

2. Ч. 1 ст. 103 Конституции РФ, касающуюся предметов ведения Государственной Думы, дополнить пунктом «и» в следующей редакции: «делегирование законодательных полномочий Правительству РФ, федеральным министерствам, законодательным органам субъектов РФ».

3. В ч. 1 ст. 102 Конституции РФ, посвященную предметам ведения Совета Федерации, включить п. «к» в следующей редакции: «контроль над актами делегированного законодательства, принятыми Правительством РФ, федеральными министерствами, законодательными органами субъектов РФ».

4. Ст. 108 дополнить ч. 3 в следующей редакции: «Законы о делегировании полномочий принимаются в форме привилегированных законов, посредством квалифицированного большинства в 65% от общего числа депутатов Государственной Думы, одобряются квалифицированным большинством в 65 % от общего числа членов Совета Федерации».

5. Ст. 71 Конституции РФ дополнить ч. 2 в следующей редакции: «РФ вправе делегировать субъектам РФ вопросы, находящиеся в исключительном и совместном ведении РФ».

Конституционный Суд РФ (далее – КС РФ) уточнил критерии, установив, что нельзя делегировать полномочия, для реализации которых Конституция РФ предусматривает принятие закона. Например, законом определяется перечень сведений, составляющих государственную тайну (ч. 4 ст. 29 Конституции РФ), регламентирован порядок выборов Президента РФ и Государственной Думы (статьи 81 и 96 Конституции РФ), статус столицы Российской Федерации (ст. 70 Конституции РФ). Регулирование таких вопросов нельзя делегировать исполнительной власти, позиция КС РФ уточняет концепцию делегированного законодательства в России. Наряду с решением КС РФ данные положения нуждаются в законодательном закреплении.

Анализируя практику КС РФ по оценке соответствия актов делегированного законодательства Конституции РФ, мы отметим непоследовательную и компромиссную позицию Суда. Например, в определении от 14 декабря 2000 г.¹ по жалобе ОАО «Энергомаш» при проверке налогового законодательства КС РФ признал обоснованным расширительное толкование полномочий Правительства РФ. Показательны дела по проверке норм об интеллектуальной собственности: в постановлении от 22 ноября 2001 г.² по жалобе В.П. Редекопа. Суд признал не соответствующими Конституции РФ нормы, расширяющие полномочия правительства при сертификации товаров и установлении товарных знаков. В определении от 15 июля 2008 г.³ по жалобе Ю.П. Сорокина КС РФ формулирует возможность делегирования правительством не принадлежащих ему полномочий, наделяет правительство дискреционными полномочиями в сфере патентования изобретений.

КС РФ определением от 25.09.2014 признал законной делегацию полномочий от парламента правительству в сфере охраны лесов. В суд с жалобой обратился осужденный за незаконную рубку лесных насаждений С.Е. Воробьев, который оспаривал утвержденные правительством таксы и методики оценки ущерба лесам. Отклонив жалобу заявителя, КС РФ отметил, что правительство действовало в рамках полномочий, делегированных ФЗ «Об охране окружающей среды»⁴. Данные нормативные акты проверялись по жалобе М.В. Скворцова, подход к оценке делегации сохранен в определении КС РФ от 23.04.2015⁵.

Мы выделяем конституционную юстицию и ее потенциал в осуществлении контроля. Конституционные суды оценивают акты делегированного законодательства, но особенности конституционного судопроизводства не позволяют исследовать их в полном объеме. КС РФ по своей инициативе не осуществляет проверку, не может выйти за пределы рассмотрения, установленные запросом или жалобой заявителя. По нашему мнению, имеется необходимость дополнения Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде РФ»⁶ положениями, связанными с расширением

¹ Вестник Конституционного Суда РФ. 2001. № 2. С. 12.

² Вестник Конституционного Суда РФ. 2002. № 1. С. 11.

³ Определение Конституционного Суда РФ от 15 июля 2008 по жалобе Ю.П. Сорокина // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.08.2017).

⁴ Определение Конституционного Суда РФ от 25.09.2014 по жалобе С.Е. Воробьева // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.08.2017).

⁵ Определение Конституционного Суда РФ от 23.04.2015 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.08.2017).

⁶ О Конституционном Суде Российской Федерации: Федеральный конституционный закон Российской Федерации от 21.07.1994 № 1-ФКЗ (в ред. от 28.12.2016 № 11-ФКЗ) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.08.2017).

полномочий Суда на проверку делегированного законодательства по собственной инициативе.

Контрольный потенциал конституционной юстиции не реализован. Проверка акта делегированного законодательства ограничивается запросом или жалобой заявителя. Мы считаем, что необходимо предоставить конституционным органам право инициировать надзорное производство в случае, если при рассмотрении конкретного дела обнаружено нарушение Конституции и других нормативных актов, в частности, делегированных, не оспариваемых заявителем. Для высших судебных органов стран общего права также необходимо полномочие проверки сомнительных актов по собственной инициативе. Контроль эффективен только при независимости суда от иных органов власти.

Для усиления контрольно-надзорных функций КС РФ мы предлагаем следующую концепцию правового регулирования:

а) п. 7 ст. 3 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ», по нашему мнению, создает условия для произвольной трактовки полномочий КС РФ и роста коррупции в судебной системе. Мы предлагаем дополнить ст. 3 п. 8 в следующей редакции: «Суд осуществляет проверку актов делегированного законодательства по запросам государственных органов и должностных лиц, а также по собственной инициативе при наличии представлений соответствующих управлений секретариата КС РФ»;

б) мы отмечаем, во-первых, упрощенный подход к медиации, зафиксированный в ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)»; во-вторых, узкую сферу применения медиации, ограниченную гражданскими, семейными, трудовыми и бизнес-конфликтами в соответствии с ч. 2 ст. 1 указанного ФЗ. Недооценена применимость медиации в других сферах, например, в управлении.

Предлагаем дополнить ФЗ «О медиации» особенной частью – главой 1 «Медиация споров в сфере управления» в следующей редакции:

«Ст. 21. Общие принципы медиации административных конфликтов:

законность, соблюдение прав и свобод граждан, единство правового пространства РФ, субординации.

Ст. 22. Медиативные инструменты в административных спорах.

1. Медиативными инструментами в административных спорах являются: переговорный процесс, учет взаимных интересов государственных органов и должностных лиц, медиативные ого-

ворки в уставах государственных и муниципальных органов.

2. Особыми медиативными инструментами являются институты делегированного законодательства и делегированных полномочий, установленные соответствующим федеральным конституционным законом.

Ст. 23. Медиатор в административных спорах.

1. Медиаторами в административных спорах могут быть государственные и частные медиаторы, обладающие необходимыми опытом и квалификацией в вопросах управления, политики и права.

2. Соглашение о передаче спора на медиацию заключается публично между государственными органами и должностными лицами по итогам конкурса и правилам государственных контрактов в целях предотвращения коррупции.

Ст. 24. Медиативное соглашение по административным спорам.

1. Положительная процедура медиации по конфликтам в сфере управления заканчивается подписанием медиативного соглашения.

2. Одной из форм медиативного соглашения являются акты делегированного законодательства»;

в) главу IV.1 ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ» мы предлагаем дополнить ст. 26.9.1 «Акты делегированного законодательства при взаимодействии РФ и субъектов РФ» в следующей редакции:

«1. Исполнение субъектами РФ отдельных государственных полномочий осуществляется на основании делегированного законодательства.

2. К делегированным актам применяются правила соответствующего федерального конституционного закона»;

г) п. 2. ст. 19 ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» мы предлагаем изложить в следующей редакции: «Наделение органов местного самоуправления государственными полномочиями РФ осуществляется только делегирующими законами РФ, государственными полномочиями субъектов РФ – делегирующими законами субъектов РФ в соответствии с федеральным конституционным законом».

Главу 7 закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» предлагаем дополнить статьей 48-1 «Акты делегированного законодательства в сфере местного самоуправления» в следующей редакции:

«1. Органы местного самоуправления принимают акты делегированного законодательства в порядке, установленном Конституцией РФ и соответствующим федеральным конституционным законом.

2. Основанием для делегированного нормотворчества являются законы Парламента и постановления Правительства.

3. При делегации полномочий, исполнение которых требует финансовых вложений, соответствующие средства предоставляются одновременно с наделением полномочиями.

4. Органы законодательной и исполнительной власти наделяются контрольными полномочиями в отношении актов делегированного законодательства органов местного самоуправления.

5. Согласие органов местного самоуправления является обязательным для возложения делегированных полномочий».

Таким образом, для оптимального функционирования института делегированного законодательства необходимо некоторое изменение компетенции КС РФ, а также ряда аспектов конституционного судопроизводства. Дискуссионным является вопрос об избыточности первого регулирования: статьями 86 и 87 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»¹ установлен механизм защиты режима конституционной законности.

Прежде всего, значимые для анализа проблемы, пределы проверки установлены КС РФ ч.6 ст. 86 ФКЗ «О КС РФ», согласно которой проверка осуществляется с точки зрения разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов РФ, установленного Конституцией, федеративным и иными договорами о разграничении предметов ведения и полномочий².

Основные звенья этого механизма закреплены в ч.2 ст. 87 ФКЗ «О КС РФ»; признание не соответствующими Конституции РФ федерального закона, нормативного акта Президента РФ, нормативного акта Правительства РФ, договора или отдельных их положений является основанием для отмены в установленном порядке положений других нормативных актов либо договоров, основанных на признанных неконституционными полностью или частично нормативном акте либо договоре либо воспроизводящих их или содержащих такие же положения, какие были признаны неконституционными³. Ч.4 ст.87 ФКЗ «О КС РФ» содержит важное указание, согласно которому положения данных

нормативных актов либо договоров не могут применяться судами, другими органами и должностными лицами⁴.

Но, по нашему мнению, этого механизма явно недостаточно. Бесспорно, в подавляющем числе случаев совокупного механизма статьи 87 ФКЗ «О КС РФ» достаточно с учетом новеллы от 28.12.2016 которая расширила нормативную обязательность толкования, данного КС РФ: ч.1.1 ФКЗ «О КС РФ» вводит постановление о признании нормативного акта или договора либо отдельных их положений соответствующими Конституции в данном Конституционным Судом РФ истолковании⁵. Данная новелла развита в ч. 6 ст. 87 ФКЗ «О КС РФ»⁶, согласно которой в случае признания нормативного акта органа государственной власти или договора между органами государственной власти либо отдельных их положений соответствующими Конституции в данном КС РФ истолковании при их применении исключается любое иное их истолкование, а на последствия принятия такого постановления распространяются положения, установленные для случаев признания нормативного акта или договора либо отдельных их положений не соответствующими Конституции⁷.

Тем самым законодатель усилил нормативную составляющую решений, в которых нормативный акт признается не соответствующим Конституции РФ либо соответствующим только в какой-то конкретной трактовке. Однако конфликты, особенно в сфере государственного управления, имеют сложную, комплексную природу. Механизм же статьи 87 ФКЗ «О КС РФ» направлен на реализацию решений КС РФ именно в пределах жалобы или запроса, если связанные с оспариваемым нормативным актом судебные решения и другие нормативные акты, акты индивидуального применения права отменяются, то только в пределах, установленных жалобой. В качестве примера можно привести крайне конформное и политически мотивированное решение по смертной казни от ноября 2009 года. КС РФ, ограничившись запросом Верховного Суда РФ, дал оценку только моратория на применение смертной казни, без анализа приемлемости самой смертной казни как вида наказания в УК РФ в соотношении ее с декларируемой целью наказания – исправлением осужденного. Возможность применения смертной

¹ О Конституционном Суде Российской Федерации: Федеральный конституционный закон Российской Федерации от 21.07.1994 № 1-ФКЗ (в ред. от 28.12.2016 № 11-ФКЗ) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.08.2017).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

казни при условии введения суда присяжных на всей территории Российской Федерации, вытекающая из содержания статьи 20 Конституции РФ, была установлена Конституционным Судом РФ в постановлении от 02.02.1999 № 3-П. С 1 января 2010 года суды присяжных начали функционировать в Чеченской Республике, последнем субъекте РФ, где они не были введены. В связи с запросом Верховного Суда РФ по этому поводу Конституционный Суд РФ определил следующее.

Постановление Конституционного Суда РФ от 02.02.1999 № 3-П в системе действующего правового регулирования, на основе которого в результате длительного моратория на применение смертной казни сформировались устойчивые гарантии права человека не быть подвергнутым смертной казни и сложился конституционно-правовой режим, в рамках которого – с учетом международно-правовой тенденции и обязательств, взятых на себя Российской Федерацией, – происходит необратимый процесс, направленный на отмену смертной казни как исключительной меры наказания, носящей временный характер («впредь до ее отмены») и допускаемой лишь в течение определенного переходного периода, т.е. на реализацию цели, закрепленной статьей 20 Конституции РФ, означает, что исполнение постановления № 3-П в части, касающейся введения суда с участием присяжных заседателей на всей территории Российской Федерации, не открывает возможности применения смертной казни, в том числе по обвинительному приговору, вынесенному на основании вердикта присяжных заседателей.

Упомянутые международные обязательства Российской Федерации по данному вопросу определены Протоколом № 6 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, подписанным Россией 16 апреля 1997 года. До настоящего времени Российская Федерация Протокол № 6 не ратифицировала и не выразила своего намерения не стать его участником, что в соответствии с Венской конвенцией о праве международных договоров означает обязанность России воздерживаться от действий, противоречащих этому документу (определение Конституционного Суда РФ от 19.11.2009 № 1344-О-Р «О разъяснении пункта 5 резолютивной части постановления Конституционного Суда РФ от 2 февраля 1999 года № 3-П по делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, пунктов 1 и 2 постановления Верховного Совета РФ от 16 июля 1993 года "О

порядке введения в действие Закона РФ "О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судоустройстве РСФСР», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях»)¹.

Второй пример касается так называемого «фильтра Ходорковского» – в рамках жалобы ряда граждан проверялась законность и обоснованность ограничения пассивного избирательного права граждан, имеющих судимость. КС РФ только дал указание об установке не произвольных, а вполне конкретных сроков такого поражения в гражданских правах, но не дал оценки самой приемлемости постановки вопроса.

Обсуждение и заключения

Подводя итог изложенному, необходимо отметить, что рассматриваемая нами проблема не столь остра при запросах в КС РФ должностных лиц и компетентных органов – здесь мы можем презюмировать высокую квалификацию в области права. У данных субъектов достаточно организационных ресурсов, чтобы привлечь к работе над запросом в Конституционный Суд РФ профессиональных юристов. Но что делать с жалобами граждан – физических лиц? У них не всегда есть возможность воспользоваться профессиональной помощью. Ограничивать КС РФ пределами не всегда грамотно составленной жалобы?

По нашему мнению, расширение компетенции КС РФ, наделение его полномочиями и возможностью реагировать на нарушения Конституции РФ, даже если эти нарушения не нашли отражение в запросе компетентного органа, должностного лица, в жалобе заявителя – гражданина, способно не только усилить оперативность в устранении нарушений и восстановлении справедливости, но и повысить авторитет КС РФ в обществе. Полагаем, что предложенные нами изменения в законодательство будут способствовать повышению роли и авторитета права, снижению уровня правового нигилизма среди населения.

Бесспорно, мы признаем и осознаем некоторые риски: в случае расширения компетенции КС РФ есть вероятность того, что при определенных обстоятельствах он может быть вовлечен в орбиту политических процессов и утратит функции объективного арбитра в конфликтах между органами власти. Но эти риски малозначительны в сравнении с тем, что суд может оказаться бессильным, слабым в рассмотрении конфликтов – при компетенции, ограниченной запросом или жалобой.

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 02.02.1999 № 3-П. URL: <http://www.ksrf.ru> (дата обращения: 20.08.2017).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Автономов А.С. Правовая онтология политики: к построению системы категорий. М.: Инфограф, 1999.

REFERENCES

1. Avtonomov A.S. Pravovaja ontologija politiki: k postroeniju sistemy kategorij. M.: Infograf, 1999.

Об авторе: Аксенович Ольга Александровна, старший преподаватель кафедры теории права и гражданско-правового образования юридического факультета РГПУ им. А.И. Герцена

e-mail: aksenowicholga@mail.ru

©Аксенович О.А., 2017

Статья получена: 05.09.2017. Статья принята к публикации: 12.12.2017.

Статья опубликована онлайн: 20.12.2017.

About the author: Axenovich Olga A., Senior Teacher of Department of Theory of Law and Civil-legal Education, Law Faculty, Herzen State Pedagogical University named after A. I. Herzen

e-mail: aksenowicholga@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

Э.Г. Юзиханова

ТЕНДЕНЦИИ СОВРЕМЕННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ
TRENDS OF THE MODERN CRIMINAL ACTIVITY

Введение: в статье рассматриваются тенденции современной преступности в целом и тенденции отдельных структурных составляющих преступности.

Материалы и методы: работа строится на применении общенаучных и частнонаучных методов познания, анализе сведений о состоянии преступности в России, данных международных аналитических обзоров, а также использовании результатов исследований, проведенных ранее автором статьи и другими учеными.

Результаты исследования: в статье приводятся результаты исследования тенденций современной преступности. Отмечается неоднозначность тенденций по отдельным видам преступлений и лицам, их совершающим.

Обсуждение и заключения: автор приходит к выводу о необходимости учета качественных изменений преступности в России, выраженных во внутреннем (структурном) перераспределении отдельных видов преступлений, в прогнозировании и планировании профилактической деятельности органов внутренних дел.

Ключевые слова: преступность, структура, тенденция, статистика, субъект, цикл, состояние, уровень, коэффициент

Для цитирования: Юзиханова Э.Г. Тенденции современной преступности // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2017. Т. 8, № 4. С. 41 - 45. DOI: 10.24420/KUI.2017.4(30).8612.

Introduction: the paper considers the modern trends of crime in general and trends in individual structural components of the crime.

Materials and Methods: the work is based on the use of specially scientific and general scientific methods of cognition, analysis of information about the state of crime in Russia, the data of international analytical surveys and using the results of the studies conducted previously by the author and other scientists.

Results: the paper presents the results of a study of the trends of modern crime. It is noted the ambiguity of trends on individual types of crimes and persons who committed them.

Discussion and Conclusions: the author comes to the conclusion about the necessity of taking into account qualitative changes of criminality in Russia, expressed in the inner (structural) redistribution of certain types of crimes, forecasting and planning of preventive activities of Internal Affairs bodies.

Key words: crime, structure, trend, statistics, subject, cycle, state, level, ratio

For citation: YUzhanova E.H.G. Trends of the Modern Criminal Activity // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2017. V. 8, № 4. P. 41 - 45. DOI: 10.24420/KUI.2017.4(30).8612.

Введение

Несмотря на то что «официальная статистика преступности дает лишь приблизительное представление о видах преступлений и размерах зарегистрированной преступности, а также о количестве арестованных и осужденных преступников» [1, с.293], именно она в количественной форме характеристики временных рядов позволяет определять тенденции (от лат. *tendentia* – направленность) современной преступности. Тенденции преступности зависят от множества факторов объективного и субъективного характера. Известны

случаи «управления» преступностью в «ручном режиме». Например, в декабре 1969 года президентом США Никсоном полицейскому комиссару округа Колумбия Джерри Уилсону было настоятельно рекомендовано снизить уровень преступности, иначе он может быть лишен должности. Уровень преступности в округе Колумбия был снижен путем подчистки статистических данных, а в начале 1974 года в Белом доме был устроен торжественный прием в честь того, что уровень преступности подобным же образом снизился по всей стране [1, с. 294].

По мнению В.Фокса, особого внимания заслуживает советский подход к решению проблем преступности. Советские криминологи были убеждены, что коммунистическое общество в конечном счете покончит с преступностью, поскольку в совершенном обществе будут полностью удовлетворены все потребности каждого из его членов. И достигнуто это может быть путем ликвидации частной собственности и нужды. При такой системе просто не будет стимулов к совершению преступлений [1, с. 296].

Трудности использования официальной статистики преступности для проведения исследований заключаются в том, что она гораздо лучше отражает практику применения права, нежели преступное поведение.

Исследователи прибегают к официальной статистике, поскольку другой возможности получить какие-либо сведения в обобщенном виде у нас не существует. По состоянию и уровню преступности в государстве можно делать выводы об эффективности деятельности правоохранительных органов, судить об уровне обеспечения личной и общественной безопасности.

Обзор литературы

В ранее проведенных исследованиях [2,3] было установлено, что общий уровень преступности, как в Российской Федерации, так и во всех ее субъектах, существенно ниже среднемировых показателей по развитым странам. При этом наблюдается статистический парадокс, когда уровень отдельных особо тяжких преступлений в нашей стране и ее субъектах существенно выше среднемировых показателей, а уровень общей преступности странным образом оказывается чрезвычайно низким.

Не последнюю, а во многом определяющую роль в тенденциях современной преступности выполняют денежные средства, выделяемые на профилактику преступности. По мнению американского экономиста, лауреата Нобелевской премии Гэри Беккера, оптимальная мера расходов на обеспечение действенности законов зависит, помимо прочего, от издержек по поимке нарушителей и установлению их вины, от вида наказания – например, от того, применяются ли штрафы или лишение свободы, и от реакции преступников на изменения в правоохранительной системе [4, с. 283].

Материалы и методы

На двенадцатом Конгрессе Организации Объединенных Наций по предупреждению преступ-

ности и уголовному правосудию (Сальвадор, Бразилия, 12-19 апреля 2010 года) были представлены предварительные итоги одиннадцатого Обзора Организации Объединенных Наций по вопросу о тенденциях в области преступности и функционировании систем уголовного правосудия, информация и статистические данные о преступности и уголовном правосудии, полученные из других национальных и международных источников, а также основные результаты обследований населения по проблемам преступности и коррупции¹.

В докладе отмечалось, что в ряде стран сократилось не только число убийств, но и число преступлений против собственности (преимущественно в Западной, Центральной и Восточной Европе). За период с 1995 по 2008 год число зарегистрированных полицией краж и хищений автотранспортных средств уменьшилось почти вдвое. Эксперты объясняли это увеличением числа сдерживающих факторов, в частности, применением более совершенных охранных систем для домохозяйств и автотранспорта (повышением степени защищенности объекта).

Тем не менее, даже если показатели преступности, полученные на основе данных правоохранительных органов, возможно, и не позволяют в полной мере представить масштабы преступной деятельности, можно отслеживать изменения, происходящие со временем. Однако данное наблюдение возможно при условии сохранения эквивалентных систем регистрации полицией происшествий.

Результаты исследования

Одной из мер, направленных на совершенствование деятельности органов внутренних дел Российской Федерации, стала реформа МВД России, начавшаяся в 2011 году и не завершенная до сих пор. В подготовке Федерального закона «О полиции» приняли участие более 5 млн человек, в результате чего первоначальное содержание законопроекта претерпело серьезные изменения. Отразилось ли реформирование МВД России на состоянии преступности? Судя по динамике преступности², реформа пришлась на период активной фазы снижения в 2011 году (см. график 1). Численность сотрудников органов внутренних дел была сокращена почти на треть (на 20 % в первый год и затем еще на 10 %). Продолжающуюся положительную динамику, на наш взгляд, можно отчасти объяснить элементарной нехваткой кадров.

¹ Организация Объединенных Наций. Двенадцатый Конгресс Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и уголовному правосудию. Сальвадор, Бразилия, 12-19 апреля 2010 года. A/CONF.213/3. URL: http://sartraccc.ru/Pub_inter/12congress.files/1.pdf.

² Информация получена из статистических сборников «Преступность и правонарушения (2010-2014)» и «Состояние преступности в России за 2015 и 2016 годы», подготовленных ГИАЦ МВД России.

График 1.

Коэффициент преступности в России (число преступлений на 100 тысяч человек всего населения) с 1996 года (1772 преступления на 100 тысяч населения) неуклонно рос до 2006 года, дойдя до критической отметки в 2695 преступлений на 100 тысяч населения и постепенно снизился к 2016 году с уровнем 1631 преступление на 100 тысяч населения (см. график 2).

В данном случае, судя по графику, мы наблюдаем свойства долгопериодической циклической

колеблемости [5, с. 87]. Характерной чертой этого типа колебаний является наличие нескольких (многих) подряд отклонений одного знака, затем сменяющихся примерно таким же количеством отклонений противоположного знака подряд. Затем весь цикл вновь повторяется; причем, как правило, длина всех циклов является одинаковой или примерно равной (в данном случае длина цикла равна 10-12 годам).

График 2.

Обсуждение и заключения

Можно утверждать, что в субъектах Российской Федерации имеет место тенденция занижения уровня общей преступности. Очевидно, что, несмотря на принимаемые меры противодействия, регистрирующие органы интенсивно укрывают преступления от учета, а также растет доля латентной преступности, вызванная неже-

ланием граждан заявлять о совершенных в отношении них преступлениях. Еще одним фактором, влияющим на снижение общего регистрируемого уровня преступности по субъектам Российской Федерации, является декриминализация ряда преступлений и части краж, которые всегда составляли львиную долю в структуре российской преступности. Аналогичные тенденции (сниже-

ние отдельных видов общеуголовной преступности) наблюдаются и в ряде других стран.

В последние годы, судя по анализу структуры зарегистрированных преступлений, отмечаются неоднозначные тенденции преступности. Некоторые виды преступлений неуклонно снижаются (тяжкие и особо тяжкие; убийство; кража), другие, наоборот, растут (мошенничество; преступления, совершенные лицами, ранее совер-

шавшими преступления; преступления, совершенные на улицах, площадях, в парках и скверах населенных пунктов России) (см. таблицу 1).

Как видно из содержания таблицы, при снижении общего уровня преступности происходит внутреннее перераспределение удельного веса отдельных преступлений по видам и лицам, их совершившим.

Таблица 1.

Динамика структуры преступности в России

	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
всего зарегистрировано преступлений	2628799	2404807	2302168	2206249	2190578	2388476	2160063
тяжкие и особо тяжкие	684347	607507	569804	537664	531388	519655	457779
уд.вес, %	26,0	25,3	24,8	24,4	24,3	21,8	21,2
убийство и покушения на убийство	15563	14305	13265	12361	11933	11496	10444
уд.вес, %	0,6	0,6	0,6	0,6	0,5	0,5	0,5
кража	1108369	1038566	992238	922562	908901	1018451	871084
уд.вес, %	42,1	43,1	43,1	41,8	41,4	42,6	40,3
мошенничества	160081	147468	161969	164629	160214	200598	208926
уд.вес, %	6,1	6,1	7,1	7,5	7,3	8,4	9,7
преступления, совершенные лицами, ранее совершавшими преступления	530742	533487	583247	613779	635551	688817	674935
уд.вес, %	20,2	22,2	25,3	27,8	29,0	28,8	31,2
преступления, совершенные на улицах, площадях, в парках и скверах населенных пунктов России	397870	412406	466076	463685	485716	522263	501090
уд.вес, %	15,1	17,1	20,2	21,0	22,2	22,2	23,2

Качественные изменения затронули все сферы жизнедеятельности. Не осталась в стороне и преступность как явление, порожаемое самим обществом. Отдельные виды преступлений, судя по всему, потеряли свою «привлекательность», что связано с осложнением совершения преступления, как-то: ужесточением наказания за совер-

шенное деяние, усовершенствованием защитных охранных устройств, установлением камер видеонаблюдения и т.д.

Таким образом, тенденция снижения регистрируемой преступности не всегда свидетельствует об эффективности деятельности правоохранительных органов в сфере ее предупреждения.

В заключение необходимо отметить, что полученные знания в прогнозировании и планировании профилактической деятельности органов преступности, для того чтобы использовать по- внутренних дел.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Фокс В. Введение в криминологию / Б.С. Никифорова и В.М. Когана М.: Прогресс, 1985. 312 с.
2. Лунеев В.В. Курс мировой и российской криминологии: учебник. В 2 т. Т. I. Общая часть. М.: Юрайт, 2011. С. 275.
3. Юзиханова Э.Г. Тенденции и закономерности преступности в субъектах Российской Федерации: монография. Тюмень: Тюменский институт МВД России, 2007. 275 с.
4. Беккер Г.С. Человеческое поведение: экономический подход // Избранные труды по экономической теории. М.: ГУ ВШЭ, 2003. С. 283.
5. Афанасьев В.Н., Юзбашев М.М. Анализ временных рядов и прогнозирование: учебник. М.: Финансы и статистика; ИНФРА-М, 2010. 320 с.

REFERENCES

1. Foks V. Vvedenie v kriminologiyu / B.S. Nikiforova i V.M. Kogana M.: Progress, 1985. 312 s.
2. Luneev V.V. Kurs mirovoj i rossijskoj kriminologii: uchebnik. V 2 t. T.I. Obshchaya chast'. M.: YUrajt, 2011. S. 275.
3. YUZihanova E.H.G. Tendencii i zakonomernosti prestupnosti v sub»ektah Rossijskoj Federacii: monografiya. Tyumen': Tyumenskij institut MVD Rossii, 2007. 275 s.
4. Bekker G.S. Chelovecheskoe povedenie: ehkonomicheskij podhod // Izbrannye trudy po ehkonomicheskoy teorii. M.: GU VSHEH, 2003. S. 283.
5. Afanas'ev V.N., YUzbashev M.M. Analiz vremennyh ryadov i prognozirovanie: uchebnik. M.: Finansy i statistika; INFRA-M, 2010. 320 s.

Об авторе: Юзиханова Эльвира Гумеровна, доктор юридических наук, профессор кафедры информационно-аналитического и документационного обеспечения деятельности органов внутренних дел Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России
e-mail: uzikhanovaeg@yandex.ru

©Юзиханова Э.Г., 2017

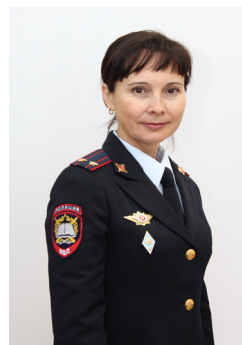
Статья получена: 08.11.2017. Статья принята к публикации: 12.12.2017.

Статья опубликована онлайн: 20.12.2017.

About the author: Uzikhanova Elvira G., the Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Department of Information and Analytical and Documentary Maintenance of Activity of Bodies of Internal Affairs of the Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of Interior of Russia
e-mail: uzikhanovaeg@yandex.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

А.Е. Шалагин, О.Н. Хрусталева

ТЮРЕМНЫЙ ФОЛЬКЛОР В КОНТЕКСТЕ КРИМИНАЛЬНОЙ СУБКУЛЬТУРЫ PRISON FOLKLORE IN THE CONTEXT OF CRIMINAL SUBCULTURE

Введение: в статье рассматривается тюремный фольклор как один из элементов криминальной субкультуры осужденных. Обращено внимание на его составляющие: песни, стихи, рассказы, афоризмы, поговорки, мифы, легенды, анекдоты и др. Показано негативное влияние тюремного фольклора на нравы и традиции современного российского общества.

Материалы и методы: материалом послужили труды по философии, социологии, психологии, филологии, девиантологии, криминологии, уголовно-исполнительному праву. При подготовке исследования применялись: исторический, логический, системно-структурный, конкретно-социологический методы. Аналитико-синтетические методы использованы при поиске и анализе литературы по теме; метод сравнительного анализа – при определении сущности понятий традиционного и тюремного фольклора.

Результаты исследования: сравнительный анализ традиционного и тюремного фольклора (их задач, форм, содержания) позволил подтвердить гипотезу о том, что, несмотря на кардинальные изменения, происходящие на современном этапе развития общества, тюремный фольклор продолжает использовать арсенал традиционного народного творчества, извращая его ценности, пагубно сказываясь на сознании подрастающего поколения.

Обсуждение и заключения: сделаны выводы о необходимости изучения современного состояния криминальной субкультуры в целях организации профилактической работы с подрастающим поколением и препятствования распространения этих идей в современном обществе. Представлены основные направления изучения заявленной в статье проблемы.

Ключевые слова: *тюремный фольклор, криминальная субкультура, пенитенциарные учреждения, лишение свободы, поговорки, шансон, татуировки*

Для цитирования: Шалагин А.Е., Хрусталева О.Н. Тюремный фольклор в контексте криминальной субкультуры // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2017. Т. 8, № 4. С. 46 - 53. DOI: 10.24420/KUI.2017.4(30).8613.

Introduction: the paper discusses prison folklore as an element of criminal subculture of convicted. The authors pay their attention to its components: songs, poetry, stories, sententious sayings, proverbs, sayings, myths, legends, anecdotes etc. Negative influence of prison folklore on the customs and traditions of the modern Russian society is shown.

Materials and Methods: works on philosophy, sociology, psychology, deviantology, criminology, criminal and penal law were the basis for the study. Historical, logical, systematic-structure, specific-sociological methods were used in the preparation of studies. Analytical-synthetical methods were used in the search and analyzing of the literature; contrastive analysis helped to determine the essence of the concepts of traditional and prison folklore.

Results: comparative analysis of traditional and prison folklore (their aims, forms, subject matter) has made it possible to reaffirm the hypothesis that inspite of fundamental changes of the modern society, prison folklore continues to use traditional folklore perverting its values, adversely affecting the mind of the young generation.

Discussion and Conclusions: the authors concluded that it is necessary to study the modern state of the prison folklore with the view of arranging of preventive measures to the younger generation and opposition to expansion of these ideas in the modern society. The basic branches of study of the issue of the given paper.

Key words: prison folklore, criminal subculture, penitentiary institutions, imprisonment, proverbs, chanson, tattoos

For citation: SHalagin A.E., Hrustaleva O.N. Prison Folklore in the Context of Criminal Subculture// Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2017. V. 8, № 4. P. 46 - 53. DOI: 10.24420/KUI.2017.4(30).8613.

Введение

Согласно Толковому словарю С.И. Ожегова, фольклор – народное творчество; совокупность народных обрядовых действий. В культурологическом аспекте – в широком смысле вся народная традиционная духовная и отчасти материальная культура, в узком – устная словесная художественная традиция¹.

Наиболее важными признаками фольклора являются вербальность и устность, что отнюдь не исключает отрицания связи с другими художественными формами. Фольклор является объектом изучения различных наук: наряду с филологией и этнографией, он изучается социологами, культурологами, педагогами, психологами, музыкантами, художниками и др. Свою лепту в изучение фольклора вносят и криминологи.

По мнению И.М. Мацкевича, криминальная субкультура не является чем-то особенным, как это иногда представляется. В любом обществе есть преступность, и везде она обладает свойственной ей субкультурой. Криминальная субкультура впитывает в себя плоды культуры общества и паразитирует на них, являясь ее антиподом, а никак не продолжением [1, с. 12]. Можно отметить, что и тюремный фольклор является антиподом традиционного фольклора, использует его формы, особенности, сюжеты, встраиваясь в него, паразитирует и постепенно заражает своей аморальностью.

Сверхзадачей существования фольклорных произведений является передача от поколения к поколению исторической памяти народа, его значимых ценностей, знаний, обычаев, обрядов (ритуалов). Проанализируем реализацию этой задачи создателями и носителями криминальной субкультуры.

Классификация фольклорных произведений по функциональному признаку приводит к выделению практической, информационной, магической, религиозной, а также эстетической функций. Исключительно в чистом виде каждая из них проявляется не часто. Говоря о тюремном фольклоре, следует отметить, что указанные функции присутствуют в нем.

Под влиянием идеологии заключенных происходит трансформация традиционных особенностей жанров, сюжетов фольклора, наполняясь специфическим содержанием.

Как нам представляется, для начала необходимо определиться с терминологией. Криминальная субкультура – это духовная жизнь относительно ограниченной части общества, а именно граждан криминальной направленности. Субкультура – система норм, ценностей, атрибутов, отличающих определенную группу (носителю таких правил, идей) от большинства других².

Субкультура (нем. ниже, под+культура) – культура группы в пределах более крупного культурного образования, которая часто находится в осознанном противостоянии к последнему; она формирует собственные элементы, которые большинством признаются антиобщественными, ущербными, аморальными³.

Давая дефиницию понятия «субкультура», составители словарей обращают внимание на два аспекта: малочисленность апологетов субкультурных «ценностей» и конфронтация с представителями большинства общества (приверженцами) традиционных ценностей.

Соответственно, тюремную субкультуру мы будем рассматривать как разновидность криминальной, которую В.В. Тулегенов определяет как совокупность ценностей, обычаев, традиций, норм и правил поведения преступников как социальной группы [2, с. 5], по сути, сужая (ограничивая) понятие фольклора сферой его функционирования.

Оказавшись в тюремной среде, люди с различными взглядами, интересами, ценностями вынуждены адаптироваться к новым жизненным условиям, устраивать свой быт, налаживать взаимоотношения. Кто-то без труда подстраивается под общепринятые нормы и правила поведения, погружаясь в специфическую субкультуру пенитенциарного учреждения, другие тяжело воспринимают новые для них правила существования. И очень немногие находят в себе силы и способности опыт нахождения в заключении использовать

¹ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1999.

² Новейший философский словарь / сост. А.А. Грицанов. Минск: Книжный Дом, 1999.

³ Словарь иностранных слов / сост. Н.Г. Комлев. М.: Эксмо, 2006.

для развития своей личности, творческого самовыражения [3].

Одним из элементов криминальной субкультуры осужденных к лишению свободы является тюремный фольклор, жанры которого не отличаются от жанров традиционного фольклора: песни, стихи, рассказы, афоризмы, пословицы, поговорки, мифы, легенды, анекдоты и др.

Тюремная субкультура реализуется в неформальных нормах и правилах поведения, запретах и предписаниях, санкциях и поощрениях, в отдельных проявлениях творческой активности осужденных.

Обзор литературы

Изучению криминальной субкультуры научные труды в различные периоды посвящали М.Н. Гернет, В.Н. Кудрявцев, И.И. Карпец, Ю.М. Антонян, В.М. Анисимов, А.И. Гуров, В.И. Горкин, А.И. Долгова, О.П. Дубягина, С.Я. Лебедев, И.М. Мацкевич, В.Ф. Пирожков, О.В. Старков, В.В. Тулегенов, Г.Ф. Хохряков, В.В. Шемякина, В.Е. Эминов и др.

Образы арестантов, беглых каторжников, политзаключенных встречаются и в литературных произведениях русских поэтов и писателей: Н.А. Некрасова, Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова, А.Ф. Кошко, В.В. Крестовского, В.М. Дорошевича, С.В. Максимова, В.А. Гиляровского, М. Горького, С.А. Есенина, А.И. Солженицына, С.Д. Довлатова, В.Т. Шаламова, В.С. Высоцкого и других.

Материалы и методы

Методологическую основу проведенного исследования составляет совокупность философских, общенаучных и частнонаучных методов познания, среди которых необходимо выделить исторический, логический, системно-структурный, конкретно-социологический, статистический методы. Кроме того, авторами были использованы аналитико-синтетические методы – при поиске и анализе литературы по теме; метод сравнительного анализа – при определении сущности понятий традиционного и тюремного фольклора.

Результаты исследования

По итогам изучения быта и нравов криминального мира в XIX столетии были составлены первые в России словари аргонизмов, употребляемых в преступной среде. Так, еще в 1859 г. тиражируется «Собрание выражений и фраз, употребляемых петербургскими мошенниками». В последующем издается значительное количество толковых словарей блатного и воровского жаргона («блатная музыка»). Их составителями были журналисты,

филологи, писатели, представители правоохранительных органов. Словари использовались в целях изучения уголовного жаргона и других элементов криминальной субкультуры.

Одну из первых музыкальных записей тюремного фольклора предпринял В.Н. Гартевельд (1859-1927 г.), совершивший в 1908 г. поездку в Сибирь, где он собирал и изучал песни политических заключенных и ссыльных каторжан. Через год 12 песен в обработке были записаны на пластинки и выпущена брошюра «Песни каторжан»¹. Данное направление имело успех в городском фольклоре, а впоследствии в бардовской песне и шансоне.

Криминальная среда нуждается в своих героях, которыми становятся «удачливые» воры, мошенники, грабители. И если архетипами многих легенд, песен, преданий, баллад, характерных для криминальной среды, были Ванька Каин, Атаман Кудеяр, Степан Разин, Емельян Пугачев, то со временем личность преступника преобразуется. В рассказах, анекдотах персонажи часто по своим характерным особенностям, повадкам, поступкам похожи на самих арестантов и сотрудников пенитенциарного учреждения. Образ заключенного представлен страданиями, несправедливым наказанием, отсутствием сострадания (понимания) со стороны внешнего мира, размышлениями о смысле жизни, взаимоотношениях с близкими, друзьями, женщинами.

Сегодняшний герой криминального фольклора не таков, для него характерно: а) броское, демонстративно показное, расточительное потребительство; б) аморальное и антиобщественное поведение; в) пренебрежение общепринятыми нормами и традициями; г) укрепление криминальных и коррупционных связей; д) систематическое совершение финансовых и налоговых правонарушений; е) недобросовестное партнерство; ж) формирование собственной субкультуры (гламура и роскоши); з) отказ от исторически сложившихся форм меценатства и благотворительности [3, с. 143-144].

В среде осужденных, отбывающих наказания в местах лишения свободы, распространены гадания, предсказания, объяснение сновидений. Отмечается иное отношение к течению времени, которое по-другому воспринимается в пенитенциарных учреждениях. Среди осужденных имеется поговорка «Тяжело первые десять лет, потом привыкаешь». Значимыми событиями в жизни осужденного становятся дни, когда истекает значительная часть назначенного наказания 1/4, 1/3, половина, 2/3, 3/4 и др. Свои особенности имеет

¹ Песни каторги: сборник В.Н. Гартевельда с приложением очерков о каторжных и тюремных песнях и поэзии С.В. Максимова, Н.М. Ядринцева, В.М. Дорошевича. М.: Salamandra P.V.V., 2012. 197 с.

процедура встречи новичка и проводов лица, отбывшего срок, установленный судом.

В среде осужденных установлен запрет на работу, участие в художественной самодеятельности, нельзя просить помощи у сотрудников (работников) уголовно-исполнительной системы. Не приветствуется чистосердечное раскаяние: покаяние – признак слабой личности. Вместо «садись» принято говорить «присаживайся», вместо «спасибо» – «благодарю» [4, с. 231-267]. По манере одеваться, походке, жестикуляции, разговорной речи можно определить, к какой группе (страте) относится осужденный.

Отдельное место в криминальной субкультуре занимают клятвы. Клятва носит бескомпромиссный характер. С ее помощью достигается сплоченность, взаимоподдержка, единство взглядов и идей в криминальной среде. Лица, нарушившие клятву, рискуют потерять авторитет, могут быть понижены в преступной иерархии и понести ощутимое наказание. В качестве примера можно привести следующие выражения: «Слово пацана», «Век воли не видать», «Зуб даю» и др. [5, с. 139].

Многие пословицы и поговорки перефразированы из русского и других языков. Структурно схожие с традиционными фольклорными, по своему содержанию они отражают нравы осужденных, их отношение к происходящим событиям, традиции и обычаи арестантской среды: «Не верь, не бойся, не проси», «Вор ворует – остальные пашут», «За стукачом топор гуляет», «У тюремных у дверей, много плачет матерей», «Недолго музыка играла, недолго фраер танцевал», «Утром чай – в обед газета», «Роза любит воду, вор любит свободу», «Лучше раз на «воронке», чем всю жизнь на кляче», «Кто был в тюрьме, тот в цирке не смеется», «Если хочешь работать, ляг, поспи и все пройдет» и др.

Однако тюремный фольклор бытует не только в устной форме. Разнообразные фольклорные жанры отображены в тетрадках, блокнотах, альбомах заключенных. Письменный материал, как правило, иллюстрируется рисунками, содержащими символику тюрьмы (решетка на окнах, наручники, розы за колючей проволокой, горящие свечи, карты и т.п.). В своих посланиях (малявах, ксивах, прогонах) заключенные используют характерные фразы, обороты: «Часик в радость Вам, бродяги. Мир и радость Дому Нашему Общему» (для сравнения: еще в середине XX века письма жителей деревень начинались с традиционных зачинов: «Добрый час, веселая минутка...» и проч. фольклорные клише). Тетрадки, блокноты, альбомы ведутся, как правило, «первоходами»-новичками в тюремной среде, а также осужденными женщинами. Они создаются ради бравады, с целью поднятия собственного ав-

торитета среди не посвященных в традиции и обычаи уголовного мира [6, с. 108]. Также они напоминают о прошлой судимости, времени нахождения в местах лишения свободы, лицах, окружавших осужденного в пенитенциарном учреждении.

Практическая функция фольклора реализуется в резьбе и выжигании по дереву, изготовлении поделок, освоении музыкальных инструментов. Заключенные искусно мастерят четки, шкатулки, ручки и карандаши, нарды и шахматы. Женщины творчески оформляют носовые платки, полотенца, скатерти и т.п.

Особого внимания исследователей заслуживает тюремная лирика, которая представлена как в жанре стихов, так и в песнях, популярность которых в XX веке была обусловлена рядом объективных причин. Истоки тюремных песен – в исторических балладах, разбойничьих песнях, повествовавших о протестных настроениях бунтарей (Степана Разина, Емельяна Пугачева и др.). Со временем свободолюбивая тематика тюремных песен приобрела политическую окраску. Только с 1906 по 1914 годы в России было издано около ста сборников песен и стихов, посвященных неволе и преступникам, в некоторых из них звучали призывы к революции. Таким образом объясняется их успех у большинства населения в России, особенно после Октябрьской революции 1917 г. Пользовались популярностью эти песни и у руководства молодой страны Советов, преобладающее большинство которых прошли школу политических тюрем.

После массового освобождения политзаключенных в 50-е годы XX века их песни знакомили население с неписаными правилами и традициями ГУЛАГа. Основной идеей этих произведений было: «не донеси», «не сотрудничай с представителями власти» [7, с. 11-12]. Молодежь копировала манеры рецидивистов, подражала профессиональным преступникам, имитировала их жаргон.

Любовь к свободе, независимость, взаимовыручка, преданность традициям преступной среды способствовали романтизации образа героя песен. В стихах нередко приукрашивается преступный образ жизни, пропагандируется негативное отношение к сотрудникам правоохранительных органов, преступник представлен как жертва непреодолимых обстоятельств [8, с. 37].

Отмена цензуры в 80-90-е годы прошлого столетия привела к тому, что на простого российского обывателя обрушился шквал многочисленных музыкальных произведений, создатели и исполнители которых, воспользовавшись своеобразной модой на тюремную тематику, сделали карьеру именно на исполнении «шансона» или «блатной» песни. Значимыми фигурами на эстраде стали В. Асмо-

лов, В. Токарев, А. Новиков, М. Круг, В. Цыганова, К. Огонек, В. Петлюра, И. Кучин, Г. Жаров, А. Дюмин, С. Наговицын, а также группы «Лесоповал», «Беломорканал», «Бутырка», «Крестовый туз», «Воровайки», «Бумер» и др. [9, с. 201] Появляется низкосортное чтиво, на потребу читателя, рассказывающее о тяжелой судьбе в неволе, сложных перипетиях судьбы заключенного, разумеется, невинно пострадавшего от произвола злого представителя закона. Удивительно, но авторами подобных книг зачастую выступали бывшие сотрудники правоохранительных органов. Не остались в стороне от модной – «криминальной» – темы и режиссеры, создававшие многочисленные сериалы, в которых одни и те же актеры играли то представителей закона, то криминальный элемент.

И если подобными творениями были увлечены, прежде всего, люди, не знакомые с миром криминала, то в местах лишения свободы особой популярностью пользуются произведения собственного сочинения. Как известно, люди, обладавшие хорошей памятью, творческим воображением и знакомые с произведениями народного творчества, способные не только сочинять, но и талантливо аранжировать известные сюжеты, всегда были почитаемы на Руси, поскольку могли явить свое творчество народу. Особым уважением пользовались умелые сказители, исполнители баллад в промысловых артелях (охотников, рыбаков, лесозаготовителей и проч.). И в тюремных условиях авторы и исполнители встречали такое же отношение к себе. В условиях отсутствия развлечений время в камере помогали коротать обладающие хорошей памятью, начитанные сокамерники.

По мнению В.Б. Малинина, тюремный поэт, как правило, остается неизвестным (анонимным), он сентиментален и романтичен, при этом его произведения нередко воспринимаются как народное творчество, а сама рифма проста, поверхностна и примитивна [10, с. 88-93]. Такие сочинения нередко содержат юмор, недовольство собственным положением и действиями представителей власти, размышления о социальных, политических, экономических, личных трудностях, призывы к всепрощению и состраданию.

Специфическим «жанром» тюремной субкультуры являются татуировки. Возникнув в период первобытнообщинных отношений, татуировки определяли социальную принадлежность, служили опознавательными и устрашающими знаками, могли использоваться как украшение, обереги и символы. Изучение истории татуировки помогло установить ее распространенность в таких мировых культурных центрах, как Вавилон, Египет, Перу, Мексика, Япония, Китай [11, с. 15]. Считается, что

в Европу этот обычай был завезен моряками, побывавшими в Полинезии, в конце XVII – начале XVIII столетия.

Исторически татуировка наносилась в религиозных, эстетических, эротических и иных целях, например, обряд посвящения. Татуировка, выполненная под принуждением (против воли) называлась «клеймо». В средние века его использовали как средство идентификации воров, проституток, фальшивомонетчиков, мошенников. Так, шулерам на коже выжигался шестигранник, беглых моряков отмечали рисунком багра, а браконьерам наносилось клеймо в виде оленьих рогов.

В научно-популярной литературе называются следующие мотивы нанесения татуировки: слабая психологическая сопротивляемость существующим традициям и обычаям; тоска и желание самовыражения; подражательство, влияние близкого окружения; способ зашифровки определенной информации; отражение стратификации; фиксация важных жизненных событий; внутреннее несогласие с существующими правилами (протест) [12, с. 185-187].

Татуировка в тюремном мире (жарг. «наколка», «регалка», «картинка», «икона», «прошивка») несет в себе зашифрованную информацию о ее владельце. Татуировка может дать ответы на самые разнообразные вопросы, стать ключом к пониманию внутреннего мироощущения того или иного человека.

Обсуждение и заключения

Простота сюжетов, романтизация преступного образа жизни, бунтарское отношение, противопоставляющее живущего «по понятиям» представителя криминальной субкультуры социально одобряемым нормам и правилам, – все это, безусловно, является привлекательным для неокрепших молодых людей. Через отдельные элементы криминальной субкультуры уголовный мир старается воздействовать на сознание подрастающего поколения, которое успешно усваивает блатную романтику и асоциальные нормы поведения [13, с. 108]. В результате понятие долга и чести заменяется преданностью воровской идее, дружба (товарищество) – вынужденной поддержкой членов преступной группы, патриотизм – агрессивностью, садизмом и цинизмом.

Всплеск интереса к традициям криминальной субкультуры в России наблюдался в 90-е годы прошлого века. Однако это вовсе не означает, что современная молодежь имеет надежную прививку против тлетворного влияния асоциальных норм и традиций. К сожалению, все чаще появляется информация о возникновении молодежных группировок противоправной направленности, новых акциях, которые с развитием информатизации в

обществе становятся особенно опасными (проведение флешмобов, «просветительская» работа видеоблогеров-сидельцев и др.), поскольку требуют оперативного реагирования и информационной грамотности сотрудников правоохранительных органов в их отслеживании, выявлении и нейтрализации. Разумеется, формирование противоправной идеологии не обходится без криминальных «скреп», в качестве которых выступают тюремные «понятия», правила, ритуалы. И подогреваемый в молодежной среде интерес к тюремному фольклору здесь играет не последнюю роль.

Определенную тревогу вызывает проникновение элементов тюремной субкультуры в среду сотрудников правоохранительных органов (например, «шансон»). Очень важно, чтобы профессиональный интерес не обратился в профессиональную деформацию личности человека, призванного служить закону и правопорядку.

В ноябре 2017 г. в Государственную Думу Российской Федерации внесен законопроект о запрете пропаганды криминальной субкультуры в средствах массовой информации и Интернете¹. Данная инициатива направлена на минимизацию популяризации преступного образа жизни, обычаев и традиций криминальной среды. Разработчики законопроекта предлагают Роскомнадзор наделить правом во внесудебном порядке блокировать сайты, содержащие информацию подобного характера.

В некоторых регионах России активно проявляют себя неформальные подростково-молодежные объединения, члены которых распространя-

ют асоциальные и тюремные нормы поведения, занимаются сбором денежных средств в «воровскую казну», устанавливают жесткую иерархию подчиненности и подконтрольности по аналогии со взрослым преступным миром². Так, среди несовершеннолетних внедряются идеи АУЕ – «Арестантский уклад един», «Арестантское уголовное единство», романтизирующие криминальную субкультуру, которая негативно сказывается на сознании подростков и молодежи, пропагандирует культ насилия, преступный образ жизни, тунеядство, противостояние правоохранительным органам. С распространением идей АУЕ, которые активно внедряются несовершеннолетними рецидивистами, столкнулись жители Дальнего Востока, Сибири, Забайкалья, Урала и других регионов России.

Такого рода нормы и правила поведения в 70-80-е годы XX столетия привели к массовому появлению подростково-молодежных преступных группировок, находящихся под контролем лидеров и авторитетов уголовной среды. Распространение криминальной субкультуры основывается на девальвации традиционных нравственных принципов, подмене культурных, этических, эстетических ценностей. Минимизация преступных традиций (обычаев) должна быть связана с воздействием на их причины и условия, привлечением к ответственности лидеров и авторитетов уголовной среды, замещением криминальной субкультуры идеями патриотизма, дружбы народов, здорового образа жизни, уважения к труду, гармоничного развития личности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мацкевич И.М. Мифы преступного мира. М.: Проспект, 2015. 368 с.
2. Тулегенов В.В. Криминальная субкультура и ее криминологическое значение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2003. 31 с.
3. Хрусталева О.Н. «Картежные игры уголовников» Д.С. Лихачева: штрихи к портрету языковой личности // Ученые записки Казанского юридического института МВД России [Электронный журнал]. 2017. Т.2. № 4. С.147-150.
4. Щекина Е.Г. Субкультура новых русских предпринимателей: дис. ... канд. культуролог. наук. Комсомольск-на-Амуре, 2005. 166 с.
5. Ефимова Е.С. Субкультура тюрьмы // Современный городской фольклор. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2003. 736 с.
6. Шалагин А.Е. Криминальная среда и ее общественная опасность // Ученые записки Казанского юридического института МВД России: [Электронный журнал]. 2016. Т. 2. С. 136-141.
7. Ефимова Е.С. Современная тюрьма: быт, традиции и фольклор. М.: ОГИ, 2004. 398 с.
8. Джекобсон М., Джекобсон Л. Песенный фольклор советских тюрем и лагерей как исторический источник: 1917-1991. М.: РГГУ, 2014. 424 с.
9. Лебедев С.Я. Антиобщественные традиции, обычаи и их влияние на преступность: учебное пособие.

¹ В Госдуму внесен проект о запрете пропаганды криминальной субкультуры // URL: <https://mstrok.ru/news/v-gosdumu-vnesyon-proekt-o-zaprete-propagandy-kriminalnoy-subkultury>.

² В Госдуму внесли проект о запрете «пропаганды криминальной субкультуры» // URL: <https://zona.media/news/2017/11/20/aye>.

Омск: ВШМ МВД СССР, 1989. 72 с.

10. Шалагин А.Е. Криминальная субкультура как угроза общественной нравственности // Библиотека криминалиста. 2015. № 4 (21). С. 196-202.

11. Малинин В.Б. Тюремный фольклор как элемент субкультуры осужденных // Лучшая научная статья 2017: сборник статей VII Международного научно-практического конкурса / под общ. ред. Г.Ю. Гуляева. Пенза: МЦ НС «Наука и Просвещение», 2017. 140 с.

12. Хамбли У.Д. История татуировки. Знаки на теле: ритуалы, верования, табу. М.: Центрполиграф, 2014. 255 с.

13. Ельски А. Татуировка / пер. с польск. Д.А. Подберезского. Мн.: МЕТ, 1997. 232 с.

14. Шемякина В.В. Криминальная субкультура в современной России: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск: ЧГУ, 2010. 201 с.

REFERENCES

1. Matskevich I.M. Mify prestupnogo mira. M.: Prospekt, 2015. 368 s.
2. Tulegenov V.V. Kriminal'naya subkul'tura i ee kriminologicheskoe znachenie: avtoref. dis. ...kand. yurid. nauk. Rostov-na-Donu, 2003. 31 s.
3. Khrustaleva O.N. «Kartezhnye igry ugolovnikov» D.S. Likhacheva: shtrikhi k portretu yazykovoi lichnosti // Uchenye zapiski Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii [Elektronnyi zhurnal]. 2017. T.2. № 4. S.147-150.
4. Shchekina E.G. Subkul'tura novykh russkikh predprinimatelei: dis. ... kand. kul'turolog. nauk. Komsomol'sk-na-Amure, 2005. 166 s.
5. Efimova E.S. Subkul'tura tyur'my // Sovremenniy gorodskoi fol'klor. M.: Rossiisk. gos. gumanit. un-t, 2003. 736 s.
6. Shalagin A.E. Kriminal'naya sreda i ee obshchestvennaya opasnost' // Uchenye zapiski Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii: [Elektronnyi zhurnal]. 2016. T. 2. S. 136-141.
7. Efimova E.S. Sovremennaya tyur'ma: byt, traditsii i fol'klor. M.: OGI, 2004. 398 s.
8. Dzhekbson M., Dzhekbson L. Pesennyi fol'klor sovetskikh tyurem i lagerei kak istoricheskii istochnik: 1917-1991. M.: RGGU, 2014. 424 s.
9. Lebedev S.Ya. Antiobshchestvennye traditsii, obychai i ikh vliyanie na prestupnost': uchebnoe posobie. Omsk: VShM MVD SSSR, 1989. 72 s.
10. Shalagin A.E. Kriminal'naya subkul'tura kak ugroza obshchestvennoi nravstvennosti // Biblioteka kriminalista. 2015. № 4 (21). S. 196-202.
11. Malinin V.B. Tyuremnyi fol'klor kak element subkul'tury osuzhdennykh // Luchshaya nauchnaya stat'ya 2017: sbornik statei VII Mezhdunarodnogo nauchno-prakticheskogo konkursa / pod obshch. red. G.Yu. Gulyaeva. Penza: MTs NS «Nauka i Prosveshchenie», 2017. 140 s.
12. Khambli U.D. Istoriya tatuirovki. Znaki na tele: ritualy, verovaniya, tabu. M.: Tsentrpoligraf, 2014. 255 s.
13. El'ski A. Tatuirovka / per. s pol'sk. D.A. Podberezskogo. Mn.: MЕТ, 1997. 232 s.
14. Shemyakina V.V. Kriminal'naya subkul'tura v sovremennoi Rossii: dis. ... kand. yurid. nauk. Chelyabinsk: ChGU, 2010. 201 s.

Об авторах: Шалагин Антон Евгеньевич, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Казанского юридического института МВД России

e-mail: aeshalagin@yandex.ru

Хрусталева Ольга Николаевна, кандидат педагогических наук, доцент, начальник редакционно-издательского отделения Казанского юридического института МВД России. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-0275-5373>

e-mail: okhrustal@mail.ru

© Шалагин А.Е., 2017

© Хрусталева О.Н., 2017

Статья получена: 11.11.2017. Статья принята к публикации: 12.12.2017.

Статья опубликована онлайн: 20.12.2017.

About the authors: Shalagin Anton Evgen'evich, Ph.D. in Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminology and Penal Enforcement Law of Kazan Law Institute of MIA of Russia.

e-mail: aeshalagin@yandex.ru

Hrustaleva Ol'ga Nikolaevna, Ph.D. in Pedagogics, Associate Professor, Head of Editorial-and-Publishing Office of Kazan Law Institute of MIA of Russia. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-0275-5373>
e-mail: okhrustal@mail.ru

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.
The authors have read and approved the final manuscript.

Заявленный вклад авторов

Шалагин Антон Евгеньевич – разработка концептуальных подходов исследования; сбор и анализ данных; подготовка первоначального варианта текста; проведение критического осмысления собранных материалов, формирование выводов и практических рекомендаций.

Хрусталева Ольга Николаевна – анализ научной литературы по проблеме исследования; сбор эмпирических данных и их обобщение; компьютерная работа с текстом и его оформление; формирование выводов и практических рекомендаций; доработка текста исследования.

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ КАЗАНСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ

Абдулганеев Р.Р., Рашитов Л.Р.

Предупреждение религиозного экстремизма в среде незаконных мигрантов : монография / Р.Р. Абдулганеев, Л.Р. Рашитов. – Казань: Казанский юридический институт МВД России, 2017. – 142 с.

В монографии рассмотрены криминологические аспекты современного состояния преступлений религиозной экстремистской направленности, основные причины его распространения в среде незаконных мигрантов, выработаны теоретические положения по решению проблемы противодействия указанному негативному социальному явлению, сформулированы практические рекомендации по предупреждению преступлений религиозной экстремистской направленности в среде мигрантов органами внутренних дел Российской Федерации,

Монография адресована научным работникам, преподавателям, курсантам, слушателям и адъюнктам образовательных организаций МВД России, а также сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации.

М.В. Валуев

**ОСНОВНЫЕ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ
ГРУППОВОЙ ПРЕСТУПНОСТИ, СТИМУЛИРУЕМОЙ
ИДЕЯМИ СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ**

**MAIN CRIMINOLOGICAL INDICATORS OF THE CRIMINAL
GROUP DRIVEN BY IDEAS OF SOCIAL JUSTICE**

Введение: в статье рассматриваются проблемы, связанные с расследованием насильственных преступлений, совершаемых группами антиобщественной направленности по мотивам «социальной справедливости», приводятся основания для выделения подобных преступлений в самостоятельную группу.

Материалы и методы: в ходе исследования применялись следующие методы: сравнительно-правовой, логико-юридический, статистической обработки данных, анкетирование.

Результаты исследования: определены основные криминологические показатели состояния, динамики и структуры таких посягательств, а также трудности выделения данной категории преступлений из общей массы насильственной преступности, что зачастую приводит к безнаказанности виновных и способствует росту насилия.

Обсуждение и заключения: анализ количественной и качественной стороны рассматриваемого вида преступности показал, что существует ряд значительных проблем. Исходя из этого, автором предлагается осуществлять дополнительный учет таких преступлений отдельно от других насильственных посягательств.

Ключевые слова: преступность, неформальные группы, мотив, учет преступлений, насильственные посягательства, криминологические показатели, предупреждение преступности, молодежная преступность, социальная справедливость

Для цитирования: Валуев М.В. Основные криминологические показатели групповой преступности, стимулируемой идеями социальной справедливости // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2017. Т. 8, № 4. С. 54 - 58. DOI: 10.24420/KUI.2017.4(30).8614

Introduction: the paper describes problematics of violent crimes, which are committed by anti-social behavior groups on the grounds of social justice and arguments for a detachment of the separate group of crimes are adduced.

Materials and Methods: in the course of the research following methods were used: rather-legal, logical-legal, methods of statistical data processing and a questionnaire.

Results: basic criminological indexes of the state, dynamics and structure of such encroachments and also difficulties to separate this category of crime from the general quantity of violent crimes, which often lead to impunity of guilty and conduce to an uptick in violence, are identified.

Discussion and Conclusions: the analysis of quantitative and qualitative sides of the concerned type of crime shows a significant number of existent problems. On the assumption of this the author offers to keep an additional record for this type of crime separately from other violent encroachments.

Key words: criminality, informal groups, motive, crime record, violent encroachments, criminological indexes, prevention of criminality, juvenile crime, social justice

For citation: Valuev M.V. The Main Criminological Indicators of the Criminal Group Driven by the Ideas of Social Justice // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2017. V. 8, № 4. P. 54 - 58. DOI: 10.24420/KUI.2017.4(30).8614

Введение

В современном российском обществе в условиях множества социальных проблем, обостряемых его расслоением на фоне усугубляющейся криминальной ситуации, роста коррупции, правового и правоохранительного бездействия, чиновничьего произвола и другими социальными противоречиями,

в основе которых лежит социальная несправедливость, активизируется деятельность формирований, пытающихся насильственным путем устранить эти противоречия. Распространяя идеи борьбы за социальную справедливость путем физического и морального подавления тех, кого они считают паразитами общества, данные сообще-

ства стремятся доказать государству и обществу эффективность своего решения проблемы социальной несправедливости публичными, как правило, противоправными силовыми акциями против педофилов, наркоманов, бомжей, нелегальных мигрантов, проституток и др. При этом они абсолютно уверены в справедливости и правомерности подобных действий, а также поддержке общественности и не боятся быть привлеченными к какой-либо правовой ответственности, поэтому открыто пропагандируют свою идеологию и результаты жестокой деятельности [1, с. 71.]

Обозначенная проблема обуславливает цель данной статьи – получение нового криминологического знания о преступлениях, совершаемых рассматриваемыми группами. Достижению цели способствовало решение следующих задач:

- определение основных криминологических показателей преступлений, совершаемых группами антиобщественной направленности по мотивам социальной справедливости;

- криминологическая оценка деятельности групп антиобщественной направленности, совершающих преступления по мотивам социальной справедливости.

Группы антиобщественной направленности появились не сегодня, но в настоящее время проблемы, связанные с преступлениями, совершенными данными группами, получают самостоятельное социально-правовое и научное звучание, представляются актуальными для специального криминологического изучения, теоретически и практически значимыми для развития современной криминологии и превентивной правоохранительной практики. Иными словами, восстановление социальной справедливости при попытке устранить источники социального «зла» приобретает характер самостоятельного мотива, имеющего свою уголовно-правовую и криминологическую специфику, наравне с традиционными в уголовном праве и криминологии мотивами зависти, мести, вражды, корысти, ревности, хулиганских побуждений и др. Такие аргументы могут являться основанием для выделения в криминологии самостоятельной группы преступлений, совершаемых по мотивам социальной справедливости.

Обзор литературы

Только поняв природу и механизм появления отрицательных последствий социальных процессов, можно обеспечить планомерное корректирующее воздействие на такие процессы с целью исключения наступления большинства негативных результатов [2]. Несомненно, следует учитывать, что общество еще не вполне осознало масштабы и уровень социальных последствий преступно-

сти, в то время как за каждым преступлением стоит жертва и лица, пострадавшие вместе с ней, ее родные и близкие.

Нельзя не заметить, что одним из особенных социальных свойств объективных последствий групповых преступлений, побуждаемых идеями социальной справедливости (умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, убийство), является их необратимость: невозможно восстановить поруганную честь или вернуть убитого к жизни. Отсутствие тщательного расследования подобных преступлений, по сути, представляет отказ от преследования виновных, что в большинстве случаев приводит к продолжению и развитию преступной деятельности рассматриваемых групп, а также побуждает других к совершению аналогичных преступлений.

Кроме того, по мнению экспертов, безнаказанность насильственных преступных посягательств, одобрение значительной частью населения таких действий, как избавление общества от «социального мусора» (бомжей и алкоголиков, которые в подавляющем большинстве являются больными людьми, инвалидами, т.е. нетрудоспособными) могут привести к тому, что подобная деятельность может быть нацелена и на другие слои населения, например, людей с ограниченными возможностями, стариков (т.е. иждивенцев).

Материалы и методы

Криминологические показатели рассчитываются из данных, которые представляются в виде статистических сводок компетентными службами в соответствующие информационные подразделения и центры и в конечном итоге поступают в ГИАЦ МВД России. При оценке получаемых данных надо понимать, что они основаны на известных преступлениях. Значительная же часть изучаемых нами преступлений, как уже отмечалось, не устанавливается, а значит, и не регистрируется. Кроме того, отсутствует отдельная статистика по насильственным преступлениям, совершаемым группами антиобщественной направленности по мотивам социальной справедливости, и фактически такие преступления входят и растворяются в массиве тех или иных видов (убийство, причинение тяжкого вреда здоровью и т.д.) насильственных преступлений.

В силу этих обстоятельств рассматриваемая криминальная деятельность групп антиобщественной направленности уходит из-под контроля правоохранительных органов, что затрудняет осознание обществом и государством ее реальной природы и опасности, а соответственно, возможности предупреждения. Мы полагаем, что в связи с этим необходим дополнительный учет престу-

плений, совершаемых группами антиобщественной направленности по мотивам социальной справедливости, отдельно от других насильственных посягательств. Как, например, в статистической отчетности ГИАЦ МВД России «Состояние преступности в России» в разделе «Сведения о преступлениях, предварительное следствие по которым обязательно» среди убийств и покушений на убийство выделено «в том числе по найму».

Данное предложение поддержали 72 % опрошенных экспертов, отметивших, что это позволит оценивать масштабы преступной деятельности подобных групп, динамику, последствия совершаемых ими посягательств и, соответственно, реагировать на их изменения.

Результаты исследования

Общеизвестно, что показатели состояния, динамики и структуры насильственных преступлений против личности характеризуют уровень правопорядка и законности в стране, уровень правосознания и культуры личности, социальных групп, всего общества, а также общественную нравственность и моральное здоровье населения. Анализ современного состояния преступлений против личности показывает, что наряду с уменьшением их абсолютных показателей в целом наблюдается снижение количества особо тяжких посягательств. Так, в 2015 было зарегистрировано 409 559 преступлений против личности, из которых 11 496 (–4,1 % по сравнению с АППГ) составили убийства и покушения на убийство; 30 167 (–8,5 % по сравнению с АППГ) – умышленное причинение тяжкого вреда здоровью; в 2016 г. из 347 322 зарегистрированных преступлений против личности 10 444 (–9,2 % по сравнению с АППГ) составили убийства и покушения на убийство; 27 442 (–9,0 % по сравнению с АППГ) – умышленное причинение тяжкого вреда здоровью [1].

Изучаемые нами посягательства являются частью преступлений против личности. Следует учитывать противоречивый характер и неоднозначную социально-правовую оценку деятельности формирований, позиционирующих себя как «борцов за справедливость»: с одной стороны, это открытая демонстрация своих намерений восстановить социальную справедливость путем физического и психического воздействия на тех, кого они считают распространителями зла, кто своим аморальным либо противоправным поведением вызывает негативную реакцию общества; с другой – одобрение их поступков значительной частью общества. В

связи с этим изучаемые группы, совершающие в силу определенной мотивации общественно опасные посягательства, и в первую очередь против личности, редко становятся объектом контроля со стороны правоохранительных органов. Под уголовно-правовую регистрацию в основном попадают только тяжкие и особо тяжкие преступления, связанные с причинением потерпевшему смерти либо тяжкого вреда здоровью. Остальные преступления этих групп, несмотря на свою очевидность, часто оказываются за пределами уголовно-правового воздействия. В итоге принцип неотвратимости юридической ответственности и наказания утрачивает силу, вследствие чего создается самостоятельная криминогенная почва для дальнейшего воспроизводства антиобщественной деятельности исследуемых формирований.

Другими словами, криминальное насилие, осуществляемое группами антиобщественной направленности и мотивированное идеями социальной справедливости, невозможно точно выделить из общего массива насильственной преступности как таковой, хотя в настоящее время большинство данных о преступности носят открытый характер: это сведения, содержащиеся в средствах массовой информации, различных статистических сборниках. Однако отдельной статистики по групповым насильственным преступлениям, совершаемым по мотивам социальной справедливости, нет даже на региональном уровне. Данные преступления механически включаются в показатели, характеризующие насильственную преступность.

Такую проблему можно наблюдать не только в нашей стране. Во многих странах проявления нетерпимости к какой-либо группе, категории, общности людей, приводящие к инцидентам и преступлениям, относят к так называемым деяниям на почве ненависти. При этом, осуществляя мониторинг и регистрацию преступлений на почве ненависти, сотрудники полиции сталкиваются с рядом существенных препятствий, среди которых можно выделить¹:

- отсутствие правил или процедур регистрации таких преступлений, а также подробных сведений об их доказательствах;

- отсутствие официального порядка представления соответствующей отчетности об этих деяниях в вышестоящие органы;

- низкую оценку степени важности и серьезности проблемы преступлений на почве ненависти со стороны государственных должностных лиц

¹ Преступления на почве ненависти: предотвращение и реагирование: методическое руководство для НПО в регионе ОБСЕ. Польша: Варшава, 2009.

и полицейских органов на региональном уровне, вследствие чего не осуществляется регистрация преступлений с последующим докладом вышестоящим органам власти;

– недостаточный уровень квалификации полицейских в вопросах выявления и расследования рассматриваемых преступлений.

Такие препятствия во многом сводятся к безнаказанности виновных в преступлениях на почве ненависти и в конечном счете способствуют росту насилия. Авторы указанного методического руководства справедливо полагают, что отсутствие у части общества уверенности в защите от насилия на почве ненависти приводит к утрате доверия к правоохранительным и государственным органам, усугубляет маргинализацию этой части общества. Группа, против которой были направлены преступления на почве ненависти, по мнению авторов, может предпринять ответные нападения, тем самым порождая новый виток насилия. Между тем сведения о количестве зарегистрированных преступлений (в том числе рассматриваемых в данной статье), обвинительных приговоров виновным в совершении преступлений могут служить показателем масштаба и степени успешности правоприменительных действий.

Наряду с этим, как справедливо отмечается в литературе, имеется существенная разница между статистическими данными о преступлениях и фактической преступностью, отличающейся высокой степенью латентности. Статистика по любым видам преступности не может реально отражать то или иное явление. Полагаем, что более всего это относится к изучаемым нами посягательствам.

В качестве путей познания сущности преступления достаточно часто используется выборочный метод познания. С помощью этого метода нами были изучены насильственные преступления, совершаемые группами антиобщественной направленности по мотивам социальной справедливости. Подобные посягательства особенно характерны для крупных городов (Москвы, Санкт-Петербурга). Условия этих городов таят в себе источники самых разнообразных противоречий, неизбежно возникающих в процессе функционирования такого сложного социального организма, как мегаполис. Часть этих противоречий в силу определенных обстоятельств не получает надлежащего разрешения и принимает форму острых конфликтов. Эти конфликты нередко приводят к столкновению интересов личности с

общественными интересами, в результате чего рождаются правонарушения [3], в том числе и в такой опасной форме, как насильственные преступления, совершаемые группами антиобщественной направленности и мотивированные идеями социальной справедливости.

Говоря о криминологических показателях криминальной деятельности исследуемых групп, мы должны понимать, что числовые данные, имеющие в лучшем случае усредненный характер, не в состоянии объективно представить действительную картину изучаемого явления. Несмотря на фактическую легальность активного проявления рассматриваемой групповой преступной деятельности, отсутствует соответствующая уголовно-статистическая база для ее первичного криминологического анализа, что позволяет оценивать ее как высоклатентную. Такая ситуация сводится к несоблюдению принципа справедливости в его уголовно-правовом выражении, следовательно, ставит общество перед необходимостью ответной реакции на несправедливость, иными словами, фактически втягивает его в бесконечный круговорот преступности, побуждаемый идеями социальной справедливости.

Обсуждение и заключения

Таким образом, проводя количественный и качественный анализ насильственных преступлений, совершаемых группами антиобщественной направленности, следует отметить, что существует ряд проблем, решение которых является приоритетной задачей для органов внутренних дел. Во-первых, безнаказанность насильственных преступных посягательств на личность, а также одобрение значительной частью населения подобного явления, как избавление общества от «социального мусора», осложняют процедуру предупреждения данного вида преступности, а иногда и вовсе трактуются обществом как неправоправные действия. Во-вторых, криминологические показатели формируются на основании зарегистрированных преступлений. Значительная же часть рассматриваемых нами преступлений, как уже отмечалось, не устанавливается, а значит, и не регистрируется. Также следует отметить высокий уровень латентности данного вида преступности, в связи с чем криминальная деятельность групп антиобщественной направленности уходит из-под контроля правоохранительных органов, что затрудняет осознание обществом и государством его реальной природы и опасности, а соответственно, возможности предупреждения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лебедев С.Я., Валуев М.В. Преступное насилие под знаменем социальной справедливости: криминологическая оценка групповых преступлений, совершаемых современными «санитарами» общества // Теория и практика общественного развития. 2015. № 14. С. 70–74.
2. Юрков Г.А. Насильственные преступления несовершеннолетних: характеристика, типология личности, предупреждение (по материалам Удмуртской Республики): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.
3. Матвеева А.А. Преступность в Москве: историко-сравнительный анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1997.

REFERENCES

1. Lebedev S.YA., Valuev M.V. Prestupnoe nasilie pod znamenem social'noj spravedlivosti: kriminologicheskaya ocenka gruppovyh prestuplenij, sovershaemyh sovremennymi «sanitarami» obshchestva // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2015. № 14. S. 70–74.
2. YUrkov G.A. Nasil'stvennye prestupleniya nesovershennoletnih: harakteristika, tipologiya lichnosti, preduprezhdenie (po materialam Udmurtskoj Respubliki): dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2006.
3. Matveeva A.A. Prestupnost' v Moskve: istoriko-sravnitel'nyj analiz: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. M., 1997.

Об авторе: Валуев Максим Владимирович, преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Московского областного филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

e-mail: maksimvalyev@mail.ru

©Валуев М.В., 2017

Статья получена: 06.06.2017. Статья принята к публикации: 12.12.2017.

Статья опубликована онлайн: 20.12.2017.

About the author: Valuev Maksim V., Lecturer at the Department of Criminal Law and Criminology, Kikot Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia

e-mail: maksimvalyev@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

В.Ю. Миллер

**ОСОБЕННОСТИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ
О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ,
СОВЕРШЕННЫХ В СФЕРЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

**PECULIARITIES OF INSTITUTION OF CRIMINAL
PROCEEDINGS ON CRIMES AGAINST PROPERTY
COMMITTED IN ENTREPRENEURSHIP**

Введение: в статье анализируется целенаправленная политика государства по устранению административного давления на бизнес, обеспечению безопасности субъектов предпринимательской деятельности, созданию особого порядка производства по уголовным делам о предпринимательских преступлениях против собственности.

Материалы и методы: в ходе работы над статьей применялись логико-юридический, сравнительно-правовой методы, также проводилось обобщение материалов законодательной и судебной практики.

Результаты исследования: одним из важнейших элементов особого порядка производства по уголовным делам о предпринимательских преступлениях против собственности стал частно-публичный порядок возбуждения уголовных дел. По смыслу действующего законодательства, истолкованного Пленумом Верховного Суда России, к числу особенностей возбуждения данной категории уголовных дел можно отнести правовой статус заявителя, круг лиц, в отношении которых выносится решение о привлечении к уголовному преследованию, доказывание оснований постановления и т.п.

Обсуждение и заключения: выявлен ряд как положительных, так и отрицательных последствий, порожденных введением особого порядка возбуждения уголовных дел в отношении субъектов предпринимательских преступлений против собственности. Отмечается наличие проблем в доказывании основания для возбуждения уголовного дела. Делается вывод, что тактические меры по совершенствованию существующей следственной модели исчерпали себя. Для радикального улучшения правового регулирования отношений, возникающих на начальном этапе уголовного процесса, требуется новая правовая стратегия.

Ключевые слова: возбуждение уголовного дела, уголовный процесс, частно-публичное обвинение, предпринимательская деятельность

Для цитирования: Миллер В.Ю. Особенности возбуждения уголовных дел о преступлениях против собственности, совершенных в сфере предпринимательской деятельности // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2017. Т. 8, № 4. С. 59 - 63. DOI: 10.24420/KUI.2017.4(30).8615.

Introduction: the paper analyses planned policy of the state on elimination of administrative pressure on businesses, provision of security of the subjects of entrepreneurs, creation of the specific order of proceedings in criminal cases on entrepreneurial crimes against property.

Materials and Methods: logical and legal, comparative and legal methods, synthesis of the materials of legislative and judicial practice in the course of the work are used.

Results: one of the main elements of the special procedure of conduct of criminal proceedings on crimes against property committed in entrepreneurship became private and public procedure of initiating criminal proceedings. According to the law interpreted by the Plenum of Supreme Court of the Russian Federation, legal status of appellant, scope of persons, to relation of which the decision on criminal prosecution, proof of the basis of the sentence and so on could be applied to the number of peculiarities of institution of criminal proceeding on crimes against property committed in entrepreneurship.

Discussion and Conclusions: the author identified the range of positive and negative consequences resulting implementation of the special procedure institution of criminal proceedings concerning subjects of entrepreneurial crimes against property. Presence of challenges in proof of grounds for initiation of a criminal case. It is concluded that tactic measures aimed at development of the existing investigation model exhausted themselves. To improve fundamentally legal regulation of the relations arising at the origin of a criminal proceeding the new legal strategy is needed.

Key words: initiation of criminal case, criminal proceeding, semi-public prosecution procedure, entrepreneurship

For citation: Miller V.YU. Peculiarities of Institution of Criminal Proceedings on Crimes Against Property Committed in Entrepreneurship// Bulletin Of The Kazan Law Institute Of MIA of Russia. 2017. V. 8, № 4. P. 59 - 63. DOI: 10.24420/KUI.2017.4(30).8615.

Введение

В результате проводимой государством правовой политики ограждения бизнеса от чрезмерного административного и уголовно-правового давления был создан специальный правовой механизм привлечения к уголовной ответственности субъектов предпринимательской деятельности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

Нормы уголовного и уголовно-процессуального права, входящие в данный механизм правового регулирования, призваны обеспечить экономическую безопасность и права граждан, пострадавших от преступлений, совершаемых в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

Подтверждением факта создания подобного правового механизма стало принятие Пленумом Верховного Суда РФ специального постановления, в котором разъясняются его детали и режим работы¹.

Результаты исследования

Действие анализируемого правового механизма распространяется на преступления, предусмотренные статьями 159–159.3, 159.5, 159.6, 160, 165 Уголовного кодекса РФ, если они совершены в сфере предпринимательской деятельности (часть третья статьи 20 Уголовно-процессуального кодекса РФ (УПК РФ)). Некоторые специалисты называют эти преступления «предпринимательскими преступлениями против собственности» [1].

Мы считаем, что данный правоприменительный механизм имеет уголовно-процессуальную сущность. Установление оснований применения норм уголовного права и реализация уголовной ответственности за эти преступные деяния (предпринимательские преступления) происходят в достаточно специфическом правовом режиме, который складывается из особого порядка возбуждения уголовного дела, доказывания, применения мер пресечения и других деталей.

Мы остановимся на тех особенностях, которые касаются возбуждения данной категории уголовных дел. В первую очередь это связано

с их частно-публичным характером. Уголовные дела частно-публичного обвинения существовали и ранее. Но именно в связи с появлением поправок, внесенных Федеральным законом № 207-ФЗ² в часть третью статьи 20 УПК РФ, появился новый подвид уголовных дел частно-публичного обвинения – о предпринимательских преступлениях, ставший основой для специального межотраслевого института. Следует согласиться с авторами, которые склонны усматривать в этой разновидности дел частно-публичного обвинения известную специфику [2], проявляющуюся в правовом положении заявителя-потерпевшего и правовом положении лица, в отношении которого частный обвинитель-заявитель ставит вопрос о применении уголовного закона. И тот и другой моменты касаются начального момента правоприменительного процесса – возбуждения уголовного дела.

Частно-публичный порядок возбуждения уголовных дел, касающихся заявителя, характеризуется следующими особенностями: во-первых, заявление поступает от потерпевшего, во-вторых, в данном заявлении потерпевший должен выразить требование о привлечении к уголовной ответственности то лицо, от преступных действий которого он пострадал (при этом от потерпевшего не требуется конкретизации данных о предполагаемом преступнике, значение имеет только волеизъявление на применение уголовного закона – в противном случае дело может быть прекращено по пункту 5 статьи 24 УПК РФ); в-третьих, потерпевший-заявитель, который в данном случае выступает субсидиарным обвинителем³ [3], должен обладать правомочием на подачу заявления, то есть обладать правом возбуждения дела частно-публичного обвинения [4].

Остановимся на каждом из этих моментов.

В первую очередь рассмотрим вопрос о «право-субъектности» потерпевшего, от активной обвинительной позиции которого зависят не только начало публичного уголовного преследования, но и сама криминализация деяния, совершенного против него.

¹ О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2016 г. № 48// Российская газета. 2016. 24 ноября.

² О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ // Российская газета. 2012. 3 декабря.

³ Субсидиарный обвинитель – это потерпевший от преступления, который реализует самостоятельно частное уголовное преследование наряду с публичной обвинительной деятельностью, осуществляемой компетентными государственными органами.

По смыслу закона в его истолковании Пленумом Верховного Суда России¹ субъектами, уполномоченными на подачу заявления о привлечении к уголовной ответственности лица, совершившего, по их мнению, преступление, могут быть как субъекты предпринимательской деятельности, так и лица, не являющиеся таковыми.

К первой категории потерпевших можно отнести (а) индивидуальных предпринимателей, (б) коммерческие организации, являющиеся субъектами предпринимательской деятельности.

Ко второй категории потерпевших относятся, по нашему мнению, не субъекты предпринимательской деятельности, то есть как прямые потребители товаров, услуг, так и те, кто иным образом пострадал от криминальных эксцессов предпринимательской деятельности. К таковым, следовательно, можно отнести: (а) физических лиц, (б) «юридических лиц, которые не подпадают под понятие «коммерческие организации».

Как отмечается в уголовно-процессуальной литературе, в случае совершения предпринимательских преступлений в отношении коммерческой организации уголовные дела частного-публичного обвинения могут возбуждаться по заявлению (1) лица, являющегося в соответствии с уставом организации ее единоличным руководителем; (2) лица, выполняющего функции единоличного исполнительного органа коммерческой организации; (3) руководителя коллегиального исполнительного органа; (4) представителя коммерческой организации, лица, уполномоченного руководителем этой организации представлять ее интересы в уголовном судопроизводстве согласно части 9 статьи 42 УПК РФ [5]. Во всех вышеперечисленных случаях заявитель должен предоставить правоприменителю необходимые документы, подтверждающие наличие у него права на подачу заявления на возбуждение уголовного дела частного-публичного обвинения.

Если в совершении предпринимательских преступлений подозревается руководитель коммерческой организации, то уголовное дело может быть возбуждено по заявлению, во-первых, органа управления организации, в компетенцию которого в соответствии с уставом входит избрание, назначение руководителя, во-вторых, лица, уполномоченного этим органом обратиться с таким заявлением, в-третьих, самого собственника предприятия, который формально не входит в орган управления этого предприятия. Если преступление совершено не руководителем, а иным сотрудником частного предприятия, то заявление может быть подано:

(1) руководителем коммерческой организации или (2) представителем коммерческой организации, осуществляющей предпринимательскую деятельность. Мы не согласны с тем, что во всех указанных случаях уголовное дело носит частно-публичный характер [5].

Далее рассмотрим вопрос о том, на кого распространяется действие особого – частного-публичного порядка привлечения к уголовному преследованию в связи с подозрением в совершении предпринимательского преступления против собственности. Исходя из смысла закона, истолкованного Пленумом Верховного Суда России², к этим лицам следует отнести: 1) руководителя коммерческой организации; 2) члена органа управления коммерческой организации; 3) индивидуального предпринимателя. Во всех случаях указанные лица должны совершить предпринимательское преступление в связи с осуществлением предпринимательской деятельности и (или) управлением принадлежащего им имущества в целях предпринимательской деятельности. При выполнении этого условия уголовное дело возбуждается в частно-публичном порядке – по заявлению потерпевшего. В ином случае уголовное дело должно возбуждаться в публично-правовом порядке.

Для следователя важным моментом, характеризующим специфику принятия решения о возбуждении уголовного дела по данной категории преступлений, является необходимость установления не одного из признаков предпринимательского преступления, а фактически полного юридического состава соответствующего преступления, в том числе элементов субъективной стороны преступления. В противном случае существует опасность принятия незаконного решения о возбуждении уголовного дела в отношении субъекта предпринимательской деятельности (часть 3 статьи 299 УК РФ).

Пленум Верховного Суда акцентировал внимание правоприменителей на том, что постановление о возбуждении уголовного дела выносится «только на основании сведений, полученных в порядке, предусмотренном статьей 144 УПК РФ»³.

Заявление потерпевшего (его представителя, законного представителя) о совершении в отношении него «предпринимательского» преступления порождает обязанность органа предварительного расследования проверить обоснованность заявления. Только в случае подтверждения «обвинения», изложенного в заявлении потерпевшего, данных, полученных в ходе доследственной проверки, которые будут отвечать требованиям статей 75 и 89

¹ Пункт 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2016 г. № 48.

² Пункты 2 и 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2016 г. № 48.

³ Пункт 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2016 г. № 48.

УПК РФ, появляется основание для привлечения подозреваемого к уголовному преследованию. В связи с этим возникают определенные сложности, обсуждаемые в научной литературе [1] и связанные с тем, что сроки доследственной (предварительной) проверки заявления, поступившего от потерпевшего, весьма ограничены.

Акцент на обеспечении законности действий в стадии возбуждения уголовного дела является отличительной особенностью позиции Пленума Верховного Суда РФ, изложенной в пунктах 3–5 постановления от 15 ноября 2016 г. № 48. И это не случайно, ведь, как показывает практика, преступления такого рода раскрываются в подавляющем большинстве в ходе доследственной проверки. Поэтому получение достаточной совокупности обвинительных доказательств до возбуждения уголовного дела следует признать характерной чертой расследования данной категории преступлений. Материалы доследственной проверки, включая результаты оперативно-розыскной деятельности (ОРД), имеют решающее значение для дальнейшего расследования уголовного дела. Последнее, по сути, превращается в «оформление», то есть придание следственной формы фактическим материалам, полученным альтерпроцессуальным (неследственным) путем.

По данным К. Титаева и М. Шклярчук, большинство практиков убеждены в том, что преступления раскрывает сотрудник органа, уполномоченного на осуществление оперативно-розыскной деятельности. При этом каждый пятый из опрошенных учеными сотрудников правоохранительных органов отметил, что этим лицом является тот, кто проводит доследственную проверку, то есть раскрытие преступления происходит до возбуждения уголовного дела. Только каждый десятый из опрошенных высказался в пользу того, что раскрывает преступление следователь [6]. Исследование Д.И. Уракова, посвященное специфике раскрытия и расследования предпринимательских мошенничеств,

также показало, что подавляющее большинство этих преступлений раскрываются на момент принятия решения о возбуждении уголовного дела. Причем до 2013–2014 годов практика складывалась так, что поводом к возбуждению подобного рода дел служил рапорт оперуполномоченного, то есть дела возбуждались в публично-правовом порядке [7]. Теперь положение изменилось и сотрудники оперативного и следственного аппаратов должны осуществлять раскрытие преступления в установленные законом сроки проверки сообщения о преступлении – заявления потерпевшего. На наш взгляд, это делает правовой механизм противодействия преступности в сфере экономической деятельности менее эффективным и, соответственно, снижает уровень экономической безопасности. Мы придерживаемся мнения, согласно которому ограничивать публично-правовую деятельность компетентных государственных органов по выявлению и раскрытию предпринимательских преступлений против собственности неверно.

Обсуждение и заключения

Рассматриваемая нами проблема имеет решение только в контексте радикальной реформы правовой организации досудебного производства – по состязательному типу. Об этой реформе много говорится в последнее время. Суть ее должна состоять в том, чтобы отказаться от следственного порядка возбуждения и ведения уголовных дел и превращения всей деятельности органов публичного уголовного преследования (криминальной полиции) по выявлению и раскрытию преступлений в подготовку обвинения (уголовного иска), которое должен предъявлять прокурор в суде. Такой вариант реформы предварительного расследования, несмотря на его фантастичность, был бы решением всех «бумажных» проблем, которые приходится сейчас решать следователям, специализирующимся на расследовании анализируемой нами категории уголовных дел.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александров А.С., Александрова И.А. Современная уголовная политика обеспечения экономической безопасности путем противодействия преступности в сфере экономики: монография. М.: Юрлитинформ, 2017. С. 302–329.
2. Александров А.С., Александрова И.А. Частно-публичное уголовное преследование по делам о мошенничестве // Уголовное право. 2013. № 2. С. 77–82.
3. Александров А.С. Субсидиарное обвинение // Государство и право. 2000. № 3. С. 75–83.
4. Александров А.С., Александрова И.А. О некоторых последствиях отнесения дел о мошенничестве к категории дел частного-публичного обвинения: имеет ли обратную силу уголовно-процессуальный закон? // Уголовное право. 2014. № 1. С. 88–92.
5. Александров А.С., Александрова И.А. Особый порядок привлечения к уголовной ответственности предпринимателей и освобождения от нее // Уголовный процесс. 2017. № 6. С. 56–65.
6. Титаев К., Шклярчук М. Российский следователь: призвание, профессия, повседневность. М., 2016. С. 40.

7. Ураков Д.И. Уголовное преследование по уголовным делам о мошенничестве в сфере экономической деятельности: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Н. Новгород, 2017. С. 99 и след.

REFERENCES

1. Aleksandrov A.S., Aleksandrova I.A. Sovremennaya ugovnaya politika obespecheniya ehkonomicheskoy bezopasnosti putem protivodejstviya prestupnosti v sfere ehkonomiki: monografiya. M.: YUrlitinform, 2017. S. 302–329.
2. Aleksandrov A.S., Aleksandrova I.A. CHastno-publichnoe ugovnoe presledovanie po delam o moshennichestve // Uголовное право. 2013. № 2. S. 77–82.
3. Aleksandrov A.S. Subsidiarnoe obvinenie // Gosudarstvo i pravo. 2000. № 3. S. 75–83.
4. Aleksandrov A.S., Aleksandrova I.A. O nekotoryh posledstviyah otneseniya del o moshennichestve k kategorii del chastno-publichnogo obvineniya: imeet li obratnuyu silu ugovno-processual'nyj zakon? // Uголовное право. 2014. № 1. S. 88–92.
5. Aleksandrov A.S., Aleksandrova I.A. Osobyj poryadok privilecheniya k ugovnoj otvetstvennosti predprinimatelej i osvobozhdeniya ot nee // Uголовный процесс. 2017. № 6. S. 56–65.
6. Titaev K., SHklyaruk M. Rossijskij sledovatel': prizvanie, professiya, povsednevnost'. M., 2016. S. 40.
7. Urakov D.I. Uголовное преследование по уголовным делам о мошенничестве в сфере экономической деятельности: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Н. Новгород, 2017. С. 99 и след.

Об авторе: Миллер Виктор Юрьевич, адъюнкт Нижегородской академии МВД России, начальник конвоя Отдельного батальона охраны конвоирования подозреваемых и обвиняемых Управления МВД России по г. Нижнему Новгороду

e-mail: millerviktor@mail.ru

©Миллер В.Ю., 2017

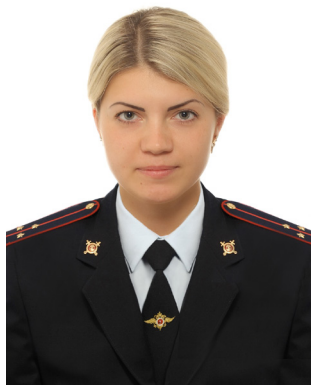
Статья получена: 19.10.2017. Статья принята к публикации: 12.12.2017.

Статья опубликована онлайн: 20.12.2017.

About the author: Miller Viktor YU., Postgraduate of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Chief of the convoy of the first platoon of the second company of a Separate Battalion of Guards and Convoy of Suspects and Accused of the Office of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the City of Nizhny Novgorod
e-mail: millerviktor@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

УДК 343.9.022

DOI: 10.24420/KUI.2017.4(30).8616

Е.С. Скребец

**МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ПО ВОПРОСАМ
ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ
В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ СФЕРЕ**

**INTERNATIONAL COOPERATION IN THE SPHERE OF
COUNTERACTION TO EXTREMISM IN LAW ENFORCEMENT**

Введение: статья посвящена анализу отечественного законодательства и международного права в рамках взаимодействия по вопросам противодействия проявлениям экстремизма. Рассматриваются нормы международного права по приоритетным направлениям административно-правовой деятельности в сфере противодействия экстремизму. Выделены перспективы международного сотрудничества.

Материалы и методы: в ходе работы над статьей применялись сравнительно-правовой и логический методы научного познания.

Результаты исследования: Российская Федерация сотрудничает с рядом стран, оказывает реальное содействие в борьбе с экстремизмом, заключает двусторонние и многосторонние договоры и соглашения в рамках международного сотрудничества по обеспечению безопасности и мира в целом и в сфере противодействия экстремизму в частности. Российские и международные нормативные правовые акты нуждаются в правовом совершенствовании в связи со стремительными темпами распространения и развития способов и методов осуществления экстремистской деятельности.

Обсуждение и заключения: выявлен ряд проблем, негативно влияющих на дальнейшее противодействие проявлениям экстремизма как внутри государства, так и со стороны международного сообщества, что мешает практической реализации международно-правовых договоров и соглашений, а также отечественного законодательства.

Ключевые слова: административная деятельность, сотрудничество, экстремизм, терроризм, международные отношения, международная безопасность

Для цитирования: Скребец Е.С. Международное сотрудничество по вопросам противодействия экстремизму в правоохранительной сфере // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2017. Т. 8, № 4. С. 64 - 69. DOI: 10.24420/KUI.2017.4(30).8616.

Introduction: the paper is devoted to the analysis of native legislation and international law in the framework of interaction on the issues concerning extremism counteraction. Norms of international law on priority directions of administrative-legal activity in the sphere of extremism counteraction are considered. Perspectives of international law and problems of international character of extremist direction are highlighted.

Materials and Methods: in the process of the writing the article comparative-legal and logical methods of scientific knowledge were applied.

Results: the Russian Federation cooperates with a number of countries, contributes to combat public dangerous phenomenon under consideration. In the framework of international cooperation to provide safety and peace as a whole and in the sphere of extremism counteraction in particular, it concludes bilateral and unilateral treaties and agreements. Considering violent rate of spreading and development of the ways and methods to exercise extremist activity, legislation of Russian as well as all international community needs relevant enhancement.

Discussion and Conclusions: a number of problems, producing negative effect on further counteraction to extremist occurrences inside the country as well as international community put obstacles on the way to practical realization of international-legal treaties and agreements, as well as native legislation.

Key words: administrative activity, cooperation, extremism, terrorism, international relations, international security

For citation: Skrebets E.S. International Cooperation in the Sphere of Counteraction to Extremism in Law Enforcement // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2017. V. 8, № 4. P. 64 - 69. DOI: 10.24420/KUI.2017.4(30).8616.

Введение

Масштаб, который приобрел экстремизм за последние годы, представляет опасность для всех без исключения государств. Мирное сотрудничество государств и международная безопасность находятся под угрозой со стороны ультрарадикальных организаций и их сторонников. Из этого следует, что эффективное противодействие различным проявлениям экстремизма возможно только в случае консолидированных усилий государств, их альянсов и коалиций посредством развития международного сотрудничества в правоохранительной сфере.

Результаты исследования

Основой международного сотрудничества, по нашему мнению, выступает система двух- и многосторонних договоров (соглашений), которая в той или иной степени регулирует деятельность в сфере противодействия экстремизму.

Рост географии и увеличение опасности последствий от экстремистской деятельности, расширение локации вооруженных конфликтов, порожаемых экстремизмом, увеличение незаконного оборота оружия и наркотиков, создание, организация и распространение конфликтов на религиозной, национальной, этнической и другой почвах – все это в современных условиях представляет реальную угрозу для миропорядка и коллективной безопасности.

Проблемы распространения экстремизма и иных форм его проявлений, а также вопросы противодействия экстремизму систематически рассматриваются на сессиях Генеральной Ассамблеи и заседаниях Совета Безопасности ООН, Шанхайской организации сотрудничества и др. Как отметил заместитель Директора Департамента новых вызовов и угроз МИД России В.В. Андреев, «вдвойне важно в нынешних геополитических условиях правильно и принципиально выделять оптимальные площадки сотрудничества, на которых должно быть больше участия российских профессионалов и экспертов антитеррористической и антиэкстремистской работы – это, прежде всего, ООН, можно и ОБСЕ, но обязательно более для нас близкие и освоенные «площадки» – ШОС, ОДКБ» [1, с. 14].

Несомненно, что одной из причин, стимулирующих стремительное развитие международных антиэкстремистских отношений, стала активизация деятельности экстремистов-террористов из запреценной в Российской Федерации организации «Исламское государство» (ИГ). В отличие от своих предшественников (например, «Аль-Каиды»), экстремисты ИГ на постоянной основе используют

новейшие технические и коммуникационные средства информации (Интернет, социальные сети), что является действенным и достаточно легким способом распространения деструктивной идеологии и вербовки новых членов. В данном контексте на международной арене основополагающим звеном и центром регулирования деятельности по противодействию активности существующих экстремистских и террористических организаций остается ООН, на основе деятельности которой должна быть создана эффективная и стабильная система международных отношений, в том числе по вопросам противодействия экстремизму.

Создание в 1945 г. ООН с целью поддержания международного мира и безопасности было признано «шагом вперед в деле укрепления безопасности и мира в международных отношениях и внедрения в них начал законности и права» [2]. ООН является главным координирующим центром антитеррористической борьбы. Проблемы противодействия экстремизму систематически выносятся на рассмотрение ее функциональных органов. Так, генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун 15 января 2016 г. призвал все государства-члены ООН выработать национальные программы по борьбе с насильственным экстремизмом. По его словам, масштаб проблемы настолько велик, что действия правоохранительных органов и сил безопасности являются недостаточными. Генсек призвал членов ООН разработать новую государственную политику, направленную на предотвращение «воинствующего экстремизма». Также обратил внимание на вклад в противодействие экстремизму на местном, национальном, региональном уровнях¹. Таким образом, вышеуказанное в очередной раз подтверждает приоритет и необходимость международного конструктивного диалога по вопросам противодействия экстремизму во всех его формах и проявлениях.

В рамках сотрудничества ООН с МИД России осуществляется работа по имплементации антитеррористических договоров и резолюций Совета Безопасности. Так, после совершения 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке, Вашингтоне и Пенсильвании террористических нападений была принята Резолюция 1373 (2001), которая призвала государства в срочном порядке принять совместные необходимые усилия с целью предотвращения и пресечения террористических актов. Резолюция предусматривала ряд обязательных действий, которые должны выполнять государства, в частности: предотвращение и пресечение финансирования террористиче-

¹ План генсека ООН с насильственным экстремизмом и терроризмом. URL: <http://russian.irib.ir/analitika/stati/item/269071> - (дата обращения: 20.10.2017).

ских актов, запрет на предоставление гражданами или любыми лицами и организациями средств, финансовых активов или экономических ресурсов и для лиц с целью использования их в террористической деятельности.

Достаточно интересным и значимым в исследуемой теме является изучение и анализ документов по вопросам противодействия деятельности экстремистской направленности в рамках деятельности Шанхайской организации сотрудничества, созданной 15 июня 2001 г., которая является межправительственной международной организацией. В условиях противодействия экстремизму на региональную антитеррористическую структуру (РАТС ШОС) возложены задачи по поддержанию рабочих контактов с компетентными органами государств-членов и международными организациями, занимающимися вопросами борьбы с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом; содействию взаимодействия государств-членов в подготовке и проведении антитеррористических учений, оперативно-розыскных и иных мероприятий по борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом; участию в подготовке проектов международно-правовых документов, затрагивающих вопросы борьбы с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом; сбору и анализу информации, поступающей в РАТС от государств-членов, формированию и пополнению банка данных РАТС; подготовке и проведению научно-практических конференций, семинаров, содействию в обмене опытом по вопросам борьбы с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом.

Необходимо отметить, что в рамках ШОС была издана Конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом 2001 года, которая является первым официальным документом, где дано определение экстремизму. Согласно данной Конвенции, под экстремизмом следует понимать «какое-либо деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них, и преследуемые в уголовном порядке в соответствии с национальным законодательством Сторон»¹. Однако данное определение до сих пор

не нашло соответствующего закрепления ни в одном национальном законодательстве.

Проявления экстремизма в мире и отдельных государствах непосредственно угрожает безопасности и интересам государств-участников СНГ. Первым документом по поддержанию международной безопасности на базе СНГ после прекращения существования СССР стал Договор о коллективной безопасности 15 мая 1992 г. Согласно Договору государства-участники обеспечивают безопасность на коллективной основе «в случае возникновения угрозы безопасности, стабильности, территориальной целостности и суверенитету одного или нескольких государств-участников либо угрозы международному миру и безопасности государства-участники незамедлительно приводят в действие механизм совместных консультаций с целью координации своих позиций, вырабатывают и принимают меры по оказанию помощи таким государствам-участникам в целях устранения возникшей угрозы»². Также в рамках международного сотрудничества, которое направлено на борьбу с экстремизмом и его проявлениями, решением Совета глав-государств СНГ в 2000 г. был образован Антитеррористический центр СНГ для обеспечения координации взаимодействия органов государств-участников СНГ в сфере борьбы с международным экстремизмом и иными формами его проявления. В своей деятельности Центр тесно сотрудничает и взаимодействует с Советом министров внутренних дел государств-участников СНГ, Советом министров обороны государств-участников СНГ, Советом руководителей таможенных служб, Советом командующих Пограничными войсками, Координационным советом генеральных прокуроров государств-участников СНГ, их рабочими органами, а также Бюро по координации борьбы с организованной преступностью и иными опасными видами преступлений на территории государств-участников СНГ, региональными и международными организациями (ШОС, ОДКБ, ООН, ИНТЕРПОЛ, ОБСЕ)³.

14 мая 2002 г. главами Армении, Казахстана, Киргизии, России, Таджикистана и Узбекистана была образована Организация Договора о коллективной безопасности, согласно Уставу которой целями Организации являются укрепление мира, международной и региональной безопасности и

¹ Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. URL: <http://kremlin.ru/supplement/3405> (дата обращения: 20.10.2017)

² Договор о коллективной безопасности от 15 мая 1992 года (с изменениями, внесенными Протоколом о внесении изменений в Договор о коллективной безопасности от 15 мая 1992 года, подписанным 10 декабря 2010 года). Ст. 2. URL: http://www.odkb-csto.org/documents/detail.php?ELEMENT_ID=126 (дата обращения: 20.10.2017).

³ Антитеррористический центр государств-участников Содружества Независимых Государств. URL: <http://www.cisatc.org/132> (дата обращения: 20.10.2017).

стабильности, защита на коллективной основе независимости, территориальной целостности и суверенитета государств-членов, приоритет в достижении которых государства-члены отдают политическим средствам¹.

Таким образом, мы наблюдаем целенаправленную, совместную деятельность государств по вопросам противодействия экстремизму как внутри каждого государства, так и при совместном взаимодействии. Принимая во внимание тот факт, что противодействие экстремизму осуществляется на постоянной основе практически во всех государствах, существование совместно действующих организаций в рамках международного сотрудничества затрудняет экстремистски настроенным элементам осуществление их противоправной деятельности.

В 2005 г. советом глав государств СНГ было одобрено решение «О концепции сотрудничества государств-участников Содружества независимых государств в борьбе с терроризмом и иными насильственными проявлениями экстремизма». Приоритетной задачей в рамках противодействия проявлениям экстремизма считается содействие формированию в мире стабильной, справедливой, демократической и эффективной системы международных отношений. Сотрудничество в противодействии экстремизму осуществляется с использованием всех возможностей государств-участников, в том числе потенциал национальных правоохранительных органов².

Современное состояние экстремизма и одной из крайних форм его проявления терроризма привело к принятию решения Советом глав государств СНГ с целью адекватного реагирования на происходящие изменения в оперативной обстановке в борьбе с терроризмом и иными насильственными проявлениями экстремизма Программы сотрудничества государств-участников СНГ в борьбе с терроризмом и иными насильственными проявлениями экстремизма на 2017-2019 годы. Основной целью данной Программы является совершенствование сотрудничества государств-участников СНГ в борьбе с любыми формами экстремизма путем развития нормативной правовой базы сотрудничества государств-участ-

ников; совершенствования национального законодательства; проведения согласованных, совместных профилактических, оперативно-розыскных мероприятий; взаимодействия с международными организациями; осуществления информационно-аналитической и научно-методической деятельности в сфере противодействия экстремизму; обеспечения информационного сотрудничества³. Необходимо отметить, что Программа предусматривает активизацию межгосударственного сотрудничества, что впоследствии должно способствовать повышению результативности проведения совместных профилактических, оперативно-розыскных и специальных мероприятий в борьбе с терроризмом и иными насильственными формами экстремизма.

Очевидно, что Российская Федерация осуществляет активную деятельность по урегулированию международных отношений и открыта для международного сотрудничества, в том числе с правоохранительными органами других государств по вопросам противодействия экстремизму во всех формах его проявления и масштабах распространения. Можно выделить следующие направления в данной области: обмен имеющейся в ведении правоохранительных органов информацией; обмен опытом в сфере противодействия экстремистским проявлениям путем проведения конференций международного значения, рабочих встреч, круглых столов и др.; исполнение запросов о проведении оперативно-розыскных мероприятий, связанных с экстремистской деятельностью; заключение двусторонних, многосторонних договоров и межгосударственных соглашений по борьбе с экстремизмом, а также принятие международных программ по борьбе с экстремизмом и другими формами его проявления. Участие органов внутренних дел в борьбе с экстремизмом в рамках международного сотрудничества также является немаловажным. В развитие данного вопроса 10 сентября 2013 г. была принята Концепция развития сотрудничества министерств внутренних дел Содружества до 2020 года, в которой особое внимание уделено развитию отношений с партнерами государств-участников СНГ. Международное сотрудничество в правоохранительной сфере также постоянно совершенству-

¹ Устав Организации Договора о коллективной безопасности от 7 октября 2002 года (с изменениями, внесенными Протоколом о внесении изменений в Устав Организации Договора о коллективной безопасности от 7 октября 2002 года, подписанным 10 декабря 2010 года). URL: http://www.odkb-csto.org/documents/detail.php?ELEMENT_ID=124&sphrase_id=23442 (дата обращения: 20.10.2017).

² О концепции сотрудничества государств-участников Содружества Независимых Государств в борьбе с терроризмом и иными насильственными проявлениями экстремизма: решение Совета глав-государств СНГ (принято в г. Казани 26 августа 2005 г.) (дата обращения: 20.10.2017).

³ Антитеррористический центр государств-участников Содружества Независимых Государств. Программа сотрудничества государств-участников СНГ в борьбе с терроризмом и иными насильственными проявлениями экстремизма на 2017-2019 годы. URL: <http://www.cisatc.org/135/326>.

ется. Выше мы упоминали о данном сотрудничестве в рамках СНГ: это Бюро по координации борьбы с организованной преступностью и иными опасными видами преступлений на территории СНГ и Совет Министров внутренних дел государств-участников СНГ. В данном направлении также действует Объединенная коллегия министерств внутренних дел государств-участников союза Беларуси и России.

Анализ деятельности вышеуказанных организаций показывает, что они созданы с целью взаимного, координированного противодействия всем проявлениям экстремизма в рамках обеспечения мира и безопасности. Однако современная ситуация дает возможность утверждать, что деятельность упомянутых организаций не всегда эффективна. На наш взгляд, С.А. Буткевич справедливо отмечает, что в качестве негативного примера международного сотрудничества в сфере противодействия террористической деятельности можно привести договоренности Российской Федерации и США в качестве сопредседателей Международной группы поддержки Сирии, которые вопреки институционализации механизмов сотрудничества и ведения политики «перезагрузки» дипломатических отношений между этими странами так и не стали основой для конструктивного диалога по борьбе с терроризмом [3, с. 90].

Обсуждение и заключения

Обобщая вышеизложенное, можно утверждать, что Российская Федерация занимает приоритетные позиции в мировом сообществе по вопросам

противодействия экстремизму и иным его формам проявления. Нельзя не отметить, что в Российской Федерации на основании положительного опыта противодействия экстремистской деятельности, анализа модернизирующихся форм и методов деятельности экстремистских организаций и новых вызовов в этой сфере постоянно совершенствуется нормативная правовая база. Однако согласимся с В.И. Пospelовым в том, что России необходимо уделять внимание международному опыту противодействия экстремизму, так как большое количество вопросов проработаны либо прорабатываются в международном формате теоретического и практического значения [4, с. 104].

Также необходимо отметить, что, несмотря на достаточно большое количество межгосударственных договоров, принятых в двустороннем либо многостороннем порядке, значительной проблемой является отсутствие унифицированного определения понятия «экстремизм», на что неоднократно указывали различные ученые. Попытки юристов, социологов, философов, культурологов, политологов сформулировать единое понятие экстремизма не находят своего отражения ни на законодательном уровне, ни в рамках международного права, что в дальнейшем затрудняет квалификацию различных деструктивных явлений в современном обществе, противодействие экстремизму и его производным, разработку и реализацию программно-целевой стратегии по борьбе с этим общественно опасным феноменом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреев В.В. Международное сотрудничество в условиях складывающейся геополитической ситуации // Противодействие экстремизму и терроризму: правовой и международный аспект. Домодедово: ВИПК МВД России, 2016. С. 14.
2. Коровин Е.А. Устав Объединенных Наций: стенограмма публичной лекции д-ра юрид. наук проф. Е.А. Коровина, прочитанной 9 июля 1945 г. в лекционном зале в Москве. М.: [б. и.], 1945. С. 22.
3. Буткевич С.А. Международный терроризм: проблемы дефиниции, криминализации и противодействия // Юрист-Правовед. 2016. № 6 (79). С. 85–91.
4. Пospelов В.И. О состоянии и проблемах законодательства Российской Федерации, регламентирующего противодействие экстремизму и терроризму // Противодействие экстремизму и терроризму: правовой и международный аспект. Домодедово: ВИПК МВД России, 2016. С. 100–105.

REFERENCES

1. Andreev V.V. Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo v usloviyakh skladyvayushcheysya geopoliticheskoy situatsii // Protivodejstvie ehkstremitizmu i terrorizmu: pravovoj i mezhdunarodnyj aspekt. Domodedovo: VIPK MVD Rossii, 2016. S. 14.
2. Korovin E.A. Ustav Ob'yedinennykh Natsiy: stenogramma publichnoy lektzii d-ra yurid. nauk prof. E.A. Korovina, pročitannoy 9 iyulya 1945 g. v lektсионном зале в Москве. М.: [b. i.], 1945. S. 22.
3. Butkevich S.A. Mezhdunarodnyj terrorizm: problemy definicii, kriminalizatsii i protivodejstviya // YUrist»-Pravoved». 2016. № 6 (79). S. 85–91.
4. Pospelov V.I. O sostoyanii i problemah zakonodatel'stva Rossijskoj Federatsii, reglamentiruyushchego protivodejstvie ehkstremitizmu i terrorizmu // Protivodejstvie ehkstremitizmu i terrorizmu: pravovoj i mezhdunarodnyj aspekt. Domodedovo: VIPK MVD Rossii, 2016. S. 100–105.

Об авторе: Скребец Елизавета Сергеевна, адъюнкт Краснодарского университета МВД России, преподаватель-методист группы профессионального обучения учебного отдела Крымского филиала Краснодарского университета МВД России

e-mail: e_skrebets@mail.ru

©Скребец Е.С., 2017

Статья получена: 20.10.2017. Статья принята к публикации: 12.12.2017.

Статья опубликована онлайн: 20.12.2017.

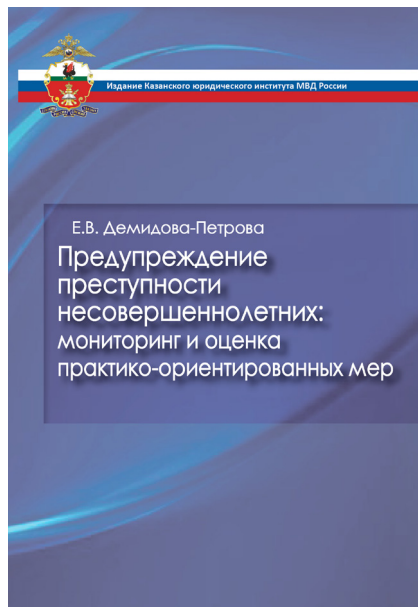
About the author: Skrebets Elizaveta S., Postgraduate of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Teacher-methodologist of Professional Training Group, Study Department Crimean Affiliate of the Krasnodar Interior Ministry of Russia

e-mail: e_skrebets@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ КАЗАНСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ

Демидова-Петрова Е.В.

Предупреждение преступности несовершеннолетних: мониторинг и оценка практико-ориентированных мер : монография / Е.В. Демидова-Петрова. – Казань: КЮИ МВД России, 2018. – 142 с.

Монография посвящена основным аспектам предупреждения преступности лиц несовершеннолетнего возраста. В работе предлагается исследование преступности несовершеннолетних в истории российской криминологической науки; рассмотрены проблемы познания социальной обусловленности криминологически значимого поведения несовершеннолетних. Предложена авторская характеристика зарубежного опыта предупреждения преступности несовершеннолетних.

Работа адресована ученым-криминологам, работникам правоохранительных органов и органов социальной защиты населения, студентам и курсантам юридических вузов, а также широкому кругу читателей.

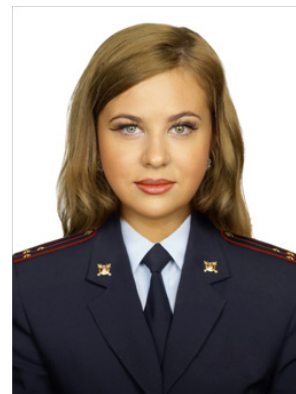
УДК 34.037

DOI: 10.24420/KUI.2017.4(30).8617

К.А. Нефедова

**КОРЫСТЬ КАК МОТИВИРУЮЩИЙ ФАКТОР ЛИЦ,
ДОБРОВОЛЬНО ОКАЗЫВАЮЩИХ СОДЕЙСТВИЕ
В ИНФОРМИРОВАНИИ О ПРАВОНАРУШЕНИЯХ**

**SELF-INTEREST AS A MOTIVATING FACTOR
OF THE PERSONS WHO VOLUNTARILY ASSIST
IN INFORMING ABOUT OFFENSES**

Введение: статья посвящена рассмотрению сущности и влияния корысти как многокомпонентного психологического мотива на общественно значимые отношения. Корысть зачастую выступает в качестве мотивирующего фактора в поведении лиц, задействованных в процессе добровольного информирования правоохранительных органов о правонарушениях.

Материалы и методы: основу исследования составляют следующие методы познания объективной действительности: описательный, аналитический, методы формализации и обобщения, индуктивных и дедуктивных умозаключений, технико-юридический и формально-юридический методы.

Результаты исследования: автор приходит к выводу о необходимости всестороннего учета мотиваций граждан, оказывающих содействие в информировании о правонарушениях.

Обсуждение и заключения: обосновывается необходимость установления и развития конструктивного диалога правоохранительных органов и общества в сфере информирования о правонарушениях.

Ключевые слова: *мотивация, корысть, информирование, правонарушение, коммуникативные отношения*

Для цитирования: Нефедова К.А. Корысть как мотивирующий фактор лиц, добровольно оказывающих содействие в информировании о правонарушениях // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2017. Т. 8, № 4. С. 70 - 74. DOI: 10.24420/KUI.2017.4(30).8617.

Introduction: the paper is devoted to the essence and influence of self-interest as multi-component psychological motive on socially significant relations. The author of the article affirms the idea that self-interest is a motivating factor in the behavior of persons involved in the process of voluntary informing law enforcement bodies about violations of law.

Materials and Methods: the research is based on descriptive, analytical methods, methods of formalization and generalization, methods of inductive and deductive reasoning, technical-legal and formal-legal methods.

Results: the author justifies the idea of the need to fully consider the motivations of citizens interested in maintaining these communicative relations.

Discussion and Conclusions: as key conclusions, the author summarizes the need to establish and develop a constructive dialogue between law enforcement agencies and the public in the field of informing about violations of law.

Key words: *motivation, self-interest, information, offense, communicative relationships*

For citation: Nefedova K.A. Self-interest as a Motivating Factor of the Persons who Voluntarily Assist in Informing about Offenses // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2017. V. 8, № 4. P. 70 - 74. DOI: 10.24420/KUI.2017.4(30).8617.

Введение

Мотивация является ведущим фактором регуляции активности личности, ее поведения и деятельности. Это связано с тем, что эффективное социальное взаимодействие человека и общества невозможно без учета особенностей личностных мотиваций.

В современной психологии есть различные трактовки понятия «мотив», обозначающие совер-

шенно разные явления. Мы согласны с определением, предложенным А.О. Адяном, определяющим мотивацию как побуждение человека к определенной деятельности, вызванное действием внутренних потребностей или факторов внешней среды либо тем и другим одновременно, в результате чего им осознается необходимость этой деятельности, определяются цели и средства, с помощью которых он может их достичь [1].

Необходимо отметить, что распространяющаяся в обществе информация о происходящих событиях и фактах способна породить у субъектов правоотношений тот самый комплекс психологических реакций (чувств, эмоций, переживаний), с которыми связано возникновение конкретного вида поведения. Таким образом, есть основание утверждать, что события и факты выполняют функции мотива.

При рассмотрении данного вопроса особое место стоит уделить мотивам, побуждающим граждан участвовать в процессе информирования правоохранительных органов о правонарушениях. Достоинством данного феномена является то, что само по себе обращение о правонарушении в правоохранительные органы в стране, где есть демократия, разделение властей, отработанная правовая система, безусловно, является ничем иным, как попыткой навести правовой порядок.

С учетом вышесказанного представляется целесообразным указать на признак добровольности действий информаторов, который отмечается многими исследователями как один из главных для лиц, информирующих компетентные органы о правонарушениях. Отметим, что данная категория граждан считает, что защита прав и свобод человека и гражданина является основной обязанностью не только государства, но и самих граждан, проживающих в этой стране. Таким образом, инициативное оказание содействия правоохранительным органам со стороны гражданского общества – это сформированная правовая установка личности, направленная на оказание помощи в охране правопорядка.

Материалы и методы

В настоящее время законодательными органами Российской Федерации не установлено прямой обязанности сообщать в правоохранительные органы обо всех правонарушениях. Лишь статья 205.6 «Несообщение о преступлении»¹, введенная в Уголовный кодекс Российской Федерации в июле 2016 года, четко устанавливает круг преступлений, о которых необходимо информировать компетентные органы власти. Данная статья уже получила свою реализацию в судебной практике². В связи с этим правовое регулирование информирования о правонарушениях нуждается в некотором изменении. Весьма показательным в этом вопросе является опыт западных стран, где давно существует обязанность сигнализировать о любом нарушении закона. Стоит отметить, что данная практика распространена не только в полиции, но и частных компаниях. Так, например, в разделе 1 Кодекса деловой этики

компании «Проктер энд Гэмбл» зафиксировано, что каждый работник обязан оберегать престиж и честное имя компании. Если он считает, что какой-либо сотрудник компании нарушает закон или принципы деятельности компании – он обязан довести это до сведения своего руководства или должностных лиц компании, уполномоченных принимать такие обращения [2]. Подобный опыт важно учитывать при внедрении систем информирования в российских компаниях.

В свою очередь, сама природа добровольного информирования не исключает того, что часть содействующих лиц может быть изначально заинтересована в сокрытии реального мотива содействия, так как для людей характерен так называемый «эффект фасада» [3]. Речь идет о том, что данные действия связаны со стремлением личности выдвигать на первый план свои положительные стороны и, соответственно, облагораживать собственные мотивации, что не всегда соответствует реальной действительности.

Обзор литературы

Корыстная заинтересованность (получение материальной выгоды, стремление избавиться от конкурента, месть за причиненный вред, и др.) занимает одно из ведущих мест среди особых личностных мотивов информирования правоохранительных органов о том или ином правонарушении. К аналогичным выводам пришли Н.С. Железняк и И.П. Напханенко [4, 5]. Оценивая мотивы содействия граждан оперативным подразделениям органов внутренних дел, эти авторы справедливо отмечают, что такие мотивы, как высокие идеалы, установление правопорядка в обществе, стремление к справедливости, осознание патриотического и гражданского долга, не являются приоритетными в современном обществе.

В уголовном законодательстве современной России понятие «корысть» не имеет юридического закрепления. Однако этот термин достаточно часто используется как самим законодателем (по большей части в примечании 1 к ст. 158 УК РФ), так и в судебной практике и в научной сфере. Проведенный анализ источников права позволяет сделать вывод, что термин «корысть» довольно распространен в юридическом лексиконе, а само значение корыстной заинтересованности как мотива участия граждан во всех общественных сферах приобретает свою актуальность.

Здесь стоит отметить, что корысть – это тот совокупный феномен, который раскрывает тенден-

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954 (дата обращения: 15.10.2017).

² Гриценко Н. Заплатит за молчание. Житель Астрахани оштрафован за то, что не сообщил о преступлении // Российская газета. 2017. 6 февраля (дата обращения: 11.07.2017).

цию поведения, характеризует личность как субъекта отношений. Как отмечает Б.С. Волков, по силе своего казуального воздействия на личность, по динамической способности вызывать активность он не имеет себе равных и может уступать только половому инстинкту [6]. С нашей точки зрения, корыстный мотив – это особое психологическое состояние нужды личности, проявляемое в конкретных условиях или обстоятельствах, реализуемое через действия в определенных отношениях (например, путем предоставленной им возможности информировать компетентные органы власти), конечной целью которых является получение выгоды, выраженной в различных формах. Профессор В.А. Толстик отмечает суть этого поведения в «использовании субъективных прав, реализация которых нежелательна, но допустима для общества». Допустимое поведение, наравне с необходимым и желательным поведением субъекта права, соответствующее нормам права, гарантируемое и охраняемое государством, является одной из разновидностей правомерного поведения [7]. То есть указанные правовые явления нежелательны для государства, их нельзя назвать полезными для общества, но эти явления допускаются правом, в связи с чем возможность их совершения обеспечивается государством [8].

В связи с этим интересно мнение М.Д. Шаргородского, который подчеркивает, что под корыстью понимается лишь получение всякого рода материальной выгоды [9]. Мы солидарны с мнением ученого и хотим подчеркнуть, что особенность материальной выгоды может быть выражена в достаточно разнообразных формах (получение квартиры, занятие более высокооплачиваемой должности и др.).

Особое внимание в данном вопросе, по нашему мнению, стоит уделить материальному поощрению «корыстного информатора. Обращаясь к практике зарубежного информирования о правонарушениях, мы можем проследить эффективность применения данного вида вознаграждения. История Унабомбера служит ярким примером. Унабомбер – такое прозвище Теодор Качинский получил от Федерального бюро расследований США, которое в течение нескольких лет демонстрировало свое бессилие в поисках террориста. В первый же день после того, как за Унабомбера была назначена награда в 300 тысяч долларов, его выдал собственный брат¹.

Небезынтересен данный опыт и в истории нашей страны. Однажды с Петербургской гарнизонной гауптвахты на имя Николая Первого поступил

донос, написанный содержащимся под стражей морским офицером. Моряк писал, что вместе с ним сидел один гвардейский офицер, которого отпустил домой на несколько часов караульный начальник, оказавшийся другом арестованного гвардейца. Николай, установив, что жалобщик прав, отдал обоих офицеров – и арестованного, и освободившего его начальника караула – под суд, который разжаловал и того и другого в рядовые. Доносчику же император велел выдать в награду одну треть месячного жалования, но обязательно записать в его послужном формуляре, за что именно он получил царскую награду².

Однако сегодня можно столкнуться с некоторыми проблемами в случае реализации данного направления. Прежде всего, не всегда есть недостаточным количеством финансовых ресурсов для поощрения лиц, оказывающих добровольное содействие в информировании. Кроме того, существует вероятность развития намеренного доносительства с целью получения материальной выгоды. Так, 51-летний житель Владивостока написал донос на соседей, которые якобы употребляют «санкционные продукты»: курят голландский табак и едят гусей, предположительно импортированных из Польши. Однако Роспотребнадзор четко указывает на то, что за привезенные из-за границы санкционные продукты, предназначенные для личного потребления, никого наказывать не будут. Данный запрет касается только юридических лиц³. Не исключено, что причиной столь активного поведения гражданина послужила его корыстная заинтересованность. Вместе с этим особое беспокойство вызывает то, что данная ситуация свидетельствует о проблеме низкого уровня юридической грамотности современного российского общества.

Кроме того, необходимо использовать ресурсы психологически правильного морального стимулирования инициативных граждан, среди которых можно выделить следующие: установление доверительного отношения граждан к государству, в том числе к правоохранительным органам; исключение неуверенности лиц, оказывающих содействие, в том, что их сообщения останутся нерассмотренными; пропаганда идеи о том, что пресечение правонарушений пойдут на благо общества в целом; формирование уверенности в некоррупционности чиновников и др.

Результаты исследования

Анализ феномена «корысть» дает возможность говорить о том, что это явление тесно переплетает-

¹ URL: <https://birdinflight.com/ru/mir/20160531-unabomber-kaczynski-brothers.html> (дата обращения: 09.09.2017).

² URL: <https://podskazki.info/donositelstvo/> (дата обращения: 12.09.2017).

³ Невинная И. Кого будут штрафовать за ввоз санкционных продуктов // Российская газета. 2017. 1 февраля (дата обращения: 02.09.2017).

ся с другими мотивирующими факторами, такими как патриотизм, алчность, месть, жажда продвижения по карьерной лестнице и др. Их весьма много, и все они находятся в определенной взаимосвязи. Нашу мысль подтверждает социологический опрос, проведенный на портале mail.ru, который показал, что 23 % активных граждан доносят на коллег по работе по личной просьбе начальников. Еще 9 % участвуют в этом ради продвижения по службе 7 % заинтересованы в получении денежных средств. Тем не менее более половины анкетированных утверждают, что проинформируют вышестоящее руководство на добровольной основе, то есть только потому, что стоят на стороне закона и правопорядка¹. Также хорошо иллюстрирует данное утверждение пример крупнейшего банка Citigroup, который первым «пострадал» в случае реализации закона Додда-Франка. Данный законодательный акт США, принятый 21 июля 2010 года, призван снизить риски и повысить «прозрачность» финансовой системы. Сотрудница ипотечного подразделения Шерри Хант получила 31 млн долларов за то, что проинформировала о мошенничестве банка с ипотечными облигациями. Банк был вынужден выплатить государству почти 160 млн долларов, чтобы закрыть дело. Госпожа Хант за свою бдительность получила не только денежное вознаграждение, но и должность вице-президента банка по контролю качества².

Анализ корысти как мотивирующего фактора лиц, добровольно оказывающих содействие в информировании о правонарушениях, направлен на выявление и отбор основных признаков, способствующих установлению и развитию устойчивых контактов между субъектами данных коммуникативных отношений. Вместе с этим В.А. Толстик отмечает, что «влияние факторов на конечный вариант поведения осуществляется не последовательно, а одновременно в комплексе» [9].

Принимая во внимание изложенное, отметим, что корыстный мотив личности является фактором, который требует особого внимания со стороны правоохранительных органов при получении со-

общения о правонарушении различного характера. Нередко инициативный контакт со стороны граждан, информирующих о нарушении закона, может быть мотивирован местью, завистью, неприязнью на фоне серьезных личностных, психологических проблем, личностной заниженной или завышенной самооценки и т.п. Это в большинстве случаев искажает представление человека об окружающей действительности, что сильно влияет на характер информации, представленной им в правоохранительные органы.

Как было отмечено ранее, такая информация требует серьезной дополнительной проверки со стороны сотрудника правоохранительных органов, несмотря на то, что по отношению к радикальному злу (правонарушениям) подается как благо, направленное на установление справедливости в обществе. Показательным является случай в Новокузнецке, где пенсионер сообщил в полицию о преступлении против него, чтобы отомстить пасынку³.

Обсуждение и заключения

Системный анализ представленных положений позволяет утверждать, что мотивация добровольного информирования является одним из ключевых элементов в структуре работы правоохранительных органов. По нашему мнению, определение мотивации гражданина, информирующего о правонарушениях различного характера, является важным и сложным. В свою очередь, мотивы деятельности человека или его направленность на такое социально одобряемое действие, как борьба с правонарушениями (преступностью), должны изучаться только в контексте с социально-психологическими явлениями и факторами, существующими в обществе.

Не следует однозначно подходить к оценке корыстной направленности содействия граждан: абсолютизировать ее или отрицать. На наш взгляд, корыстная направленность со стороны граждан, оказывающих содействие в информировании о правонарушениях, при определенных условиях может и должна использоваться в борьбе с преступностью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адян А.О. Совершенствование системы стимулирования труда сотрудников органов внутренних дел : теоретический и организационно-правовой аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.
2. Герчикова И.Н. Деловая этика и регулирование международной коммерческой практики: учебное пособие. М.: Консалтбанкир, 2002. С. 23.
3. Троцкий А. Р. Психология : учебное пособие : в 2 т. Т. 1 Ульяновск : УлГТУ, 2011. 194 с.
4. Железняк Н.С. Организационно-тактические аспекты содействия граждан оперативным подразделе-

¹ URL: <https://russian.rt.com/inotv/2016-08-04/Gazeta-Wyborcza-Pisat-donosi-v> (дата обращения: 30.10.2017).

² URL: http://communitarian.ru/posts/ekonomika_ssha/finansovoe_donositelstvo_v_amerike_i_rossiya (дата обращения: 17.08.2017).

³ В Новокузнецке пенсионер сообщил в полицию о преступлении, чтобы отомстить пасынку. 12 февраля 2016. URL: <https://42.mvd.rf/news/item/7207056> (дата обращения: 12.09.2017).

ниям органов внутренних дел: монография. Красноярск: Сибирский юрид. ин-т МВД России, 2004.

5. Напханенко И.П. К вопросу о понятии доверенных лиц оперативных подразделений органов внутренних дел // Теоретические и практические проблемы оперативно-розыскной деятельности. Калининград, 1999. С. 43-48.

6. Волков Б.С. Мотивы преступлений. Уголовно-правовое и социально-психологическое исследование / науч. ред. М.Д. Лысов. Казань: Изд-во Казан.ун-та, 1982. С.42.

6. Бабаев В.К., Баранов В.М., Толстик В.А. Теория государства и права в схемах и определениях: учебное пособие. М., 2007. С. 172.

7. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: учебник. М.: Юрист, 2004. С. 206.

8. Шаргородский М.Д. Преступления против жизни и здоровья. М., 1947. С. 174.

9. Толстик В.А. Противоречия в детерминации экономических правонарушений // Вестник Нижегородского университета / отв. ред. А.В. Петров. Н. Новгород, 1996. С. 66.

REFERENCES

1. Adyan A.O. Sovershenstvovanie sistemy stimulirovaniya truda sotrudnikov organov vnutrennih del : teoreticheskij i organizacionno-pravovoj aspekty : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2006.

2. Gerchikova I.N. Delovaya etika i regulirovanie mezhdunarodnoj kommercheskoj praktiki: uchebnoe posobie. M.: Konsaltbankir, 2002. S. 23.

3. Troshchij A. R. Psihologiya : uchebnoe posobie : v 2 t. T. 1 Ul'yanovsk : UIGTU, 2011. 194 s.

4. Zheleznyak N.S. Organizacionno-takticheskie aspekty sodejstviya grazhdan operativnym podrazdeleniyam organov vnutrennih del: monografiya. Krasnoyarsk: Sibirskij jurid. in-t MVD Rossii, 2004.

5. Napphanenko I.P. K voprosu o ponyatii doverennyh lic operativnyh podrazdelenij organov vnutrennih del // Teoreticheskie i prakticheskie problemy operativno-rozysknoj deyatel'nosti. Kaliningrad, 1999. S. 43-48.

6. Volkov B.S. Motivy prestuplenij. Ugolovno-pravovoe i social'no-psihologicheskoe issledovanie / nauch. red. M.D. Lysov. Kazan': Izd-vo Kazan.un-ta, 1982. S.42.

6. Babaev V.K., Baranov V.M., Tolstik V.A. Teoriya gosudarstva i prava v skhemah i opredeleniyah: uchebnoe posobie. M., 2007. S. 172.

7. Matuzov N.I., Mal'ko A.V. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik. M.: YUrist, 2004. S. 206.

8. SHargorodskij M.D. Prestupleniya protiv zhizni i zdorov'ya. M., 1947. S. 174.

9. Tolstik V.A. Protivorechiya v determinacii ehkonomicheskikh pravonarushenij // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta / отв. red. A.V. Petrov. N. Novgorod, 1996. S. 66.

Об авторе: Нефедова Ксения Александровна, адъюнкт Нижегородской академии МВД России

e-mail: aksinya.verner@list.ru

© Нефедова К.А., 2017

Статья получена: 20.11.2017. Статья принята к публикации: 12.12.2017.

Статья опубликована онлайн: 20.12.2017.

About the author: Nefedova Kseniya A., Postgraduate of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

e-mail: aksinya.verner@list.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final version of the manuscript.

УДК 343.9

DOI: 10.24420/KUI.2017.4(30).8618

И.М. Комаров

К ВОПРОСУ О РАСПОЗНАВАНИИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ
ПРИЧИННЫХ СВЯЗЕЙ В ПРЕСТУПЛЕНИИ

THE ISSUE OF RECOGNITION OF FORENSIC CAUSALITY
IN THE CRIME

Введение: вопросы качественного расследования преступлений всегда представлялись актуальными для правоприменительной деятельности органов внутренних дел, что мотивировано необходимостью обеспечения стабильного общественного развития, способствующего тенденции формирования правового государства, основная цель которого – полноценное соблюдение прав своих граждан.

Материалы и методы: в процессе проведенного исследования использованы метод научного анализа и сравнительно-правовой метод.

Результаты исследования: в статье рассматриваются актуальные вопросы, связанные с проблемами установления причинно-следственных связей криминалистическими способами и средствами в процессе раскрытия и расследования преступлений, а также судебного рассмотрения уголовного дела.

Автор указывает на связь уголовного права, уголовного процесса и криминалистики по предмету исследования и соответствия этого отношения для установления криминалистической причинности в событии преступления при его предварительном расследовании и судебном рассмотрении уголовного дела. В статье представлены некоторые научно-практические подходы к установлению причинно-следственных связей объективной стороны преступления, а также причинной связи обстоятельств, подлежащих доказыванию в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством. На этой основе объясняются основные криминалистические аспекты, указывающие на необходимость установления причинности соответствующего вида криминалистическими способами и средствами в механизме преступления как части объекта криминалистики, коррелирующего с уголовно-правовым понятием «объективная сторона преступления».

В статье рассмотрены отдельные элементы механизма преступления. Выделяя причину и следствие на макро- и микроуровнях, объясняя это деление структурными соответствиями связей причины и следствия, автор обращается к криминалистической методологии установления связи соответствующего вида как в ходе расследования преступления следователем, так и использования им специальных знаний для установления причинности при взаимодействии материальных объектов, а также рассматривает значение производных доказательств для установления причинно-следственных связей расследуемого события.

Обсуждение и заключения: проведенные исследования указывают на особую необходимость комплексного изучения причинно-следственных связей в процессе расследования преступлений, как на уголовно-правовом, так и на уголовно-процессуальном и криминалистическом уровнях, что способствует улучшению качества расследования и позволяет исключить следственные и судебные ошибки в принятии процессуальных решений.

Ключевые слова: уголовно-правовая причинность, уголовно-процессуальная причинность, криминалистические причинно-следственные связи, причинность в криминалистике

Для цитирования: Комаров И.М. К вопросу о распознавании криминалистических причинных связей в преступлении // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2017. Т. 8, № 4. С. 75 - 82. DOI: 10.24420/KUI.2017.4(30).8618.

Introduction: the issues of investigation of crimes has always seemed relevant to law enforcement and the reason for this lies in the need to ensure stable social development which contributes to the tendencies of formation of legal state, able to ensure full respect for the rights of its citizens.

Materials and Methods: in the course of the study, we used the method of scientific analysis, comparative legal method.

Results: the paper deals with the current issues associated with the problems of establishing causality criminalistics ways and means in the process of disclosure and investigation of crimes, and trial of the criminal case.

Key words: criminal causality, criminal procedure causation, crime causation, causality in criminology

For citation: Komarov I.M. The Issue of Recognition of Forensic Causality in the Crime // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2017. V. 8, № 4. P. 75 - 82. DOI: 10.24420/KUI.2017.4(30).8618.

Введение

В систему уголовно-правовых наук, данные которых наиболее востребованы правоприменительной практикой, традиционно включают уголовное право, уголовно-процессуальное право и криминалистику. Их реализацию в процессе раскрытия, расследования преступлений, а также судебного рассмотрения уголовных дел невозможно представить без тесного взаимодействия их между собой. Объединительным началом здесь выступает определение их предметов, где основным понятием являются отношения с особенностями отражения предмета и метода правового регулирования. Очевидно, что реализация криминалистических отношений, наряду с уголовно-правовыми, возможна только в рамках уголовно-процессуальных отношений. Мы не приводим аргументы данного тезиса по причине того, что имеется достаточно исследований, объясняющих его на основе комплексных междисциплинарных подходов [1, 2, 3, 4, 5]. На этом основании, для того чтобы распознавать и исследовать криминалистическую причинность, следует рассмотреть это же явление в соответствии с системами уголовного права и процесса.

Результаты исследования

Проблема причинности в уголовно-правовом аспекте представляет собой преимущественно решение вопроса о связи между общественно-опасным деянием и наступлением преступного результата и относится к характеристике элементов состава преступления [6, с. 104].

На наш взгляд, для распознавания криминалистической причинности наиболее адекватным является подход, согласно которому общественно опасное действие составляют те телодвижения (иная активность субъекта) и задействованные в механизме причинения вредного результата силы и закономерности, которые реализуются субъектом сознательно и подконтрольны его воле.

Полагаем, что при отсутствии объективной связи между фактическим телодвижением и осознанием характера этих действий (в т.ч. отсутствием способности руководить ими) деяние в его уголовно-правовом смысле также отсутствует и установление криминалистических причинно-следственных связей не имеет практического значения.

Вместе с тем понятием «причинная связь» объективно должны охватываться также силы, которые не зависят от воли субъекта, условия, в которых ему приходится действовать, и зако-

номерности, также ему не подконтрольные. Эти обстоятельства указывают на причинную связь как самостоятельный элемент структуры объективной стороны преступления. Она не сводится только к воле субъекта, на этом основании каузальным анализом необходимо исследовать всю совокупность сил и обстоятельств, связанных с возникновением общественно опасного результата, выступивших в роли необходимых условий.

Рассматривая уголовно-процессуальный аспект проблемы причинности, отметим, что он заключается в исследовании связей между преступлением, доказательствами и обстоятельствами, подлежащими доказыванию. По существу, это означает необходимость рассмотрения рассмотреть связи между определенными фактами и их совокупностями.

В процессуальной литературе существует множество мнений относительно решений данного вопроса, и практически до середины прошлого столетия доминировала позиция, согласно которой предлагалось исследовать только причинную связь между доказательствами [7, 8]. Однако в связи с современной процессуальной доктриной эта позиция была пересмотрена [9, 10].

Порядок установления причинно-следственных связей в процессе доказывания отличается от криминалистического своими процедурами, хотя оба порядка обусловлены уголовно-правовыми нормами. Такая связь и способствовала тому, что криминалисты предпринимали попытки определения перечня юридических признаков причинной связи под углом зрения их процессуальной пригодности для хода доказывания преступлений. В связи с этим удачной попыткой следует признать перечень юридических признаков, определенных З.М. Соколовским [11, с. 6]. Ознакомление с ними указывает на то, что автор обосновал положения в соответствии с уголовно-правовой теорией «исключительной причинности» в ее современной интерпретации.

Вместе с тем, несмотря на действующие процедуры процессуального доказывания, в уголовно-процессуальной науке ученые в большей степени остаются приверженцами сложившихся в континентальной системе права традиционных подходов, согласно которым акцент делается на определении подлежащих доказыванию юридически значимых признаков причинной связи.

Этим же обусловлены и цели подобного криминалистического исследования, согласно кото-

рым важным является установление ситуационных признаков явлений, что позволяет сделать вывод о наличии (отсутствии) причинной связи между ними и способствует раскрытию процесса отражения, который, в свою очередь, позволяет проследить причинную обусловленность результата отражения, то есть «отпечатка» исследуемого явления от объекта отражения – преступления.

В расследовании преступления криминалистическому исследованию подлежат как его внутренние, так и внешние связи. Они представляются важными для всего процесса доказывания.

Необходимо отметить, что и в уголовно-правовом, и уголовно-процессуальном смысле для установления причинных связей важным является изучение содержания объективной стороны преступления в ее отношениях со всеми иными обстоятельствами этого события.

Объективная сторона преступления в криминалистическом понимании представляется как механизм события, и на этом основании криминалистический аспект проблемы причинности следует рассматривать с содержательной стороны процесса установления механизма преступного деяния.

Криминалистика исследует следы преступления в широком смысле этого слова. Распознанные посредством использованной процессуальной формы в процессе расследования, эти следы становятся доказательствами преступления. Однако в криминалистической интерпретации, исходя из «следовой картины преступления», их содержание обретает определенную специфику, которая основана на важном свойстве цепи причинения, указывающей на ее пространственную и временную непрерывность. В связи с этим И.В. Кузнецов отмечает, что «ни в каком месте любой цепи причинения нет разрывов, то есть не существует таких явлений, которые, будучи причиной и следствием, оказались бы разделенными конечным пространственным промежутком, не заполненными некоторыми другими явлениями, охватывающими все точки этого промежутка, без каких-либо пропусков. Это значит, что когда имеется причинная, генетическая связь двух каких-либо явлений, находящихся в одной и той же области пространства, но разделенных конечным промежутком времени, тогда между этими явлениями существует множество других причинно-связанных событий, которые смежны во времени и в своей совокупности образуют непрерывный временной процесс, соединяющий указанные два события в органически слитое единство» [12, с. 8].

Событие преступления (механизм его реализации) является процессом, который от начала возникновения умысла на его совершение и до

достижения преступного результата представляет собой непрерывную в пространстве и времени череду действий, отражение которых в их связи можно считать «следовой картиной преступления». Криминалистическое распознавание и закрепление указанной следовой картины в соответствующих процессуальных формах выражает процесс доказывания.

Распознавание механизма события преступления криминалистическими способами и средствами протекает в соответствии со следами-отражениями в динамике развития причинно-следственных связей. На этом основании возникает вопрос: как происходит «техническая» реализация механизма этой динамики? Ответ можно найти в трудах И.В. Кузнецова, который характеризует динамику причинно-следственных связей как «перенос структуры от причины к следствию, то есть воспроизведение в ходе причинения структуры причины в структуре следствия, «отображение» первой во второй» [12, с. 17]. Это можно рассматривать как частный случай переноса криминалистически значимой информации, например, от орудия, использованного при совершении преступления (причина), на объект, в отношении которого оно использовано (следствие). Если в связи с этим рассматривать преступление как явление, то это означает перенос всей структуры преступления (причины) на преступный результат (следствие).

Необратимость причинно-следственных связей во времени достоверно свидетельствует о том, что результат отражения как конечная фаза этого процесса является односторонне направленным во времени. Причинную связь конкретного противоправного деяния мы как бы вырываем из всеобщей универсальной связи, то есть причина и следствие представления, имеющие значение только применительно к отдельному частному случаю, рассматриваются в процессе расследования.

В соответствии с изложенным можно отразить некоторые криминалистические аспекты причинности в процессе доказывания, в соответствии с которыми она: 1) характеризуется свойством цепи причинности (пространственная и временная непрерывность); 2) динамикой развития причинно-следственных связей; 3) необратимостью во времени.

Механизм события преступления актуализирован процессом расследования изначально. В ходе первоначального этапа расследования (иногда в стадии доследственной проверки) следователь формирует мысленную модель механизма события преступления, где криминалистическим «материалом» выступают материальные «отпе-

чатки» преступной деятельности, зафиксированные осмотром места происшествия, и (или) ее идеальные «отпечатки», установленные вербальными способами.

В соответствии с диалектическим методом познания преступление в качестве отражаемого объекта вызывает количественные и качественные изменения в окружающей его среде. Они касаются как обстановки совершения преступления (под которой понимается проявление качества и пространственных связей объектов, составляющих в своем комплексе место происшествия), так и других объектов, связанных с ее содержанием и характеристиками [6]. Это означает, что обстановка места происшествия характеризует условия совершения преступления, которые в известной мере детерминируют его механизм, так как являются причиной отдельных элементов события (например, причиной выбора орудия совершения преступления). С другой стороны, эти условия могут быть и следствием события преступления, так как влекут за собой изменения среды, окружающей преступное событие.

Между тем отношение причинно-следственных связей обстановки места происшествия и механизма преступления будет ошибочно связывать по типу отношений формы и содержания, так как преступление к моменту начала расследования представляет собой событие прошлого; не всякие изменения в обстановке места преступления характеризуются как криминальные изменения; отражение (обстановка места происшествия) зависит от отражаемого (механизм преступления), тогда как отражаемое от отражения не зависит. Диалектический метод познания, кроме того, учит, что форма всегда выражает содержание, его структуру, а на этом основании нельзя объяснить, что одни и те же изменения обстановки могут быть следствием разных по своей уголовно-правовой природе событий.

В связи с этим криминалистически правильным выглядит вывод о необходимости установления связи механизма события преступления и обстановки места происшествия, без объединения их в одно целое, по типу отношений формы и содержания.

Рассматривая криминалистические аспекты распознавания причинных связей, нельзя ограничиваться исследованием исключительно обстановки места происшествия. Она не является конечным результатом преступной деятельности. Им являются общественно опасные последствия преступного деяния (или возможность их наступления). Эти факты могут и не отразиться в данных обстановки места происшествия по причине того,

что она отражает не результат преступного деяния, а только действия преступника, обусловленные его желанием наступления преступного результата.

Криминалистически правильно расценивать обстановку места происшествия в качестве структуры, и в процессе производства осмотра места происшествия криминалистическими способами и средствами предпринимать действия по распознаванию начального состояния этой структуры, а затем посредством следственной деятельности предпринимать усилия по установлению фактов изменений, произошедших в обстановке, что означает установление причины и следствия.

В связи с этим Ю.И. Ильченко [13, с. 8] отмечал, что мысленное проникновение в механизм преступления по материальной обстановке имеет некоторую специфику, которая заключается в изучении минимум двух различных состояний структуры, а это почти всегда затруднено рядом объективных причин: во-первых, происхождение некоторых следов не всегда удается установить в начале изучения материальной обстановки, что не позволяет четко разграничить исходное состояние структуры и его конечный результат; во-вторых, информация об этих двух состояниях, получаемая из нескольких источников (кроме изучения обстановки, объяснения свидетелей, потерпевших и пр.), в силу объективных причин, могущих быть связанными с особенностями восприятия события или условиями, в которых оно протекало, бывает противоречивой. Эти затруднения, однако, могут компенсироваться внимательным и целеустремленным установлением обстоятельств события.

Изменения обстановки места происшествия как следствия не отражают в целом причины, то есть всего механизма события преступления, все отражающие объекты не исчерпываются такой обстановкой, они намного шире. В связи с этим изменение обстановки не есть полное отражение механизма события. Нельзя сводить существо механизма события преступления к изменению обстановки на месте происшествия, так как это может повлечь за собой ошибочное представление о том, что преступление совершено исключительно только этим путем. Эти изменения могут в отдельных случаях носить и не криминальный характер, то есть не будут причинно связаны с преступлением. Однако и не криминальные изменения также следует учитывать для правильного причинно-следственного пути распознавания и объяснения механизма преступления, с которым они могут быть генетически связаны.

Механизм преступления как представление следователя о его материально фиксированных и идеальных следах-отражениях, обнаруженных

на месте происшествия, согласно логике, предполагает вслед за их изучением соответствующее гипотетическое объяснение (следственная версия о механизме преступления). В связи с этим справедливо утверждение, что «для установления механизма преступления предположение о причинах, вызвавших изменения в обстановке места события, о структуре и содержании связи между отражаемым объектом и результатом отражения, то есть в общем виде – о причине и следствии, должны стать достоверным знанием» [6, с. 113].

Правильность представления о механизме преступления должна быть доказана, что представляет для следователя определенные сложности, так как процесс доказывания причинно-следственных связей обусловлен его умозрительным и оценочным характером, и только отдельные проявления указанных связей могут выступать в материализованном виде.

В связи с этим следует отметить, что возникающая в процессе совершения противоправного деяния причинно-следственная связь в ходе расследования преступления не изменяема и не может быть уничтожена. Она уже осуществилась и не существует как материальный объект, а может лишь только проявляться в них как элементах подобной связи.

Криминалистически важное значение имеет вопрос методологии доказывания механизма совершенного преступления, что представляет собой частный случай проблемы доказывания причинно-следственной связи. Следует отметить, что данная проблема исследована еще недостаточно. В логическом словаре-справочнике Н.И. Кондаков [14, с. 349] приводит основные логические методы, в соответствии с которыми возможно проведение исследований причинно-следственных связей. Напомним эти методы. Они выражены в виде правил, сформулированных Дж. С. Миллем [15, с. 345 – 361].

1. *Метод схождения.* «Если два или более случаев подлежащего исследованию явления имеют общим лишь одно обстоятельство, в котором только и согласуются все эти случаи, это есть причина (или следствие) данного явления».

2. *Метод различия.* «Если случай, в котором исследуемое явление наступает, и случай, в котором оно не наступает, сходны во всех обстоятельствах, кроме одного, встречающегося лишь в первом случае, то это обстоятельство, в котором одним только и разнятся эти два случая, есть следствие, или причина, или необходимая часть причины явления».

3. *Соединенный метод схождения и различия.* «Если два или более случая возникновения явления имеют общим одно лишь обстоятельство, и два или

более случая не возникновения того или иного явления имеют общим только отсутствие того же самого обстоятельства, в котором только и разнятся оба ряда случаев, есть или следствие, или причина, или необходимая часть причины изучаемого явления».

4. *Метод сопутствующих изменений.* «Всякое явление, изменяющееся определенным образом всякий раз, когда некоторым особым образом изменяется другое явление, есть либо причина, либо следствие этого явления, либо соединено с ним какой-либо причинной связью».

5. *Метод остатков.* «Если из явления вычесть ту его часть, которая, как известно из прежних индукций, как следствие некоторых определенных предыдущих, то остаток данного явления должен быть следствием остальных предыдущих».

Эту же методологию для установления причинной связи в доказывании преступлений предлагает использовать З.М. Соколовский. Он считает, что данные методы фактически уже используются следствием для доказывания и распознавания причинности в механизме преступления. На его взгляд, этому «не препятствует ни “множественность причин”, ни “смешение следствий”, с которыми часто сталкиваются лица, ведущие расследование, и суд» [11, с. 7].

Однако все пять приведенных выше логических приемов распознавания и установления причинной связи между явлениями указывают на то, что необходимым условием для их применения является наличие двух и более сравнительных явлений. Но предварительное расследование преступления и его судебное рассмотрение всегда протекает в аспекте исследования единичного явления, которым следует считать конкретное преступление. Преступление всегда отличается от преступления, даже если его обстоятельства совершения и расследования сходны, идентичности этих явлений быть не может. В связи с этим сопоставление расследованных преступлений с расследуемым преступлением в целях применения указанных логических приемов распознавания и установления причинной связи всегда позволит сделать только вероятностный вывод, основанный на аналогии, что исключает искомое доказательственное значение.

Возникает вопрос: как следует поступать в процессе предварительного расследования и его судебного рассмотрения, для того чтобы было возможным объективно распознать и установить причинно-следственную связь механизма преступного события?

С учетом приведенных выше логических приемов в процессе расследования преступлений и

их рассмотрения судом необходимо использовать экспериментирование, то есть воспроизводить интересующее следователя (суд) явление в необходимом количестве раз и изменяемых условиях столько раз, чтобы можно было использовать логические приемы для удостоверения наличия причинной связи явлений.

Так полагает и З.М. Соколовский, который, исключая специальные познания для установления причинной связи, отдает приоритет следственному эксперименту. Он считает, что в соответствии с требованиями логического метода единственного различия или метода сопутствующих изменений следственный эксперимент следует проводить дважды, то есть в условиях, когда явление, проверяемое в качестве причины, воспроизводится, а в другой – исключается или изменяется. Сравнение их результатов позволит сделать следующий вывод: в ситуации, когда исключение (изменение) проверяемой причины не оказывает влияния на результат, причинная связь отсутствует, а в ситуации, когда оказывает влияние, – присутствует.

Это вызывает серьезные возражения относительно безупречности и объективности результата для всего процесса предварительного расследования и судебного рассмотрения преступления по причине того, что экспериментальному исследованию невозможно подвергнуть все обстоятельства, связанные с исследованием механизма преступления, в отношении которых следует рассматривать вопрос о причинно-следственной связи. Не всегда представляется возможным обеспечить необходимую степень сходства между условиями и содержанием экспериментального и проверяемого события, кроме того, возможности следственного эксперимента не всегда позволяют исключить (изменить) предполагаемую причину.

Следственный эксперимент нельзя считать основным криминалистическим средством распознавания и установления причинно-следственной связи по причине ограниченности его возможностей.

Полагаем, не следует абсолютизировать возможности как отдельного следственного действия (их группы), так и отдельного криминалистического приема (их группы) для распознавания и установления причинной связи в механизме преступного события. Этой цели следователю (судье) всегда могут способствовать известные логические приемы мышления, любые процессуальные действия и криминалистические приемы.

В связи с этим особая роль отводится специальным знаниям. В соответствии со сложившейся судебной-следственной практикой эксперт, проведя исследование, вправе давать заключение о наличии (отсутствии) причинной связи между явлени-

ями, однако только в экспертных ситуациях, когда закономерности развития явлений, образующих проверяемую причинную связь, полностью охватываются его компетенциями и специальными знаниями. Это могут быть все обстоятельства механизма преступления и наступивший преступный результат. В такой ситуации установление причинной связи следователем (судом) с одной стороны и судебного эксперта с другой – совпадает.

Исследуя проблему распознавания криминалистических аспектов причинности в связях элементов механизма преступления, нельзя обойти вниманием производные доказательства. Особое значение среди них отводится вещественным доказательствам. Отметим, что доказательственное значение имеет не сама вещь, а исключительно ее отдельные признаки и свойства, которые могут быть существенными с точки зрения качества вещи и неотделимыми от нее, но могут быть и несущественными – внутренними и внешними. Данный вид доказательств предварительное расследование и суд могут получить исключительно на основе копии (слепок «свойств-доказательств»), относящихся к категории внешних, поверхностных, поддающихся воспроизведению в силу своего содержания, ибо нельзя получить адекватную копию вещи, но можно воспроизвести некоторые ее свойства как элементы общности нескольких материальных тел. Исследование производных вещественных доказательств основано на получении в этом процессе определенных их свойств, которые могут быть использованы в качестве средств распознавания и установления причинной связи. В значительной степени это связано с экспертными возможностями установления причинно-следственных отношений.

Обсуждение и заключения

Анализируя приведенные выше рассуждения, связанные с отношениями «уголовно-правовая – уголовно-процессуальная – криминалистическая причинность», можно отметить, что их соответствия имеют прямую зависимость между собой, установление которой в процессе предварительного расследования преступлений и их судебного рассмотрения является важной задачей правоохранительной деятельности при использовании уголовно-правовых методов ее регулирования.

Правильное понимание этой зависимости практиками является важным условием обеспечения законности при решении задач уголовного судопроизводства.

Приведенные в статье криминалистические данные, связанные с особенностями распознавания и установления причинности, представляются нам некими основами сложного процесса,

который включает в свое содержание усмотрение теоретических положений, связанных с установлением уголовно-правовой и уголовно-процессуальной причинности в расследовании преступлений и их судебном рассмотрении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Прошляков А.Д. Взаимосвязь материального и процессуального уголовного права: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург. 1997. С. 7 – 11.
2. Васильченко А.А. Взаимосвязь уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношений: монография. М.: Осъ-89, 2006. С. 178 – 180.
3. Матусовский Г.А. Криминалистика в системе научных знаний. Харьков: Виша шк., 1976. С. 68, 69 – 71.
4. Головин А.Ю. Криминалистическая систематика: монография / под ред. Н.П. Яблокова. М.: ЛексЭкс, 2002. С. 30 – 31.
5. Смахтин Е.В. Криминалистика: соотношение с уголовным и уголовно-процессуальным правом: монография / под общ. ред. А.С. Подшибякина. М.: Юрлитинформ, 2009.
6. Белкин Р.С., Винберг А.И. Криминалистика. Общетеоретические проблемы. М.: Юридическая литература, 1973. С. 104.
7. Строгович М.С. Материальная истина в советском уголовном процессе. М., 1955. С. 351.
8. Гродзинский М.М. Улики в советском уголовном процессе // Ученые труды ВИЮН. М., 1944. Вып. 7.
9. Эйсман А.А. О формах связи косвенных доказательств // Вопросы криминалистики. 1964. № 11. С. 15.
10. Эйсман А.А. Заключение эксперта. Структура и научное обоснование. М., 1967. С. 8.
11. Соколовский З.М. Проблема использования в уголовном судопроизводстве специальных знаний при установлении причинной связи явлений: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Харьков. 1968. С. 7.
12. Кузнецов И.В. Категория причинности и ее познавательное значение // Теория познания и современная наука. М., 1967. С. 8.
13. Ильченко Ю.И. Тактические приемы исследования материальной обстановки места происшествия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1968. С. 8.
14. Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. М.: Наука, 1976. С. 349.
15. Милль Дж. С. Система логики силлогистической и индуктивной. М., 1914. С. 345 – 361.

REFERENCES

1. Proshlyakov A.D. Vzaimosvyaz' material'nogo i processual'nogo ugovnogo prava: dis. ... d-ra yurid. nauk. Ekaterinburg. 1997. S. 7 – 11.
2. Vasil'chenko A.A. Vzaimosvyaz' ugovno-pravovyh i ugovno-processual'nyh otnoshenij: monografiya. M.: Os'-89, 2006. S. 178 – 180.
3. Matusovskij G.A. Kriminalistika v sisteme nauchnyh znaniy. Har'kov: Visha shk., 1976. S. 68, 69 – 71.
4. Golovin A.YU. Kriminalisticheskaya sistematika: monografiya / pod red. N.P. Yablokova. M.: LeksEHks, 2002. S. 30 – 31.
5. Smahtin E.V. Kriminalistika: sootnoshenie s ugovnym i ugovno-processual'nym pravom: monografiya / pod obshch. red. A.S. Podshibyakina. M.: YUrlitinform, 2009.
6. Belkin R.S., Vinberg A.I. Kriminalistika. Obshcheteoreticheskie problemy. M.: YUridicheskaya literatura, 1973. S. 104.
7. Strogovich M.S. Material'naya istina v sovetskom ugovnom processe. M., 1955. S. 351.
8. Grodzinskij M.M. Uliki v sovetskom ugovnom processe // Uchenye trudy VIYUN. M., 1944. Vyp. 7.
9. EHjsman A.A. O formah svyazi kosvennyh dokazatel'stv // Voprosy kriminalistiki. 1964. №11. S. 15.
10. EHjsman A.A. Zaklyuchenie ehksperta. Struktura i nauchnoe obosnovanie. M., 1967. S. 8.
11. Sokolovskij Z.M. Problema ispol'zovaniya v ugovnom sudoproizvodstve special'nyh znaniy pri ustanovlenii prichinnoj svyazi yavlenij: avtoref. dis. ... dokt. yurid. nauk. Har'kov. 1968. S. 7.
12. Kuznecov I.V. Kategoriya prichinnosti i ee poznavatel'noe znachenie // Teoriya poznaniya i sovremennaya nauka. M., 1967. S. 8.
13. Il'chenko YU.I. Takticheskie priemy issledovaniya material'noj obstanovki mesta proisshestiya: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. M., 1968. S. 8.
14. Kondakov N.I. Logicheskij slovar'-spravochnik. M.: Nauka, 1976. S. 349.
15. Mill' Dzh. S. Sistema logiki sillogisticheskoy i induktivnoj. M., 1914. S. 345 – 361.

Об авторе: Комаров Игорь Михайлович, доктор юридических наук, профессор кафедры криминалистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

e-mail: mgu.ikomarov@mail.ru

© Комаров И.М., 2017

Статья получена: 14.10.2017. Статья принята к публикации: 12.12.2017.

Статья опубликована онлайн: 20.12.2017.

About the author: Komarov Igor' M., Doctor of Legal Sciences (Higher Doctorate), Professor in Department of Criminalistics of Moscow State University named after M.V. Lomonosov

e-mail: mgu.ikomarov@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final version of the manuscript.

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ КАЗАНСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ

Шевко Н.Р., Шмелева О.Г., Хадиуллина Г.Н.

Обеспечение экономической безопасности в банковской сфере при использовании инструментов электронного банкинга : монография / Н.Р. Шевко, О.Г. Шмелева, Г.Н. Хадиуллина. – Казань : КЮИ МВД России, 2017. – 89 с.

Монография содержит научное обоснование принципов, форм и методов обеспечения экономической безопасности финансовых операций при использовании средств электронного банкинга.

Предназначена для профессорско-преподавательского состава, слушателей и курсантов образовательных организаций системы МВД России.

Е.Г. Сахарова

**ЗНАЧЕНИЕ ЛИЧНОСТИ ПОТЕРПЕВШЕГО КАК ОБЪЕКТА
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ
ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ**

**THE VALUE OF THE IDENTITY OF THE VICTIM AS AN OBJECT
OF FORENSIC INVESTIGATION IN THE INVESTIGATION
OF PERSONAL INJURY**

Введение: в статье рассматривается личность потерпевшего как элемент криминалистической характеристики преступлений, связанных с причинением вреда здоровью, акцентируется внимание на корреляционных связях личности потерпевшего и иных элементов криминалистической характеристики преступлений указанной категории.

Материалы и методы: в процессе исследования применялись следующие методы: анализ, синтез, статистическая обработка данных, обобщение судебной и следственной практики.

Результаты исследования: проведенное исследование позволило сделать вывод, что личность потерпевшего является обязательным элементом криминалистической характеристики преступлений, связанных с причинением вреда здоровью. Потерпевший является активным участником криминальной ситуации и активно оказывает влияние на развитие возникшего конфликта. Практическое значение установления подробных сведений о личности потерпевшего заключается в том, что он напрямую связан с личностью преступника, а также мотивами, целями, местом, временем и способами совершения преступления. При этом значение имеют не только собственные (внутренние) характеристики личности потерпевшего, но и круг его связей, социальные и деловые качества и отношения, складывающиеся с окружающими.

Обсуждение и заключения: предлагается набор характеристик личности, которые необходимо установить при изучении личности потерпевшего, а также указываются основные виды корреляционных связей и зависимостей личности потерпевшего, которые могут быть использованы для выдвижения версий.

Ключевые слова: потерпевший, личность, криминалистическая характеристика, вред здоровью, корреляционные связи

Для цитирования: Сахарова Е.Г. Значение личности потерпевшего как объекта криминалистического исследования при расследовании причинения вреда здоровью // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2017. Т. 8, № 4. С. 83 - 88. DOI: 10.24420/KUI.2017.4(30).8619.

Introduction: the efficiency of investigation of crimes largely depends on the completeness of the information gathered about the victim, as analysis of his personality makes it possible to identify the causes and conditions of conflict, to determine the mechanism of its development, to solve many of the issues that are important to establishing the truth during the investigation. The paper discusses the identity of the victim as an element of criminalistic characteristics of this category of crimes, the author focuses on the correlations of the personality of the victim and other elements of criminalistic characteristics of crimes connected with causing of harm to health.

Materials and Methods: in the process of research the following methods were used: analysis, synthesis, statistical data processing, generalization of judicial and investigation practices.

Results: the conducted research allowed to draw conclusions about what the identity of the victim is an indispensable element of criminalistic characteristics of crimes connected with causing of harm to health. The victim is an active participant in the crime situation and actively influence the development of the conflict. The practical importance of setting out detailed information about the identity of the victim is that it is directly linked with the identity of the offender, motives, purposes of the offence, place and time of the crime and how crimes. The value of not only its own (internal) characteristics of the individual victim as well as the circle of his relations, social and business qualities and relations with others.

Discussion and Conclusions: recommendations on the list of personality characteristics that need to be installed in the study of the personality of the victim, as well as the main types of correlations and dependencies of the individual victim, which can be used for the nomination of versions, are given.

Key words: victim, personality, criminological characteristics, injury correlation

For citation: Saharova E.G. The Value of the Identity of the Victim as an Object of Forensic Investigation in the Investigation of Personal Injury// Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2017. V. 8, № 4. P. 83 - 88. DOI: 10.24420/KUI.2017.4(30).8619.

Введение

Анализируя состояние преступности за последние пять лет, можно констатировать, что количество преступлений, квалифицируемых как причинение тяжкого вреда здоровью, имеет тенденцию к незначительному снижению, однако продолжает оставаться высоким. Также необходимо отметить, что, несмотря на снижение количества подобных преступлений, раскрываемость их еще не достигла 100 %¹. Согласно статистическим данным количество преступлений, квалифицируемых как причинение тяжкого вреда здоровью, в январе-сентябре 2017 г. составило 18 949, что на 11,3 % ниже, чем за аналогичный период 2016 г., а раскрываемость подобных преступлений в январе-сентябре 2017 г. составила 16 872 факта, что на 13 % меньше, чем за аналогичный период 2016 г.² Полагаем, что эффективность расследования рассматриваемой категории преступлений во многом зависит от полноты собранной информации обо всех криминалистически значимых обстоятельствах совершенного преступления, к числу которых относятся как личность лица, совершившего преступление, так и личность потерпевшего, информация об их поведении до и в момент совершения преступления.

Личность потерпевшего является объектом изучения многих наук уголовно-процессуального цикла (криминологии, уголовного права, а также криминалистической науки). Интерес к потерпевшему как участнику преступного события обусловлен значимостью комплексного изучения его личности для получения сведений, необходимых для раскрытия, расследования и предупреждения преступлений, для определения наиболее эффективной тактики действий лиц, осуществляющих производство по уголовному делу.

Обзор литературы

Изучению личности потерпевшего в криминалистике уделялось пристальное внимание в трудах В.В. Вандышева [1], П.П. Цветкова [2] и др. При этом внимание ученых акцентировалось на личности потерпевшего как объекте преступного посягательства. В современных научных исследованиях расширен диапазон вопросов, касаю-

щихся изучения личности потерпевшего в связи с расследованием уголовных дел. Информация о личности потерпевшего используется для разработки тактики производства следственных действий или, например, для описания элементного состава криминалистической характеристики преступлений и т.д. [3].

Несомненно, личность потерпевшего, его поведение входят в совокупность явлений, характеризующих преступное событие, и являются неотъемлемой частью объективной обстановки преступления. Характеристика его личности является обязательным структурным элементом криминалистической характеристики преступлений, связанных с причинением вреда здоровью. Как отмечал Е.Е. Центров, потерпевший «представляет не только как отражающий объект, несущий на себе следы преступного воздействия, но и как объект отражаемый, вносящий определенные изменения в окружающую обстановку и образующий своими действиями определенную доказательственную информацию» [4, с. 23].

Преступные действия, связанные с причинением вреда здоровью, относятся к такой категории преступлений, при расследовании которых изучение личности потерпевшего и оценка его поведения до преступления, в момент его совершения и после являются обязательными. Таким образом, формирование криминалистической характеристики рассматриваемых преступлений должно сопровождаться анализом подробных сведений о личности потерпевшего, который напрямую связан с личностью преступника, мотивами, целями совершения, способом преступления. При этом значение имеют не только собственные (внутренние) характеристики личности потерпевшего, но и круг его связей, социальные и деловые качества и отношения, складывающиеся с окружающими. Потерпевший как участник преступного события обладает комплексом личностных качеств, обуславливающих его поведение. Как отмечал В.И. Шиканов, «преступник» и «жертва» проявляют себя не только как системы сами по себе и не только как части более пространной системы «преступление», они, кроме

¹ Состояние преступности в России (архивные данные). URL: <https://xn--b1aew.xn--plai/Deljatelnost/statistics>. (дата обращения: 18.10.2017).

² Состояние преступности в России за январь-август 2017 г. URL: <https://xn--b1aew.xn--plai/folder/101762/item/11341800/>. (дата обращения: 18.10.2017).

того, являются важнейшими структурными элементами криминалистической характеристики преступления» [5, с. 14].

Выявление данных о личности потерпевшего и его поведении во время преступных действий, направленных на причинение вреда здоровью, необходимое для установления обстоятельств расследуемого преступления, и в особенности мотивов его совершения, влияет на определение степени общественной опасности подсудимого при назначении ему наказания.

Общеизвестно, что различные факторы субъективного и объективного характера, в том числе конкретная жизненная ситуация, в которой оказался человек, могут оказывать влияние на его действия. Под их влиянием у морально неустойчивой, склонной к совершению правонарушений личности высока степень вероятности зарождения умысла на совершение преступления. Среди обозначенных выше факторов объективного характера можно выделить жертву преступления, которая зачастую вызывает у преступника идею совершения в отношении нее противоправного деяния.

В криминалистической науке ученые выделяют в качестве отдельной частной криминалистической теории криминалистическое учение о потерпевшем, именуемое криминалистической виктимологией [5, 6]. Преступления, связанные с причинением какого-либо вреда здоровью, в большей степени относятся к преступлениям виктимного характера, поскольку значительная их часть совершается в условиях, когда сам потерпевший создает негативную обстановку, благоприятствующую совершению в отношении него преступления.

С криминалистических позиций изучение личности потерпевшего позволяет разработать более совершенные методические рекомендации по расследованию преступлений в части выдвижения возможных следственных версий, установления истинных мотивов преступления, избрания наиболее эффективной тактики проведения следственных действий с участием потерпевшего, таких как допрос, очная ставка и другие. Для решения перечисленных задач при работе с потерпевшим следует уделять внимание психологическим сторонам его личности, в структуре которой можно выделить следующие составляющие компоненты: ценностная направленность; поведение до, в период и после совершения противоправного деяния, которое может характеризоваться как положительно, так и отрицательно; неосознаваемая виктимность, проявляющаяся в поведении и действиях.

На первоначальном этапе расследования, когда в распоряжении следователя (дознавателя) имеется минимальный объем информации об обстоятельствах совершения рассматриваемой категории преступлений, потерпевший является одним из важных источников получения сведений, характеризующих личность преступника и располагающих информацией о его внешности, объясняющих подлинные мотивы преступления. Наступившие преступные последствия отражаются на психическом и физическом состоянии жертвы и могут указать на особенности лица, совершившего преступление.

Материалы и методы

Используемые в процессе исследования методы научного анализа, синтеза, статистической обработки данных, обобщения судебной и следственной практики позволили проанализировать и обобщить теоретические положения, касающиеся предмета исследования, эмпирические данные и сделать соответствующие выводы.

Результаты исследования

Результаты проведенного исследования [7] позволяют сделать вывод о том, что жертвами рассматриваемой группы преступлений являются лица различных категорий, исходя из возрастных, половых характеристик, имеющие различный уровень образования, относящиеся к разным социальным группам. Установлено, что в 65,3 % случаев потерпевшими становятся лица мужского пола, а лица женского пола соответственно в 34,7 %. Превышение количества лиц мужского пола, оказавшихся потерпевшими по рассматриваемой категории преступлений, мы объясняем тем, что их поведение носит более агрессивный характер, в результате чего мужчины чаще оказываются в обстановке, создающей угрозу причинения вреда их здоровью.

Исследование возраста потерпевших позволило выявить корреляционные связи между возрастом, способом преступлений и личностью преступников. Так, во многих случаях совершения преступлений в отношении лиц детского и преклонного возраста отмечаются хулиганские мотивы. Это обусловливается физической слабостью указанной категории лиц и ограниченной способностью к оказанию сопротивления.

Определяя социальные характеристики личности потерпевших по преступлениям, связанным с причинением вреда здоровью, следует отметить, что потерпевшие не отличались высоким образовательным уровнем. Большинство из них имели среднее общее образование (48,2 %), а 15,8 % получили основное общее образование (9 классов), и

далее по степени убывания: среднее профессиональное, неоконченное высшее, высшее. Низкий уровень образования и воспитания во многом способствует формированию низкого уровня интеллекта, что обуславливает узкий, ограниченный круг духовных интересов, потребностей и запросов. Отсюда следует, что чем выше уровень образования, тем больше степень вероятности, что лицо окажется в ситуации, провоцирующей конфликт и причинение вреда его здоровью.

Характеризуя межличностные связи преступников и потерпевших по рассматриваемым преступлениям, можно сделать вывод о совпадении их отношений друг к другу, между собой, образа жизни, поведения в быту, мировоззрения.

Как отмечает В.Л. Васильев, в конфликтной ситуации на поведение потерпевшего оказывает влияние его правосознание: «Знание закона и своих прав дает дополнительные возможности при отражении преступного нападения, создает убежденность в правоте своих действий, препятствующих преступному посягательству», не выходя при этом за установленные законом для подобной ситуации рамки (институт необходимой обороны и т.д.) [8, с. 363].

В изученных уголовных делах в большинстве случаев действия потерпевшего оказали влияние на факт совершения в отношении него преступления. Поведение потерпевшего образует условия для создания обстановки, благоприятствующей совершению преступления. Линия поведения потерпевшего может оказывать влияние на степень виновности обвиняемого, а возможно, и исключать ее (например, при совершении преступления в состоянии необходимой обороны или состоянии аффекта). Зачастую сами потерпевшие создают почву для совершения в отношении них преступления, провоцируя это своим вызывающим, аморальным, а иногда и противоправным поведением.

Виктимностью является реализованная преступным событием «предрасположенность стать в той или иной ситуации жертвой преступления или неспособность избежать посягательства, покушения там, где можно было бы предотвратить» [9, с. 245].

По изученной категории преступлений выявлено, что поведение потерпевшего до совершения в отношении него преступления и непосредственно в момент причинения вреда его здоровью может быть:

а) положительным, характеризующимся тем, что потерпевший защищает себя от неправомерных действий преступника или осуществляет защиту третьих лиц от нападений, а также требует

прекращения противоправных действий или пресекает их;

б) негативным, характеризующимся тем, что сам потерпевший допускает противоправное поведение, т.е. нарушает установленные правовые нормы (оскорбляет, является инициатором скандалов, издевается, нападает и осуществляет иные ненадлежащие поступки, провоцирующие негативную реакцию на них окружающих) или допускает виктимное поведение, при котором нарушаются нормы нравственности и морали или осуществляется провокация негативного поведения в отношении потерпевшего;

в) нейтральным, подразумевающим такое поведение, которое не способствует и не препятствует преступнику (состояние сна, беспомощное состояние и т.п.).

Вышеизложенное можно подтвердить результатами ранее проведенного исследования [7]. Так, перед преступным посягательством на потерпевшего его поведение выглядело следующим образом: обоюдная ссора – 48,4 %; распитие спиртных напитков вместе с подозреваемым – 36,6 %; инициирование ссоры, драки своими словами, действиями – 17,1 %; нейтральное поведение по отношению к подозреваемому – 8,9 %.

Результаты проведенного исследования также позволили сделать следующие выводы: провоцирующее поведение будущих потерпевших наиболее часто выражалось в оскорблении, унижении, угрозе причинения вреда здоровью или ином ненадлежащем поведении – 63,0 %; поведении, провоцирующем ревность, – 20,7 %; наличии тревожного состояния, страха – 11,5 %; нанесении побоев – 24,0 % и др. Как правило, перечисленные варианты поведения потерпевших выступают в комплексе.

Как уже было отмечено, между личностью потерпевшего и личностью преступника как элементами криминалистической характеристики существует корреляционная взаимосвязь. Еще раз подчеркнем, что особо важными для раскрытия и расследования преступлений являются сведения о закономерных взаимосвязях между свойствами личности отдельных типов преступников и выбором ими жертв конкретных типов, а также характерных мест и времени совершения преступлений. В большем количестве случаев по изученным преступлениям потерпевший был связан с преступником родственными отношениями – 46,6 %, и в 42,6 % случаях преступные деяния были совершены в квартире, где проживают преступник и жертва. В 33,2 % уголовных дел обвиняемый и потерпевший знали друг друга по месту жительства, работы, учебы или познакоми-

лись при иных обстоятельствах. Только в 3,6 % случаев обе стороны познакомились непосредственно перед совершением преступления или не были знакомы.

Особенности личности потерпевшего влияют не только на возникновение умысла на совершение в отношении него преступного деяния, но и на исход преступления, зависящий от способности и возможности потерпевшего оказывать сопротивление преступнику. В 51 % рассмотренных уголовных дел существовала реальная возможность сопротивления со стороны потерпевшего, а в 2,9 % случаев потерпевший предпринимал активные действия по оказанию сопротивления, например, душил нападавшего, наносил ему ответные удары руками и ногами. В 34,2 % случаев у потерпевшего не было возможности оказывать сопротивление, что было обусловлено беспомощным состоянием: сон; престарелый или малолетний возраст; большее количество преступников. Кроме названных причин, потерпевший не смог реализовать возможность к сопротивлению по причине внезапных действий преступника в 32,1 % дел.

Вышесказанное также подтверждается результатами проведенного исследования. Так, 89,2 % потерпевших в момент совершения в отношении них преступления находились в состоянии алкогольного или сильного алкогольного опьянения. Указанное состояние способствовало облегчению или ускорению совершения преступления, а также оказало влияние на их поведение, проявившееся в проявлении агрессии или, наоборот, в излишней пассивности. Например, гр. Х., придя домой в состоянии алкогольного опьянения, увидел спящей на полу свою сожительницу М., которая также находилась в состоянии алкогольного опьянения. Гр. Х. предпринял попытки переложить её на диван, но не смог. Придя в ярость, гр. Х. стал избивать М., нанося удары ногами и руками по

различным частям тела. В результате действий гр. Х. гр. М. был причинен тяжкий вред здоровью¹.

При расследовании уголовных дел о причинении вреда здоровью, при выдвижении версий о личности преступника необходимо учитывать также корреляционную зависимость между потерпевшим и преступником, характеризующуюся семейными и родственными связями. Как правило, на бытовой почве рассматриваемые преступления совершаются лицами, находящимися в зарегистрированном браке, в 21,3 % случаев; в гражданском браке – 18,4 %; в родственных отношениях – 6,7 %. С учетом того, что 42,6 % рассматриваемых преступлений совершаются по месту проживания преступника и потерпевшего, можно сделать вывод, что данные преступления распространены в сфере семейных отношений.

Сведения о личности потерпевшего, а также его поведении до и в момент совершения преступления могут быть получены при анализе обстановки на месте происшествия и наличии определенной совокупности следов рук, ног, физиологических выделений, борьбы и т.д., т.е. следовой картины, а также при допросах самого потерпевшего, подозреваемого, их родственников, знакомых, соседей.

Обсуждение и заключения

Всесторонний анализ личности потерпевшего дает возможность выявить причины и условия конфликта, определить механизм его развития, решить многие вопросы, важные для установления истины при расследовании. Потерпевший, как участник преступного события, напрямую связан с личностью преступника, мотивами, целями совершения преступления, способом преступления. Следовательно, по делам об умышленном причинении вреда здоровью изучение личности потерпевшего является обязательным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вандышев В.В. Изучение личности потерпевшего в процессе расследования: учебное пособие. Л.: ВПУ МВД СССР, ЛВК МВД СССР, 1989. 92 с.
2. Цветков П.П. Исследование личности обвиняемого. Л.: ЛГУ, 1973. 149 с.
3. Лушечкина М.А. Криминалистическое изучение личности в тактике расследования: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09.М., 2002. 217 с.
4. Центров Е.Е. Виктимологические аспекты криминалистики // Криминалистическая виктимология (вопросы теории и практики): сб. науч. тр. Иркутск: Иркутский гос. ун-т, 1980.
5. Шиканов В.И. Криминалистическая виктимология и практика расследования убийств: уч. пособие. Иркутск: Изд-во ИГУ, 1979. 46 с.
6. Шинкевич Н.Е. Актуальные проблемы криминалистической виктимологии: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Смоленск, 2004. 237 с.

¹ Архив Калининского районного суда г. Тюмени, уголовное дело. № 896.

7. Сахарова Е.Г. Теоретические и практические вопросы расследования умышленного причинения вреда здоровью: учебное пособие. Тюмень, 2009. 87 с.
8. Васильев В.Л. Юридическая психология. 3-е изд. СПб.: Питер, 2000. 608 с.
9. Уразаева Г.И. Психология виктимной личности. Казань: КЮИ МВД России, 2014. 284 с.

REFERENCES

1. Vandyshev V.V. Izuchenie lichnosti poterpevshego v processe rassledovaniya: uchebnoe posobie. L.: VPU MVD SSSR, LVK MVD SSSR, 1989. 92 s.
2. Cvetkov P.P. Issledovanie lichnosti obvinyaemogo. L.: LGU, 1973. 149 s.
3. Lushechkina M.A. Kriminalisticheskoe izuchenie lichnosti v taktike rassledovaniya: dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.09.M., 2002. 217 s.
4. Centrov E.E. Viktimologicheskie aspekty kriminalistiki // Kriminalisticheskaya viktimologiya (voprosy teorii i praktiki): sb. nauch. tr. Irkutsk: Irkutskij gos. un-t, 1980.
5. SHikanov V.I. Kriminalisticheskaya viktimologiya i praktika rassledovaniya ubijstv: uch. posobie. Irkutsk: Izd-vo IGU, 1979. 46 s.
6. SHinkevich N.E. Aktual'nye problemy kriminalisticheskoy viktimologii: dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.09.Smolensk, 2004. 237 s.
7. Saharova E.G. Teoreticheskie i prakticheskie voprosy rassledovaniya umyshlennogo prichineniya vreda zdorov'yu: uchebnoe posobie. Tyumen', 2009. 87 s.
8. Vasil'ev V.L. YUridicheskaya psihologiya. 3-e izd. SPb.: Piter, 2000. 608 s.
9. Urazaeva G.I. Psihologiya viktimnoj lichnosti. Kazan': KYUI MVD Rossii, 2014. 284 s.

Об авторе: Сахарова Евгения Григорьевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры организации расследования преступлений и судебных экспертиз Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России

e-mail: saxarowaewgenia@mail.ru

©Сахарова Е.Г., 2017

Статья получена: 10.10. 2017. Статья принята к публикации: 12.12.2017.

Статья опубликована онлайн: 20.12.2017.

About the author: Sakharova Evgenia G., PhD in Legal Sciences, Associate Professor of the Department of organization of crime investigation and forensic examinations, Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of Interior of the Russian Federation

e-mail: saxarowaewgenia@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

А.В. Горелик

**ВОЗМОЖНОСТИ ЭКСПЕРТНОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ
ДЕЛ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ,
СВЯЗАННЫХ С ПРИМЕНЕНИЕМ ПНЕВМАТИЧЕСКОГО
ОРУЖИЯ**

**POSSIBILITIES OF EXPERT SUPPORT OF ADMINISTRATIVE
OFFENCES, INVOLVING THE USE OF AIRGUNS**

Введение: в статье рассматривается существующее положение дел в административно-юрисдикционной деятельности полиции и судей, связанной с применением экспертиз по делам об административных правонарушениях, где орудием правонарушения выступает пневматическое оружие. В связи с распространенностью и опасностью указанных административно-правовых деликтов рассматривается проблема возможности и целесообразности проведения экспертиз по делам об административных правонарушениях.

Материалы и методы: в ходе работы над статьей применялись аналитический, технико-юридический и формально-юридический методы

Результаты исследования: установлены причины, затрудняющие процессуальную реализацию судебной экспертизы в производстве по делам об административных правонарушениях, предложены возможные пути решения.

Обсуждение и заключения: решение возникающих при назначении экспертизы вопросов не может проходить изолированно от других проблем производства по делам об административных правонарушениях. Это связано с тем, что эффективное использование всего спектра современных научно-технических средств в процессе раскрытия и расследования правонарушений усиливает гарантии прав участников производства по делам об административных правонарушениях и одновременно способствует объективизации процесса доказывания.

Ключевые слова: экспертиза, производство по делам об административных правонарушениях, ответственность, оружие

Для цитирования: Горелик А.В. Возможности экспертного сопровождения дел об административных правонарушениях, связанных с применением пневматического оружия // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2017. Т. 8, № 4. С. 89 - 94. DOI: 10.24420/KUI.2017.4(30).8620.

Introduction: the paper discusses the current state of Affairs in the administrative and jurisdictional activities of the police and judges associated with the use of examinations on Affairs about administrative offences where a weapon of offence stands air weapons. In connection with the prevalence and danger of these administrative and legal torts the problem of the possibility and feasibility of conducting examinations in cases of administrative offences is considered in connection with the prevalence and danger of these administrative and legal torts.

Materials and Methods: analytical, techno-legal and formal legal methods were applied.

Results: the causes that hinder the implementation procedure of judicial examination in the proceedings on cases of administrative offences, proposed possible solutions were revealed.

Discussion and Conclusions: the decision of the questions arising from the appointment of the examination cannot take place in isolation from other problems of manufacture on Affairs about administrative offences. It is connected with the fact that the effective use of the entire spectrum of modern scientific and technical means in the process of disclosure and investigation of offences reinforces the guarantees of the rights of participants of proceedings on cases of administrative offences and at the same time contributes to the objectification of the process of proof.

Key words: examination, manufacture on affairs about administrative offences, responsibility, weapon

For citation: Gorelik A. V. Possibilities of Expert Support of Administrative Offences, Involving the Use of Airguns // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2017. V. 8, № 4. P. 89 - 94. DOI: 10.24420/KUI.2017.4(30).8620.

Введение

Существующая в настоящее время в России относительная свобода в приобретении спортивного пневматического оружия, которое в соответствии со ст. 3 Федерального закона от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии» (далее – ФЗ об оружии) относится к гражданскому оружию, если его дульная энергия свыше 3 джоулей, по нашему мнению, не способствует стабилизации криминальной обстановки в Российской Федерации. При этом необходимо принять во внимание, что и иностранные граждане, наравне с гражданами Российской Федерации, вправе приобретать на территории России пневматическое оружие с дульной энергией не более 7,5 Дж и калибром до 4,5 мм включительно без получения лицензии (ч.4 ст. 13 и ч.2 ст. 14 ФЗ об оружии).

Результаты исследования

Как показывает анализ практики возбуждения сотрудниками полиции дел об административных правонарушениях по ст. 20.13 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) «Стрельба из оружия в отведенных для этого местах с нарушением установленных правил или в не отведенных для этого местах», зачастую орудием совершения указанного правонарушения, имеющего формальный состав, является пневматическое оружие (пистолеты, винтовки). Происходит это из-за отсутствия должного контроля со стороны как законных владельцев, так и публичной администрации. В итоге пневматическое оружие незаконно оказывается в руках граждан, в том числе несовершеннолетних, которые, развлекаясь, демонстративно осуществляют стрельбу в общественных местах, балансируя на грани преступления. Порой лишь везение спасает граждан от последствий, которые могут наступить, если будет произведен неосторожный выстрел в их сторону.

В связи с этим нам представляется, что законодателю пора предпринять меры, ограничивающие оборот так называемых «игрушек», т.е. изделий, дульная энергия которых менее 3 Дж, по факту пневматического оружия, так как «оружие как предмет повышенной опасности требует особого к себе подхода, со стороны как законодателя, так и иных субъектов, наделенных правотворческими полномочиями» [1, с. 8].

Также следует отметить, что у граждан, свободно приобретающих в «сувенирных» или даже в специализированных магазинах изделия, обладающие дульной энергией менее 3 Дж (согласно паспорту на изделие) и конструктивно схожие с пневматическим оружием, отсутствует гаран-

тия того, что в отношении них не будет осуществляться административное преследование по ст. 20.13 КоАП РФ.

Так, анализ судебной практики, проведенный Е.А. Смирновой, показывает, что при сборе доказательств по вышеприведенным ситуациям в случае назначения уполномоченным должностным лицом органа внутренних дел экспертизы в заключении эксперта исследуемые изделия достаточно часто идентифицируются как спортивное пневматическое оружие на том основании, что они имеют дульную энергию более 3 Дж, но не более 7,5 Дж. [2, с. 89]. По нашему мнению, причинами подобной ситуации являются погрешность в дульной энергии изделия, его брак, а также контрафактность.

Рассмотрим отдельные процессуальные и тактические особенности доказывания фактов стрельбы из оружия в не отведенных для этого местах.

Изъятие сотрудниками полиции у граждан пневматического оружия, как правило, осуществляется в результате проведения личного досмотра или досмотра вещей, находящихся при физическом лице (согласно ст. 27.7 КоАП РФ), как разновидностей административного принуждения в виде мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях. Составленные в связи с этим протоколы, согласно п. 1 ч. 4 ст. 28.1 КоАП РФ, являются формой принятия решения о возбуждении дела об административном правонарушении, что предполагает дальнейшее проведение баллистической экспертизы в соответствующих экспертно-криминалистических подразделениях территориальных органов внутренних дел (далее – ЭКП ОВД) согласно ст. 26.4 КоАП РФ. Напомним, что экспертиза по делам об административных правонарушениях представляет собой производство в установленном законом порядке основанных на специальных познаниях исследований различных объектов экспертами в науке, технике, искусстве или ремесле и даче заключений по поставленным перед ним вопросам. Заключение эксперта является доказательством по делам об административных правонарушениях. Инициаторами назначения экспертизы могут выступать субъект административной юрисдикции, лицо, привлекаемое к административной ответственности, потерпевший (по соответствующему ходатайству).

Интересно отметить, что, несмотря на отсутствие официальных статистических данных о количестве экспертиз по делам об административных правонарушениях в силу неурегулиро-

ванности этого вопроса нормативными правовыми актами со стороны МВД России, имеющиеся в нашем распоряжении сведения о количестве экспертиз по делам об административных правонарушениях, полученные в результате мониторинга ЭКП ОВД России, позволяют утверждать, что общее количество баллистических экспертиз, выполненных в ЭКП ОВД России в 2014-2015 гг., достигает нескольких тысяч.

Согласимся с мнением К.В. Ребца, который, рассматривая экспертизу, указывает в качестве ее целей установление сведений о фактах или вещах, на основе которых делается вывод о наличии или отсутствии события административного правонарушения и виновность лица [3, с. 130].

Представляется, что сотрудники полиции могут прогнозировать моменты, когда проведение экспертиз в рамках КоАП РФ целесообразно, особенно в тех случаях, когда необходимо заключение эксперта для установления тех или иных признаков административного правонарушения или для передачи материалов органам дознания, следствия для возбуждения уголовного дела.

В связи с этим представляется уместным мнение А.И. Каплунова, полагающего, что «возможности административно-процессуальных мер не сводятся только к “обслуживанию” производства по делам об административных правонарушениях. Они достаточно широко применяются и в связи с совершением деяний, содержащих признаки преступлений» [4, с. 424].

Тем не менее анализ судебной практики показывает, что суды при рассмотрении дел по статье 20.13 КоАП РФ, согласно которой орудием совершения административного правонарушения будет выступать пневматическое оружие, зачастую пренебрегают экспертными возможностями, не считая целесообразным назначать баллистические экспертизы, что в конечном итоге приводит к обжалованию защитниками решений в вышестоящих судах, с последующей отменой постановлений и прекращению производства по делу об административном правонарушении на основании п. 4 ч. 2 ст. 30.17 КоАП РФ.

Напомним, что в теории административного права определенную трудность вызывает вопрос, следует ли в КоАП РФ прописать случаи обязательного проведения экспертизы?

Так, в качестве случаев обязательного производства экспертизы Ф.П. Васильев предлагает следующий ряд административных правонарушений:

- повреждение материальных ценностей;
- правонарушение, связанное с употреблением спиртных напитков, наркосодержащих

веществ и т.п. [5, с. 306]. Похожую позицию занимает И.В. Орлов, который настаивает на проведении психиатрической экспертизы лица, привлекаемого к административной ответственности, на предмет определения вменяемости лица, в том числе и по административным правонарушениям, предусмотренным в главе 20 КоАП РФ [6].

С точки зрения Н.Н. Цуканова, проведение экспертизы по делам об административных правонарушениях является обязательным в тех случаях, когда без нее невозможно вынесение юрисдикционного решения, основанного на всестороннем, полном и объективном исследовании всех обстоятельств дела. Так, проведение экспертизы для определения психического состояния лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, является обязательным в тех случаях, когда возникает сомнение по поводу его вменяемости или способности к моменту производства по делу отдавать себе отчет в своих действиях или руководить ими. Невозможно обойтись без экспертизы в производстве по делу об административном правонарушении, где требуется установить принадлежность растений к культурам, содержащим наркотические вещества, и т.д. [7, с. 1122]

В свое время А.П. Коренев, говоря о реализации административно-правовых норм, справедливо указывал на то, что «правоприменение, как и всякая общественно полезная деятельность, должно быть научно организовано». [8, с. 32]

В целях совершенствования тактики производства по делам об административных правонарушениях, а также методической помощи уполномоченным субъектам, возбуждающим и рассматривающим анализируемые дела об административных правонарушениях, приведем вопросы, которые, по нашему мнению, должны ставиться перед экспертами в случае назначения баллистических экспертиз пневматического оружия:

1. Относятся ли представленные предметы к пневматическому оружию? Если да, то к какому виду, модели?

2. Где и когда изготовлено представленное оружие (предприятие-изготовитель, фирма, год выпуска)?

3. Пригодно ли оружие к стрельбе?

4. Какова дульная энергия снарядов при выстреле из представленного оружия?

Без решения указанных вопросов, требующих специальных познаний, согласно правовой позиции Верховного Суда Российской Федера-

ции, нельзя признать обвинительные выводы обоснованными. Тем более что, согласно ст. 26.1 КоАП РФ, в ходе рассмотрения дела об административном правонарушении выяснению подлежат наличие события административного правонарушения, виновность лица в совершении данного деяния и иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела.

Остановимся на вопросах привлечения к административной ответственности по статье 7.17 КоАП РФ «Уничтожение или повреждение чужого имущества», согласно которой орудием совершения правонарушения является пневматическое оружие, применявшееся в условиях неочевидности.

В связи с этим отметим, что законодателем не урегулирован вопрос о фиксации административного правонарушения в случае, если не установлено лицо, его совершившее. В итоге правоприменитель в минимальном объеме осуществляет деятельность по собиранию доказательств, и в дальнейшем в случае установления лица, совершившего правонарушение, при отсутствии достаточных доказательств возникают сложности привлечения его к ответственности. Как отмечает Б.Р. Зуев, «этот недостаток приводит к большой латентности административных правонарушений и как следствие – в дальнейшем к росту преступности». [9, с. 519].

К сожалению, в этом направлении правоприменители проявляют также определенную степень инертности, то есть не стремятся использовать экспертные возможности, например, установить направление выстрела, исследовать следы, образовавшиеся на месте повреждения, с целью установления мощности пневматического оружия и т.д. Подобные дела чаще всего прекращаются на основании п. 6 ч. 1. ст. 24.5. КоАП РФ за истечением сроков давности привлечения к административной ответственности. Подобное положение дел, наверное, можно попытаться объяснить тем, что использование высоких процессуальных стандартов в производстве по делам об административных правонарушениях вызывает у правоприменителей определенные сложности как правового, так и организационного характера. [10, с. 10]

По нашему мнению, затруднения в процессуальной реализации экспертизы в производстве по делам об административных правонарушениях в деятельности полиции вызваны несоот-

ветствием самой идеологии процессуальной части КоАП РФ, требующей от правоприменителя вдумчивого, в определенном смысле размеренного поведения, связанного со всесторонним исследованием обстоятельств каждого правонарушения, убедительной аргументацией принимаемых решений и продолжающимся «валовым» характером соответствующей полицейской работы, который закономерно снижает качество материалов дел об административных правонарушениях.

Нам близка позиция М.Я. Масленникова, полагающего, что фиксация административного правонарушения и в случае неустановления лица, его совершившего, должна осуществляться процессуально [9, с. 519].

Дополнительной причиной практического неиспользования возможностей экспертного сопровождения сотрудниками полиции по рассматриваемой категории дел, по нашему наблюдению, является недостаточная информированность заинтересованных лиц о современных возможностях экспертных исследований.

Обсуждение и заключения

Мы поддерживаем позицию авторов, которые считают, что «обеспечение широкого использования специальных познаний и технических средств в процессе производства по делу об административном правонарушении поставит административно-юрисдикционную деятельность на научную основу и потребует повышения профессиональной квалификации должностных лиц, рассматривающих дела об административных правонарушениях путем их информирования о современных возможностях экспертных исследований» [11, с. 84]. Кроме того, можно обоснованно утверждать о существующей необходимости в интенсификации использования достижений других наук в противодействии административным правонарушениям.

Таким образом, отметим, что решение возникающих при назначении экспертизы вопросов не может проходить изолированно от других проблем производства по делам об административных правонарушениях.

Это связано с тем, что именно они позволяют в процессе раскрытия и расследования правонарушения использовать весь спектр современных научно-технических средств и тем самым гарантировать права участников производства по делам об административных правонарушениях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Моляров А.Н., Опарин В.Н. Административная ответственность за нарушение правил оборота гражданского и служебного оружия: монография. Омск: Омский юридический институт, 2007.
2. Смирнова Е.А. Практика применения органами внутренних дел (полицией) и судом правовых норм, содержащихся в статье 20.13 КоАП РФ // Научный портал МВД России. 2014. № 4 (28).
3. Ребец К.В. Документы как источники доказательств по делу об административном правонарушении: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2009.
4. Каплунов А.И. Административное принуждение, применяемое органами внутренних дел (системно-правовой анализ): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005.
5. Васильев Ф.П. Процессуальные особенности в административной ответственности в России: монография. М., 2003.
6. Орлов И.В. Невменяемость как освобождение от административной ответственности // Юрист. 2003. № 1 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Цуканов Н.Н. Комментарий к Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях / под ред. Ю.П. Соловья, В.В. Черникова. М.: Юрист, 2006.
8. Коренев А.П. Административное право: (общая и особенная части): учебник. М., 1986.
9. Зуев Б.Р. Процедура доказывания в производстве по делам об административных правонарушениях // Административное и административно-процессуальное право : актуальные проблемы материалы Всероссийской научно-практической конференции. М.: МосУ МВД России, 2006.
10. Соловей Ю.П. О некоторых новеллах Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе: сборник материалов международной научно-практической конференции. Часть 2. Красноярск, 2002.
11. Бочаров С.Н. и др. Административная юрисдикция : учеб. пособие. М.: МосУ МВД России, Щит-М, 2006.

REFERENCES

1. Molyarov A.N., Oparin V.N. Administrativnaya otvetstvennost' za narushenie pravil oborota grazhdanskogo i sluzhebno go oruzhiya: monografiya. Omsk: Omskij yuridicheskij institut, 2007.
2. Smirnova E.A. Praktika primeneniya organami vnutrennih del (policiej) i sudom pravovyh norm, soderzhashchihsya v stat'e 20.13 KoAP RF // Nauchnyj portal MVD Rossii. 2014. № 4 (28).
3. Rebec K.V. Dokumenty kak istochniki dokazatel'stv po delu ob administrativnom pravonarushenii: dis. ... kand. yurid. nauk. Omsk, 2009.
4. Kaplunov A.I. Administrativnoe prinuzhdenie, primenyaemoe organami vnutrennih del (sistemno-pravovoj analiz): dis. ... d-ra yurid. nauk. M., 2005.
5. Vasil'ev F.P. Processual'nye osobennosti v administrativnoj otvetstvennosti v Rossii: monografiya. M., 2003.
6. Orlov I.V. Nevmenyaemost' kak osvobozhdenie ot administrativnoj otvetstvennosti // YUrist. 2003. № 1 // Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».
7. Cukanov N.N. Kommentarij k Kodeksu Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah / pod red. YU.P. Solov'ya, V.V. Chernikova. M.: YUrist, 2006.
8. Korenev A.P. Administrativnoe pravo: (obshchaya i osobennaya chasti): uchebnik. M., 1986.
9. Zuev B.R. Procedura dokazyvaniya v proizvodstve po delam ob administrativnyh pravonarusheniyah // Administrativnoe i administrativno-processual'noe pravo : aktual'nye problemy materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii. M.: MosU MVD Rossii, 2006.
10. Colovej YU.P. O nekotoryh novellah Kodeksa Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah // Aktual'nye problemy bor'by s prestupnost'yu v Sibirskom regione: cbornik materialov mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. CHast' 2. Krasnoyarsk, 2002.
11. Bocharov S.N. i dr. Administrativnaya yurisdikciya : ucheb. posobie. M.: MosU MVD Rossii, SHCHit-M, 2006.

Об авторе: Горелик Андрей Витальевич, аспирант Омской юридической академии

e-mail: andgorelik@yandex.ru

© Горелик А.В., 2017

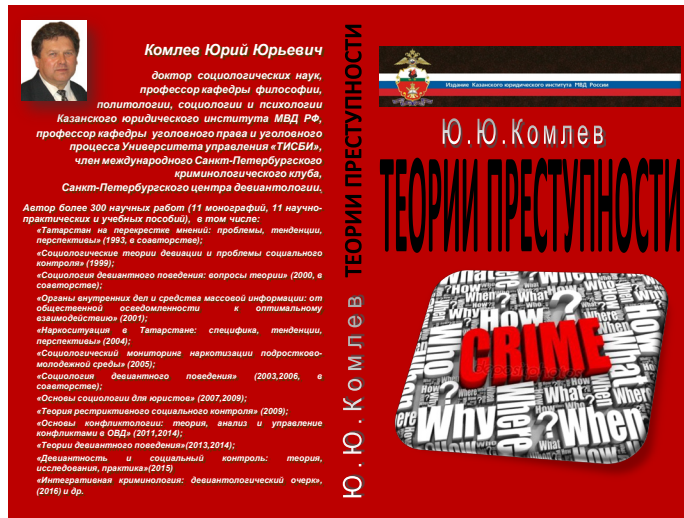
Статья получена: 03.08.2017. Статья принята к публикации: 12.12.2017.

Статья опубликована онлайн: 20.12.2017.

About the author: Gorelik Andrei V., Postgraduate of Omsk Law Academy
e-mail: andgorelik@yandex.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The author has read and approved the final manuscript.

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ КАЗАНСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ

Комлев Ю.Ю.

Теории преступности: учебное пособие
/Ю.Ю.Комлев. – Казань: КЮИ МВД Рос-
сии, 2017. – 112с.

В пособии излагаются основные положения социологических теорий преступности, рассматривается их генезис от позитивистской и непозитивистской (пост-классической) парадигм к интегративной теоретической перспективе. Учебное пособие рассчитано на студентов и курсантов, аспирантов и адъюнктов, преподавателей юридических и социологических факультетов, вузов. Работа может быть полезна в качестве дополнительного учебного пособия по курсам «Девиантология» и «Криминология».

УДК 343.9

DOI: 10.24420/KUI.2017.4(30).8621

К.Ф. Багаутдинов

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ
О СОТРУДНИЧЕСТВЕ**

**CURRENT ISSUES OF PRE-TRIAL AGREEMENT
ON COOPERATION**

Введение: в статье рассмотрены положения норм главы 40.1 УПК РФ, касающиеся реализации досудебного соглашения о сотрудничестве в уголовном судопроизводстве, сформулированы предложения о совершенствовании законодательства и следственной практики. Целью исследования является выявление несовершенства законодательства и следственной практики. Рассмотрен ряд типичных ситуаций, возникающих при расследовании уголовных дел, по которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве. Особое внимание обращено на вопросы допустимости доказательств, полученных при реализации досудебного соглашения о сотрудничестве.

Материалы и методы: при подготовке статьи проводилось обобщение материалов следственной и судебной практики, анализировались статистические сведения о применении досудебного соглашения о сотрудничестве.

Результаты исследования: выявлены особенности применения досудебного соглашения о сотрудничестве, а также противоречивые подходы к его реализации в уголовном судопроизводстве.

Обсуждение и заключения: необходимо усилить роль следователя в реализации досудебного соглашения о сотрудничестве: именно следователь должен подтвердить исполнение (неисполнение) обвиняемым условий заключенного досудебного соглашения о сотрудничестве.

Ключевые слова: досудебное соглашение о сотрудничестве; полномочия следователя; полномочия прокурора, допустимость доказательств; привлечение в качестве обвиняемого

Для цитирования: Багаутдинов К.Ф. Актуальные вопросы досудебного соглашения о сотрудничестве // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2017. Т. 8, № 4. С. 95 - 98. DOI: 10.24420/KUI.2017.4(30).8621.

Introduction: the paper is devoted to the provisions of Chapter 40.1 of the Criminal procedure code of the Russian Federation concerning the implementation of pre-trial agreement on cooperation in criminal proceedings, proposals on improvement of legislation and investigative practices. The aim of the study is to reveal the imperfection of the legislation and investigative practices. A number of typical situations that arise in the investigation of criminal cases that concluded pre-trial cooperation agreement is considered. Special attention is paid to the admissibility of evidence obtained during implementation of the pre-trial agreement on cooperation.

Materials and Methods: while preparing the paper, the generalization of judicial and investigation practice were held, moreover, statistical information about the use of pre-trial agreement on cooperation was analyzed.

Results: peculiarities of application of pre-trial agreement on cooperation, as well as conflicting approaches to its implementation in criminal proceedings were identified.

Discussion and Conclusions: it is necessary to strengthen the role of the investigator in the implementation of the pre-trial agreement on collaboration: the investigator must confirm the performance (failure) by the accused of the conditions of the concluded pre-trial agreement on cooperation.

Key words: pre-judicial cooperation agreement; powers of investigator; powers of attorney, the admissibility of evidence; involvement as a defendant

For citation: Bagautdinov K.F. Current Issues of Pre-trial Agreement on Cooperation // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2017. V. 8, № 4. P. 95 - 98. DOI: 10.24420/KUI.2017.4(30).8621.

Введение

Институт досудебного соглашения о сотрудничестве, введенный в УПК РФ в 2009 г., продолжает развиваться. Хотя в целом число заключенных досудебных соглашений остается незначительным, роль данного института в раскрытии преступлений возрастает. Досудебное соглашение о сотрудничестве, как и любая другая новелла законодательства, привлекает постоянное внимание со стороны ученых, практиков. Об этом говорит значительное число публикаций, защищенных диссертаций, посвященных данному институту. С учетом практики применения главы 40.1 УПК РФ законодатель дважды вносил в нее изменения, совершенствуя механизм реализации досудебного соглашения о сотрудничестве. Положительную роль сыграли постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 16 «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» и приказ Генерального прокурора РФ от 15 марта 2010 г. № 107 «Об организации работы по реализации полномочий прокурора при заключении с подозреваемыми (обвиняемыми) досудебных соглашений о сотрудничестве по уголовным делам». В них даны рекомендации и указания по различным вопросам применения института досудебного соглашения о сотрудничестве.

Отметим, что эффект процессуальной экономии, который, по мнению отдельных авторов [2], достигается за счет привлечения к сотрудничеству подозреваемых и обвиняемых, на самом деле не является столь очевидным и существенным, как, например, в случаях согласия обвиняемого с предъявленным обвинением. Фактически в большинстве случаев заключение досудебного соглашения о сотрудничестве не приводит к процессуальной экономии. Наоборот, в результате неоднократного выделения уголовных дел, направления их по отдельности в суд, участия лиц, заключивших досудебное соглашение о сотрудничестве, как в своем уголовном деле, так и по делам соучастников, расследование и судебное рассмотрение уголовных дел затягиваются.

Статистика

Статистика судебного рассмотрения уголовных дел, по которым было заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, приводит к некоторым интересным выводам. Всего осуждено лиц в особом порядке судебного разбирательства при заключении досудебного соглашения: 2011 г. – 2 630 лиц, 2012 г. – 2 099 лиц, 2013 г. – 3 155 лиц,

2014 г. – 3 875 лиц, 2015 г. – 4 134 лица, 2016 г. – 3 794 лица¹.

При этом ежегодно по РФ всего осуждалось более 700 тысяч человек. Таким образом, доля лиц, заключивших досудебное соглашение о сотрудничестве и осужденных в особом порядке, составляет ежегодно в пределах половины процента и является мизерной.

С другой стороны, не должно быть какой-либо установки на непременно увеличение этого показателя. Досудебное соглашение о сотрудничестве – это довольно специфическое средство, его применение носит сложный характер. И здесь правоприменители не могут ориентироваться на высокие показатели другого особого порядка – при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением. Соответственно, заключение досудебного соглашения не может носить массовый характер.

Согласно статистическим данным, из числа осужденных данной категории в среднем каждый пятый совершил преступления небольшой тяжести (т.е. с максимальным сроком наказания в виде лишения свободы до трех лет). Обоснованность и необходимость заключения досудебного соглашения с указанными лицами вызывает серьезные вопросы.

Чуть меньшую долю составляют лица, совершившие преступления средней тяжести (максимальный срок наказания в виде лишения свободы до пяти лет), – в среднем в пределах 15 % ежегодно.

Таким образом, заключение досудебных соглашений о сотрудничестве не вполне оправданно, поскольку не менее одной трети подобных соглашений заключается с лицами, совершившими преступления небольшой и средней тяжести.

Результат исследования

Представители Следственного комитета обоснованно отмечают, что после заключения досудебного соглашения о сотрудничестве законодатель не предоставил органам следствия возможности процессуально оформить и донести до прокурора, суда собственную позицию о том, какое значение имели для следствия действия лица, заключившего досудебное соглашение [3, с.18-21].

Окончательную оценку исполнению (неисполнению) обвиняемым взятых на себя обязательств дает прокурор при поступлении к нему уголовного дела для утверждения обвинительного заключения. Прокурор изучает уголовное дело и принимает решение – вносить или не вносить представление об особом порядке рассмотрения уголовного дела. Получение каких-либо справок, информации, дру-

¹ Статистическая информация о заключенных судебных соглашениях // Судебный департамент при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=242> (дата обращения: 10.10.2017).

гих подтверждений от следователя об исполнении (неисполнении) обвиняемым обязательств законом не предусмотрено. Между тем именно следователь должен подтвердить исполнение обвиняемым взятых на себя по досудебному соглашению о сотрудничестве обязательств. Здесь важна и психологическая составляющая – ее может оценить только следователь. Следователь непосредственно работает с обвиняемым, ему известны все нюансы, детали дела. Он лучше, чем кто-либо, осведомлен о внутреннем мире обвиняемого, наблюдает его реакцию, переживания и многое другое, что прокурору недоступно. Прокурор же дает оценку исполнения обвиняемым своих обязательств сугубо формально, исходя из материалов уголовного дела, как правило, не встречаясь с обвиняемым.

Обсуждение и заключения

С учетом вышесказанного предлагаем законодательно закрепить положение о том, что при направлении уголовного дела прокурору следователь одновременно направляет прокурору подробную информацию об исполнении обвиняемым взятых на себя по досудебному соглашению о сотрудничестве обязательств, а также ходатайство о внесении прокурором соответствующего представления в суд. При этом следователь подробно описывает все действия обвиняемого в рамках досудебного соглашения о сотрудничестве, указывает, какое значение для дела имели информация, сведения, полученные от обвиняемого, какую роль сыграло его содействие в раскрытии преступлений, изобличении соучастников и т.д. Информация, раскрывающая детали исполнения досудебного соглашения о сотрудничестве, направляется прокурору отдельно и в уголовное дело (за исключением ходатайства следователя) не приобщается. Прокурор принимает решение по дальнейшей судьбе досудебного соглашения о сотрудничестве – с учетом информации и ходатайства следователя.

Если обвиняемый, реализуя поданное им ходатайство о заключении досудебного соглашения, уже до его заключения начал оказывать содействие следствию, дал признательные показания, изобличил соучастников, однако затем по тем или иным причинам досудебное соглашение не было заключено, возникает вопрос о допустимости в качестве доказательств его признательных показаний. Предположим, что, узнав об отказе прокурора в заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, обвиняемый отказался от признательных показаний, данных им в период рассмотрения ходатайства о заключении досудебного соглашения. При этом обвиняемый пояснил, что дал признательные показания в обмен на обе-

щания следователя и прокурора заключить досудебное соглашение о сотрудничестве.

В УПК РФ отсутствуют положения о том, что в случае отказа заключить с подозреваемым (обвиняемым) досудебное соглашение о сотрудничестве данные им признательные показания не могут использоваться в доказывании. По мнению отдельных авторов, названное обстоятельство может служить почвой для тактической уловки стороны обвинения по получению изобличающих подозреваемого (обвиняемого) показаний под мнимым предложением заключения досудебного соглашения [1, с. 16-18].

Мы разделяем указанные опасения. Считаем, что в таких случаях обвиняемый (подозреваемый), защитник вправе заявить прокурору либо в судебном заседании ходатайство о признании подобных доказательств недопустимыми. Априори признать такие доказательства недопустимыми, указав об этом в ст. 75 УПК РФ, считаем невозможным. В каждом конкретном случае требуется всесторонняя, полная, комплексная оценка. Если обвиняемый, подав ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, до его рассмотрения указал на места хранения похищенного, оружия, наркотиков и т.д., и все это было там изъято, как можно признавать такие объективные доказательства недопустимыми? Если обвиняемый дал признательные показания, которые впоследствии были подтверждены другими объективными доказательствами (заключениями экспертиз, показаниями свидетелей, потерпевших и т.д.), также нет оснований признавать такие доказательства недопустимыми. А если признательные показания обвиняемого никакими другими доказательствами не подтверждаются, они, безусловно, не могут считаться допустимыми доказательствами.

Заметим, что диспозиция ст. 317.3 УПК РФ полностью совпадает с диспозицией статьи 171 УПК РФ, регулирующей порядок привлечения лица в качестве обвиняемого. Таким образом, досудебное соглашение о сотрудничестве фактически полностью дублирует постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого.

Однако на практике не всегда возможно соблюсти это требование. Нередко обвинение перепредъявляется, квалификация действий виновного изменяется. Однако закон не требует в таких случаях вносить изменения в досудебное соглашение о сотрудничестве либо заключать новое соглашение. Но суды в отдельных случаях считают, что при изменении квалификации действий обвиняемого, ранее заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, необходимо заключение нового соглашения. В результате складывается противоречивая судебная практика по данному вопросу.

О.В. Климанова предлагает на законодательном уровне установить требование о недопустимости «поворота к худшему» в части квалификации, указанной в досудебном соглашении о сотрудничестве, поскольку она входит в предмет соглашения и относится к обязательствам прокурора, принимаемым им в соответствии с соглашением о сотрудничестве. Квалификация деяния должна быть сохранена или изменена в сторону, улучшающую положение лица, в итоговом обвинении, которое обозначит пределы судебного разбирательства [4, с. 19].

По нашему мнению, нет оснований согласиться с подобным подходом. Если лицо заключило

досудебное соглашение, то ни следователь, ни прокурор не могут дать никаких гарантий о неизменности квалификации действий обвиняемого, указанной в досудебном соглашении о сотрудничестве. Следствие еще не закончено, оно продолжается. Не исключено, что с ходатайствами о заключении досудебного соглашения обратятся другие соучастники преступления, будут добыты новые доказательства, и в результате квалификация действий обвиняемого, ранее заключившего досудебное соглашение, изменится в сторону ухудшения его положения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вдовцев П.В., Каркошко Ю.С. К вопросу о предмете досудебного соглашения о сотрудничестве // Российский следователь. 2015. № 11. С. 16-18.
2. Иванов А.А. Теоретические и организационно-правовые аспекты реализации института досудебного соглашения о сотрудничестве в российском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2013.
3. Казаков А.А., Корешников Д.С. К вопросу о наделении следователя правом заключать досудебное соглашение о сотрудничестве в контексте разрешения проблем применения главы 40.1 УПК РФ // Российский следователь. 2017. № 10. С. 18-21.
4. Климанова О.В. Досудебное соглашение о сотрудничестве: правовая природа, договорные характеристики и проблемы квалификации преступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2017. 24 с.

REFERENCES

1. Vdovcev P.V., Karkoshko YU.S. K voprosu o predmete dosudebnogo soglasheniya o sotrudnichestve // Rossijskij sledovatel'. 2015. № 11. S. 16-18.
2. Ivanov A.A. Teoreticheskie i organizacionno-pravovye aspekty realizacii instituta dosudebnogo soglasheniya o sotrudnichestve v rossijskom ugolovnom processe: avtoref. dis. ... kand.yurid.nauk. N. Novgorod, 2013.
3. Kazakov A.A., Koreshnikov D.S. K voprosu o nadelenii sledovatelya pravom zaklyuchat' dosudebnoe soglasenie o sotrudnichestve v kontekste razresheniya problem primeneniya glavy 40.1 UPK RF // Rossijskij sledovatel'. 2017. № 10. S. 18-21.
4. Klimanova O.V. Dosudebnoe soglasenie o sotrudnichestve: pravovaya priroda, dogovornye harakteristiki i problemy kvalifikacii prestuplenij: avtoref. dis. ... kand.yurid.nauk. Samara, 2017. 24 s.

Об авторе: Багаутдинов Камилъ Флерович, руководитель Азнакаевского межрайонного следственного отдела Управления Следственного комитета РФ по Республике Татарстан
e-mail: fler5858@mail.ru

© Багаутдинов К.Ф., 2017

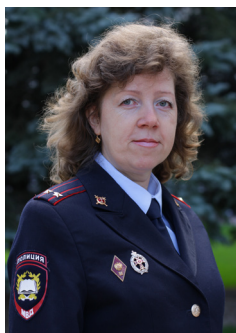
Статья получена: 07.11.2017. Статья принята к публикации: 12.12.2017.

Статья опубликована онлайн: 20.12.2017.

About the author: Bagautdinov Kamil' F., Head of Aznakaevo on the Investigative Department of the Investigative Committee of the Russian Federation in the Republic of Tatarstan
e-mail: fler5858@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final version of the manuscript.

УДК 343.136

DOI: 10.24420/KUI.2017.4(30).8622

Е.С. Кудряшова

**СТАНДАРТ КАЧЕСТВА ДОСЛЕДСТВЕННОЙ ПРОВЕРКИ,
ОСУЩЕСТВЛЯЕМОЙ ОРГАНАМИ ДОЗНАНИЯ**

**QUALITY STANDARD OF INITIAL VERIFICATION
BY INSTITUTION ORGANS**

Введение: в статье рассматриваются вопросы, связанные с решением задач по повышению качества и эффективности деятельности органов дознания, дознавателей в стадии возбуждения уголовного дела. Актуальность вопроса подтверждается непрекращающейся полемикой ученых и практиков о модернизации уголовного судопроизводства, в частности исключения стадии возбуждения уголовного дела. Цель исследования – выработка стандарта качества доследственной проверки, который позволит унифицировать действия должностных лиц органов дознания в стадии возбуждения уголовного дела при применении норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства.

Материалы и методы: методологию исследования составляет системный подход с использованием теоретических методов исследования (анализа, синтеза, индукции, дедукции, обобщения) и эмпирических методов (описания, сравнения). Изучение, анализ и обобщение материалов доследственных проверок и уголовных дел, находящихся в производстве уполномоченных лиц органов дознания, позволили выделить общие недостатки в их деятельности и выработать основные направления по повышению качества и эффективности работы по раскрытию и расследованию преступлений на первоначальном этапе.

Результаты исследования: утверждается необходимость в сложившейся правоприменительной сфере в выработке стандарта качества доследственной проверки, проводимой должностными лицами органов дознания. Представлена авторская модель стандарта качества.

Обсуждение и заключения: автор предлагает использовать выработанный стандарт качества доследственной проверки в целях унифицированного применения норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства. Представлены основные направления разработки новых стандартов качества уголовного дела, расследуемого как в форме дознания, так и в форме предварительного следствия.

Ключевые слова: стандарт качества; доследственная проверка; качество и эффективность деятельности органов дознания; стадия возбуждения уголовного дела

Для цитирования: Кудряшова Е.С. Стандарт качества доследственной проверки, осуществляемой органами дознания // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2017. Т. 8, № 4. С. 99 - 104. DOI: 10.24420/KUI.2017.4(30).8622.

Introduction: the present paper deals with issues related to the solution of tasks to improve the quality and effectiveness of the activities of the bodies of inquiry, investigators in the stage of initiating criminal proceedings. The relevance of the issue is confirmed by the continuing polemics of scientists and practitioners on the modernization of criminal justice, in particular, the exclusion of the stage of criminal proceedings. The purpose of the study is the development of a quality standard for pre-investigation testing that allows to unify the actions of officials of inquiry agencies in the stage of initiating a criminal case when applying the norms of criminal and criminal procedural legislation.

Materials and Methods: the methodology of the study is a systematic approach using theoretical research methods (analysis, synthesis, induction, deduction, generalization) and empirical methods (descriptions, comparisons). The study, analysis and generalization of the materials of pre-investigation checks and criminal cases in the authorized persons of the bodies of inquiry made it possible to single out general shortcomings in their activities and to develop the main directions for improving the quality and efficiency of work on disclosure and investigation of crimes at the initial stage.

Results: in the existing law enforcement sphere, an objective need has arisen to develop a quality standard for pre-investigation checks conducted by officials of inquiry agencies. The author's model of the quality standard is presented.

Discussion and Conclusions: the author suggests using the developed quality standard of the pre-investigation check for the unified application of the norms of the criminal and criminal procedural legislation.

It is planned to further develop the quality standards for the criminal case, investigated both in the form of an inquiry and in the form of a preliminary investigation.

Key words: quality standard; pre-investigation verification; quality and effectiveness of the activities of the bodies of inquiry; the stage of initiation of criminal proceedings

For citation: Kudryashova E.S. Quality Standard of Initial Verification by Institution Organs // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2017. V. 8, № 4. P. 99 - 104. DOI: 10.24420/KUI.2017.4(30).8622.

Введение

Изменения в политической, социально-экономической сферах общественной жизни, произошедшие в последние десятилетия, не могли не отразиться на состоянии современного уголовного судопроизводства. Перемены общественного порядка неминуемо способствуют обострению противоречий между традиционными подходами к осуществлению уголовного судопроизводства и стереотипом правоприменения. Досудебное производство не имеет возможности в полной мере решать задачи, связанные с реализацией назначения уголовного процесса: борьбы с преступностью.

Обзор литературы

Самые радикальные предложения по модернизации уголовного процесса в досудебных стадиях все чаще связывают с отменой института возбуждения уголовного дела¹ [1, 2]. Усилия законодателя и научной общественности по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства сосредоточены именно на этой проблеме в связи с тем, что стадия возбуждения уголовного дела не является безупречной по ряду причин. К некоторым из них относятся:

- отсутствие до 1960 года этой стадии, и только в связи с принятием Уголовно-процессуального кодекса РСФСР она стала самостоятельным общепризнанным этапом в стадийности уголовного процесса;
- все расширяющийся перечень допустимых законодательством процессуальных действий и решений, чье увеличение произошло под влиянием мнений правоприменителей;
- сложившаяся определенным образом судебная практика. Под воздействием позиций Верховного Суда РФ, Конституционного Суда РФ² в последнее время суды требуют от органов предварительного расследования обязательного вынесения постановления о возбуждении уголовного дела, если выявлены новые эпизоды преступной деятельности лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, а также в случаях установления иных лиц, совершивших преступ-

ные деяния совместно с подозреваемым (обвиняемым);

- оказание существенного влияния этой стадии на складывающуюся в последнее десятилетие криминогенную обстановку (значительное увеличение количества зарегистрированных сообщений о происшествиях, преступлениях, что, в свою очередь, привело к росту числа расследованных уголовных дел и решений об отказе в возбуждении уголовного дела, выявление нарушений учетно-регистрационной дисциплины);

- существенные препятствия при собирании доказательств на первоначальном этапе расследования; неоднократные вызовы граждан в ОВД; проведение повторных экспертных исследований для получения доказательств;

- ограничение возможностей использования результатов оперативно-розыскной деятельности;

- отсутствие института возбуждения уголовного дела в уголовно-процессуальном законодательстве некоторых европейских государств и странах бывшего СССР.

В то же время значительная часть ученых-процессуалистов считают необходимым сохранение данной стадии в Уголовно-процессуальном кодексе РФ (далее – УПК РФ), обосновывая свою позицию возможностью нарушений прав и свобод участников уголовного процесса [3, 4, 5].

Вернувшись к истокам сущности доследственной проверки, выделим в ее содержании некоторые моменты, связанные прежде всего с изучением материалов, представленных заявителем, анализом фактических данных, содержащихся в заявлении, установлением личности заявителя, уточнением обстоятельств, от которых зависит принятие решения о направлении заявления по подследственности [6, с. 458].

Г.П. Химичева небезосновательно выдвигает тезис о том, что первоначальная проверка является обязательной составной частью уголовно-процессуальной деятельности на стадии возбуждения уголовного дела и носит процессуальный характер [7, с. 136].

¹ Есаков Г.А., Долотов Р.О., Филатова М.А., Редчиц М.А., Степанов П.П., Цай К.А. Уголовная политика: дорожная карта (2017–2025 гг.). М.: Центр стратегических разработок, 2017.

² Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 21.12.2006 № 533-0 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.10.2017).

Исследуя на монографическом уровне проблематику принятия решений в уголовном процессе, П.А. Лупинская справедливо выделяет два этапа: информационный – собирание и оценку информации, которая приводит к выводу о наличии или отсутствии определенных обстоятельств и признаков, необходимых для вынесения решения по конкретному факту, и собственно принятие решения о действии на основе полученной информации [6, с. 458].

А.С. Лизунов дает определение эффективности следственной проверки согласно которому это «соотношение достигнутого результата в виде подтверждения либо опровержения поступивших в правоохранительный орган первоначальных данных о признаках преступления, установление лица, предположительно совершившего преступление, и затраченных на это временных и материальных ресурсов, при минимизации средств уголовно-процессуального принуждения» [8, с. 59].

Дальнейшие наблюдения привели исследователя к установлению условий эффективности следственной проверки. К ним относятся: всесторонняя реализация требований процессуальной экономии; быстрота (оперативность); установление компромисса между потребностью в достижении целей следственной проверки и недопущением необоснованного вовлечения личности в сферу уголовно-процессуальной деятельности [8].

Результаты исследования

Применительно к существующей стадии возбуждения уголовного дела качество следственной проверки складывается из нескольких составляющих:

- своевременности регистрации поступившего заявления или сообщения о преступлении;
- эффективности работы следственно-оперативной группы (далее – СОГ) (незамедлительность выезда на место происшествия, слаженность действий членов дежурной группы по «отработке заявки» в целях быстрого раскрытия преступления по горячим следам, пресечения преступления, установления лица, его совершившего; обнаружение, фиксация следов и объектов, их изъятие; грамотное оформление процессуальных документов);
- полноты сбора материала (выполнение необходимых следственных, процессуальных действий);
- своевременного принятия законного и обоснованного решения.

Проанализировав материалы первоначальных проверок и уголовных дел, мы определили основные моменты, касающиеся качества проведения следственных проверок и характерные для деятельности органов дознания, дознавателей в стадии возбуждения уголовного дела.

Основными недостатками при направлении следственно-оперативных групп на место происшествия являются: необеспечение должным образом полноты СОГ, несвоевременность выездов групп; некачественное проведение осмотров мест происшествий. Рассмотрим некоторые причины.

При выезде на места совершения превентивных преступлений зачастую установлены лица, их совершившие. Поэтому специалисты экспертно-криминалистических подразделений к осмотру не привлекаются. Имеют место проведение осмотров мест происшествий участковыми уполномоченными полиции.

Недостаточная штатная численность экспертов способствует тому, что их привлекают в основном для выездов на места происшествий по заявлениям, сообщениям о тяжких и (или) особо тяжких преступлениях или совершенных на улицах.

Несмотря на использование сотрудниками полиции имеющихся в распоряжении экспертно-криминалистических средств, входящих в комплект чемодана следователя, неумение дознавателей применять специальные средства и методы существенно сказывается на результативности осмотров: либо следы и объекты не изымаются, либо изъятые следы впоследствии признаются непригодными для исследований.

Применение служебно-розыскных собак при осмотре места происшествия является эпизодическим, в то время как необходимость в этом в некоторых случаях достаточно велика (выезд СОГ не в полном составе достигает иногда 80 % - 90 %).

Работа сотрудников уголовного розыска, как правило, ограничивается составлением плана - схемы и получением от очевидцев объяснений без выяснения подробных обстоятельств, а участковых уполномоченных полиции – составлением формальных рапортов об отработке жилого сектора.

Характерные недостатки при проведении следственной проверки выражаются в следующем: для проведения экспертных исследований направляются следы и объекты не в полном объеме, поэтому результаты исследований не всегда отражают объективную картину.

¹ Материалы уголовного дела № 542781, возбужденного 25.12.2015 отделом дознания отдела полиции № 6 Управления МВД России по городу Нижнему Новгороду по части 1 статьи 228 УК РФ в отношении К.

Материалы, поступающие в подразделения дознания для принятия решения в порядке статей 144, 145 УПК РФ, зачастую состоят из заявления или рапорта сотрудника полиции о выявленном преступлении и поверхностного объяснения заявителя. Необходимые документы не приобщаются, вследствие чего дознаватели вынуждены проводить следственные и иные процессуальные действия.

Направление материалов в предельные сроки принятия процессуальных решений вынуждает дознавателей при производстве по уголовному делу исправлять недоработки сотрудников других служб, допущенные на этапе доследственной проверки.

Например, поводом к возбуждению уголовного дела № 542781¹, послужил рапорт сотрудника патрульно-постовой службы о доставлении в отдел полиции гражданина К., у которого при личном досмотре обнаружено наркотическое средство. Опрошенный К. пояснил, что имеющееся при нем наркотическое средство (героин) он приобрел у неизвестного ему лица по имени «Сергей» за 1 000 рублей. Со слов К., номер этого абонента внесен в список номеров его сотового телефона. Находящийся при К. мобильный телефонный аппарат сотрудниками полиции изъят не был. Впоследствии он был утерян, при производстве обыска по месту жительства подозреваемого не найден. В ходе оперативно-розыскных мероприятий, проводимых сотрудниками оперативных подразделений, установить лицо, осуществившее сбыт наркотического средства, не представилось возможным.

Другой пример. При изучении нами материала проверки¹ по факту открытого хищения имущества, принадлежащего Т., установлено, что 05.12.2013 он выпивал с другом, после чего вызвал такси и поехал домой. Около своего дома Т. вышел из такси и пошел домой, в это время к нему подошли неизвестные молодые люди и насильно посадили в свой автомобиль, требуя при этом 400 рублей, после чего повезли его в неизвестном направлении. Высадили Т. в другом районе, где он обнаружил, что у него отсутствуют золотой крестик и сотовый телефон. Вызвал сотрудников полиции. Материал после неоднократного перенаправления был возвращен по месту регистрации в журнале КУСП заявления пострадавшего. Срок продлен до 30 суток в связи с необходимостью приобщения дополнительных до-

кументов, в частности справки о доходах Т. формы 2-НДФЛ. По истечении указанного срока материал передан в подразделение дознания для решения вопроса о возбуждении уголовного дела, однако названный документ сотрудником уголовного розыска к материалу проверки не приобщен.

Основные усилия по повышению качества и эффективности работы по раскрытию и расследованию преступлений на первоначальном этапе направлены на:

- уменьшение случаев некачественного проведения осмотров мест происшествия и утраты имеющихся доказательств с целью повышения эффективности работы следственно-оперативных групп;
- привлечение специалистов экспертно-криминалистических подразделений (далее – ЭКП) к проведению всех следственных действий, в ходе которых необходима работа с материальными источниками информации;
- осуществление постоянного контроля за своевременностью и полнотой направления сотрудниками органов дознания в ЭКП следов и объектов, изъятых с мест происшествия, а также получения результатов исследований и заключений экспертов;
- обучение сотрудников органов дознания с привлечением специалистов ЭКП тактике и методике проведения осмотра места происшествия, более эффективному использованию технических средств при фиксации и изъятии следов преступлений.

Обсуждение и заключения

На государственном уровне введена программа «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» (2013-2020 гг.)², которая обеспечивает решение задач по повышению качества и эффективности предварительного расследования, в частности дознания. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утвержденная указом Президента РФ от 31.12.2015 № 683³, призвана способствовать не только развитию национальной экономики, укреплению политической стабильности в обществе, обеспечению государственной и общественной безопасности, но и повышению эффективности деятельности правоохранительных органов. Среди первоочередных задач выделены: повышение качества и эффектив-

¹ Материал КУСП № 1296 от 20.01.2014, находившийся в производстве отдела дознания отдела полиции № 5 Управления МВД России по городу Нижнему Новгороду.

² Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности»: постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 345 (ред. от 31.03.2017). URL: <http://legalacts.ru/doc/postanovlenie-pravitelstva-rf-ot-15042014-n-345/> (дата обращения: 21.09.2017).

³ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/ (дата обращения 21.09.2017).

ности предварительного следствия; повышение эффективности оперативно-розыскной деятельности и дознания.

Разработчики дорожной карты¹ предлагают в целях совершенствования системы учета и регистрации заявлений и сообщений о преступлениях введение международных стандартов. Опираясь на зарубежный передовой опыт и экономическую составляющую процесса перехода на новый этап развития законодательства, они считают необходимым подготовку проекта федерального закона о внесении изменений в УПК РФ о внедрении оптимальной модели организации уголовного судопроизводства.

В качестве одного из возможного варианта рассматривается такая процессуальная модель, которая исключает институт возбуждения уголовного дела. Этот правовой институт, по мнению экспертов в предложенной ими дорожной карте, должен быть трансформирован в институт начала уголовного судопроизводства и включать определенную систему действий, выполняемых органом дознания, следователем, дознавателем. Такая система, прежде всего, обеспечивает доступ граждан к правосудию, с учетом конституционных гарантий прав граждан².

В качестве элементов системы можно выделить: принятие и регистрацию заявления, сообщения о преступлении; собирание доказательств – проверка сообщения; применение задержания как меры процессуального принуждения (сроком не более 48 часов без судебного решения); производство неотложных следственных действий (допросы участников, обыск, выемка и другие).

В сложившейся правоприменительной сфере назрела объективная необходимость выработки стандарта качества следственной проверки. В целях обеспечения единообразного подхода по рассмотрению вопросов, касающихся процессуальной деятельности органов дознания, дознавателей в стадии возбуждений уголовного дела, нами разработан стандарт качества следственной проверки, который включает в себя ряд определенных параметров:

- своевременность регистрации поступившего заявления или сообщения о преступлении;
- эффективность работы следственно-оперативной группы (полнота следственно-оперативной группы; с обязательным привлечением специалиста экспертно-криминалистического подразделения, незамедлительность выезда на место проис-

шествия, слаженность действий членов дежурной группы по «отработке заявки» в целях быстрого раскрытия преступления по горячим следам, пресечения преступления, установления лица, его совершившего; обнаружение, фиксация следов и объектов, их изъятие; качественное оформление процессуальных документов);

- своевременность и полноту направления сотрудниками органов дознания в экспертно-криминалистическое подразделение следов и объектов, изъятых с мест происшествия, а также получения результатов исследований и заключений экспертов;

- принятие решения о месте хранения изъятых предметов, документов, объектов;

- достаточность и эффективность действий дознавателя, органа дознания, их руководителей, производимых в целях своевременного принятия законного и обоснованного решения в порядке статьи 145 УПК РФ (выполнение комплекса необходимых следственных, процессуальных действий);

- достаточность реализации полномочий, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством, начальником подразделения дознания (в соответствии со статьей 40.1 УПК РФ), начальником органа дознания (в соответствии со статьей 40.2 УПК РФ);

- анализ жалоб, поступивших от участников уголовного процесса, иных лиц, на действия (бездействия) и (или) решения должностных лиц, задействованных при проведении следственной проверки; результаты рассмотрения поданных жалоб;

- выяснение, имеет ли место отмена процессуальных решений в порядке прокурорского надзора, ведомственного и (или) судебного контроля; принятые меры по устранению выявленных недостатков;

- соблюдение должностными лицами иных требований УПК РФ.

Таким образом, выработанный стандарт качества следственной проверки позволит единообразно применять нормы уголовного и уголовно-процессуального законодательства в стадии возбуждения уголовного дела, оптимизировать осуществление прокурорского надзора, ведомственного и судебного контроля; унифицировать параметры оценки эффективности деятельности лиц, участвующих при проведении следственной проверки, гарантировать обеспечение прав участников уголовного судопроизводства.

¹ Есаков Г.А., Долотов Р.О., Филатова М.А., Редчиц М.А., Степанов П.П., Цай К.А. Уголовная политика: дорожная карта (2017–2025 гг.). М.: Центр стратегических разработок, 2017.

² Дорожная карта дальнейшего реформирования органов внутренних дел Российской Федерации. URL: <http://www.ormvd.ru/pubs/102/a-road-map-for-further-reform-of-the-internal-affairs-bodies-of-the-russian-federation> (дата обращения: 01.10.2017).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гаврилов Б.Я. Новый УПК РФ или дорожная карта совершенствования досудебного производства: мнение ученого и практика // Вестник Воронежского института МВД России. 2017. № 1. С. 144 - 151.
2. Александров А.С. и др Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права РФ и комментарии к ней. М.: Юрлитинформ, 2015. 304 с.
3. Быков В.М. Проблемы стадии возбуждения уголовного дела // Журнал Российского права. 2006. № 7. С. 54.
4. Хитрова О.В. Начало уголовного процесса: научные концепции и перспективы правового регулирования // Организация деятельности органов предварительного следствия и дознания в системе МВД России: управленческие и криминалистические проблемы: материалы всероссийской научно-практической конференции. В 3 ч. М., 2012. Ч. 2. С. 10-15.
5. Шадрин В.С. Начальная фаза уголовного процесса: от Устава уголовного судопроизводства до действующего уголовно-процессуального закона // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 4. С. 719-721.
6. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / отв. ред. П.А. Лупинская. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2011.
7. Химичева Г.П. Досудебное производство по уголовным делам: концепция совершенствования уголовно-процессуальной деятельности: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09. М., 2003. 399 с.
8. Лизунов А.С. Доследственная проверка как часть досудебного производства: дис. ... канд. юрид. наук :12.00.09. Н. Новгород, 2017. 226 с.

REFERENCES

1. Gavrilov B.YA. Novyj UPK RF ili dorozhnaya karta sovershenstvovaniya dosudebnogo proizvodstva: mnenie uchenogo i praktika // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. 2017. № 1. S. 144-151.
2. Aleksandrov A.S. i dr Doktrinal'naya model' ugolovno-processual'nogo dokazatel'stvennogo prava RF i kommentarii k nej M.: Yurlitinform, 2015. 304 s.
3. Bykov V.M. Problemy stadii vzbuzhdeniya ugolovnogogo dela // ZHurnal Rossijskogo prava. 2006. № 7. S. 54.
4. Hitrova O.V. Nachalo ugolovnogogo processa: nauchnye koncepcii i perspektivy pravogo regulirovaniya // Organizaciya deyatel'nosti organov predvaritel'nogo sledstviya i doznaniya v sisteme MVD Rossii: upravlencheskie i kriminalisticheskie problemy: materialy vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii. V 3 ch. M., 2012. CH. 2. S. 10-15.
5. SHadrin V.S. Nachal'naya faza ugolovnogogo processa: ot Ustava ugolovnogogo sudoproizvodstva do dejstvuyushchego ugolovno-processual'nogo zakona // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2014. № 4. S. 719-721.
6. Ugolovno-processual'noe pravo Rossijskoj Federacii: uchebnik / otv. red. P.A. Lupinskaya. 2-e izd., pererab. i dop. M., 2011.
7. Himicheva G.P. Dosudebnoe proizvodstvo po ugolovnym delam: koncepciya sovershenstvovaniya ugolovno-processual'noj deyatel'nosti: dis. ... d-ra yurid. nauk: 12.00.09. M., 2003. 399 s.
8. Lizunov A.S. Dosledstvennaya proverka kak chast' dosudebnogo proizvodstva: dis. ... kand. yurid. nauk :12.00.09. N. Novgorod, 2017. 226 s.

Об авторе: Кудряшова Елена Семеновна, преподаватель кафедры уголовного процесса Нижегородской академии МВД России

e-mail: uvd95@yandex.ru

© Кудряшова Е.С., 2017

Статья получена: 30.10.2017. Статья принята к публикации: 12.12.2017.

Статья опубликована онлайн: 20.12.2017.

About the author: Kudryashova Elena S., the Lecturer of the Department of Criminal Procedure of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

e-mail: uvd95@yandex.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final version of the manuscript.

Требования, предъявляемые к статьям, направляемым в журнал «Вестник Казанского юридического института МВД России»

1. Принимаются оригинальные научные статьи на русском языке, соответствующие профилю Журнала и отражающие результаты теоретических и/или экспериментальных исследований авторов. Не допускается направление в редакцию уже опубликованных статей или статей, отправленных на публикацию в другие журналы.

2. Статья представляется в редакцию Журнала в электронном виде. К статье прилагается цветная фотография автора в цифровом формате (JPEG) с разрешением не менее 1024x768 пикселей (в повседневной форме, без головного убора, на нейтральном фоне). Редакция оставляет за собой право на редактирование статей, без изменения их научного содержания. Статьи, соответствующие указанным требованиям, проверяются программой «Антиплагиат». Не принимаются статьи, имеющие менее 70% оригинального текста.

3. Необходимо указать УДК (<http://www.udk-codes.net/>).

4. Заголовок статьи (на русском и английском языках) должен кратко (не более 10 слов) и точно отражать содержание статьи, тематику и результаты проведенного научного исследования. В него необходимо вложить как информативность, так и привлекательность, уникальность научного творчества автора.

5. Аннотация (на русском и английском языках) выполняет функцию расширенного названия статьи и повествует о ее содержании. Рекомендуемый объем аннотации – 200–250 слов.

6. Ключевые слова (на русском и английском языках) являются поисковым образом научной статьи. Во всех библиографических базах данных возможен поиск статей по ключевым словам. В связи с этим, они должны отражать основные положения, достижения, результаты, терминологию научного исследования. Рекомендуемое количество ключевых слов – 5–10.

7. Основной текст статьи излагается на русском языке в определенной последовательности:

введение (Introduction);

обзор литературы (Literature Review);

материалы и методы (Materials and Methods);

результаты исследования (Results);

обсуждение и заключения (Discussion and Conclusions).

Приведенные части требуется выделять соответствующими подзаголовками и излагать в данных разделах релевантную информацию.

7.1. Введение содержит постановку научной проблемы, указание на ее актуальность, связь с важнейшими задачами, которые необходимо решить, значение для развития определенной отрасли науки или практической деятельности. Прежде всего указывается общая тема исследования. Затем необходимо раскрыть теоретическую и практическую значимость работы, описать наиболее авторитетные и доступные читателю публикации по рассматриваемой теме. Обозначаются проблемы, не решенные в предыдущих исследованиях, которые призвана решить данная статья, и главная идея публикации, которая существенно отличается от современных представлений о проблеме, дополняет или углубляет уже известные подходы к ней.

7.2. Обзор литературы. Необходимо описать основные (последние по времени) исследования и публикации, на которые опирается автор; современные взгляды на проблему; трудности при разработке данной темы; выделение нерешенных вопросов в пределах общей проблемы, которым посвящена статья.

7.3. Материалы и методы. В данном разделе описываются процесс организации эксперимента, примененные методики, использованная аппаратура; даются подробные сведения об объекте исследования; указывается последовательность выполнения исследования и обосновывается выбор используемых методов (наблюдение, опрос, тестирование, эксперимент, лабораторный опыт, анализ, моделирование, изучение и обобщение и т.д.).

7.4. Результаты. В этой части статьи должен быть представлен систематизированный авторский аналитический и статистический материал. Цель данного раздела – при помощи анализа, обобщения и разъяснения данных доказать рабочую гипотезу (гипотезы). Результаты при необходимости подтверждаются иллюстрациями (таблицами, графиками, рисунками).

Результаты исследования должны быть изложены кратко, но при этом содержать достаточно информации для оценки сделанных выводов. Также должно быть обосновано, почему для анализа были выбраны именно эти данные.

7.5. Обсуждение и заключения. Заключение содержит краткую формулировку результатов исследования: в сжатом виде повторяются главные мысли основной части работы; необходимо сопоставить

полученные результаты с обозначенной в начале работы целью. В заключении суммируются результаты осмысления темы, делаются выводы, обобщения и рекомендации, вытекающие из работы, подчеркивается их практическая значимость, а также определяются основные направления для дальнейшего исследования в этой области.

8. Список использованных источников. Библиографическое описание документов оформляется в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2009. При оформлении ссылок (в первую очередь, на оригинальные источники из научных журналов) следует указать фамилии авторов, журнал (электронный адрес), год издания, том (выпуск), номер, страницы, DOI или адрес доступа в сети Интернет.

9. Аффiliation авторов (на русском и английском языках) : Ф.И.О., организация(и), адрес организации(й) (требуется указать все места работы автора, в которых выполнялись исследования (постоянное место, место выполнения проекта и др.)), должность и ученое звание, ORCID ID, Researcher ID, электронная почта, телефон.

10. Вклад соавторов (на русском и английском языках). В примечании разъясняется фактический вклад каждого соавтора в выполненную работу. Порядок указания авторов и соавторов статьи согласуется ими самостоятельно.

Экземпляры журнала с опубликованными статьями можно получить путем подписки.

Опубликованные в Журнале статьи размещаются в полнотекстовом виде в электронной библиотеке Российского индекса научного цитирования, а также на сайте журнала (vestnikkui.ru)

При подаче статьи в редакцию автор соглашается с положениями прилагаемого лицензионного договора.

Рукописи принимаются ответственным секретарем редколлегии Хрусталева Ольгой Николаевной (тел.(843) 537-62-13, электронный адрес vestnikkui@mail.ru)

Главный редактор Ф.К. Зиннуров

Корректоры О.Н. Хрусталева, Е.В. Зотина, Е.О. Смирнова

Дизайн, верстка Е.А. Бикмуллина

Перевод Е.В. Зотина, Е.О. Смирнова

Редакционно-издательское отделение

420059, г. Казань, ул. Оренбургский тракт, 128 (vestnikkui@mail.ru)

Номер отпечатан в типографии КЮИ МВД России

420108, г. Казань, ул. Магистральная, 35

Подписано в печать 20.12.2017

Формат 60x84 1/8 Усл.печ.л.10,48 Гарнитура Таймс.

Печать офсетная. Тираж 200 экз.